

СУММА ПСИХОАНАЛИЗА

Том XVIII

ПРЕДИСЛОВИЕ

В данном томе серии электронных книг «Сумма психоанализа» представлены статьи российских исследователей, опубликованные в начале XXI века.

Пользуясь благоприятной возможностью выражаю благодарность А.Е.Иванову за оказанное техническое содействие.

Виктор Овчаренко

СОДЕРЖАНИЕ

Харитонов А.Н.	О современном состоянии психоаналитического движения в России	4
Алейникова Т.В.	Влечение к деструкции как один из доминантных мотивов личности	23
Алейникова Т.В.	Влечение к деструкции: норма или патология? Биологические или психологические основы? Возможные нейрофизиологические механизмы	27
Бурменская Г.В.	Проблемы онто- и филогенеза привязанности к матери в теории Джона Боулби (Вступительная статья к книге Д.Боулби "Привязанность", вышедшей в свет в издательстве "Гардарики")	31
Гридаева Г.В.	Функции сновидения: психодинамический подход	44
Николаев В.И.	Сновидение как форма интрапсихического диалога и встреча с будущим	52
Алейникова Т.В.	Анализ сновидений при суперпозиции различных методов	64
Лейбин В.М.	Цели психоаналитической терапии	70
Соколов С.Е.	Психоанализ и психоаналитическая терапия	74
Качалов П.В.	Психоаналитическая концепция травматического невроза	82
Алейникова Т.В.	Психоанализ и психотерапия людей с гомосексуальной идентичностью	89
Гармаш Л.	Так говорила Заратустра. Лу Саломе - «совершенный друг» и «абсолютное зло» в жизни Фридриха Ницше	96
Глуговский Д.В.	Развитие и сексуальность	110
Решетников М.М.	Психопатология героического прошлого и будущие поколения	154
Попов В.Д.	Эдипов комплекс и Эго. Психология власти	161
Кантор А.М.	Слово о Поле Розене	174

О современном состоянии психоаналитического движения в России

А.Н.Харитонов

*Из-за того, что одни перегибают истину
в одну сторону, я не буду перегибать ее в другую*

Жан Ростан

Актуальность рассматриваемой темы статьи определяется следующими ключевыми идеями.

Во-первых, назрела потребность прояснить ситуацию взаимодействия психоаналитических обществ, групп, других объединений в РФ, их позитивного и негативного сотрудничества, взаимовлияния, деятельности и расстановки структур в этой сфере.

Во-вторых, имеется стремление понять тенденции, пути, закономерности современного психоаналитического движения в России и определить перспективы, маркеры, динамику их дальнейшего развития.

В-третьих, необходимо совместными усилиями выработать представления, требования, принципы высококвалифицированной подготовки, дальнейшей работы в области теоретического, клинического и прикладного направлений, функционирования и роста специалистов в рамках профессионального сообщества.

В-четвертых. В реальности российского психоаналитического пространства появился круг новых людей, формирующихся в качестве специалистов в психоаналитической психотерапии и в направлении прикладного психоанализа. Эти специалисты, окончившие медицинские, психологические и другие гуманитарные факультеты, психоаналитические институты и т.п. для последующего профессионального самоопределения и становления в современном психоаналитическом сообществе нуждаются в ориентирах, стандартах и западного, и российского образцов для последующего профессионального самоопределения и становления в современном психоаналитическом сообществе.

В-пятых. Возникли условия и инициативы, выдвигаемые представителями столичных, региональных организаций, различных направлений по конструированию открытого, толерантного, единого пространства, создания возможностей для диалога, плюрализма, обмена идеями специалистов в духе широкой психоаналитической традиции, психоаналитически мыслящих «классиков»-фрейдистов, современных аналитиков, кляйнианцев, эго-психологов, лаканистов, представителей

гуманистического психоанализа, психосоматического направления, адлерянцев, юнгианцев и др.

I. Зарождение психоанализа в России

По-моему мнению, в истории российского психоанализа необходимо выделять три крупных этапа.

I этап. Конец XIX века – начало 30-х годов XX века – этап предпосылок, зарождения и развития российского психоанализа.

II этап. 30-е – 80-е годы XX века – этап запрета на психоанализ, латентное развитие психоанализа в советский период.

III этап. 90-е годы XX века (1989-1990) – по настоящее время – этап возрождения (ренессанса), плюралистичного развития психоанализа, психоаналитического направления в России.

Символическим началом зарождения психоанализа в России можно считать следующие три значимых события: знакомство З.Фрейда с русским неврологом Л.О.Даршкевичем, их совместный доклад и вышедшая статья (1885-1886 гг.); первая публикация З.Фрейда в России «О сновидениях» (1904 г.) в г.Санкт-Петербурге; выступление врача Н.Е.Осипова перед членами Русского союза невропатологов и психиатров на заседании Психиатрической клиники Московского университета под председательством В.П.Сербского.

В течение I этапа истории российского психоанализа вышли в свет серии психоаналитических публикаций – «Психотерапевтическая библиотека» под редакцией Н.Е.Осипова и О.Б.Фельцмана, «Психологическая и психоаналитическая библиотека» под редакцией профессора И.Д.Ермакова (15 выпусков), серия книг «Вопросы теории и практики психоанализа» под редакцией Я.М.Когана, журнал «Психотерапия» в 1910-1914 гг. (главный редактор Н.А.Вырубов), отдельные книги, статьи З.Фрейда, а также российских психоаналитиков, в основном врачей, философов и психологов.

В 1922-1923 гг. функционировало Казанское психоаналитическое общество (председатель А.Р.Лурия) и в 1922-1930 гг. – Русское психоаналитическое общество (председатель И.Д.Ермаков, затем М.Вульф). Другие психоаналитические группы, отдельные специалисты были в Ленинграде, Киеве, Одессе, Харькове, Ростове.

В 1923-1925 гг. осуществлял свою деятельность Государственный психоаналитический институт на базе Детского дома-лаборатории «Международная солидарность» (директор – И.Д.Ермаков).

Кроме того, в России неформально собирались на заседания и дискуссии представители кружка «Малые пятницы» (с 1912 г.) – российские сторонники психоанализа, кружка по изучению психологии художественного творчества психоаналитическим методом, Русского союза невропатологов и психиатров, российской философии (спор о психоанализе и марксизме).

Н.Е.Осипов, М.В.Вульф, Т.К.Розенталь, Л.А.Дрознес, С.Н.Шпильрейн, М.М.Асатиани, Н.А.Вырубов и др. консультировались, учились у З.Фрейда и его сподвижников, многие вели клиническую психоаналитическую деятельность при клиниках, институтах, при Русском психоаналитическом обществе и принимали участие в международных психоаналитических конгрессах.

II. Начало современного этапа российского психоанализа

Так как содержательное наполнение исторических этапов психоанализа в РФ является темой отдельного изучения и описания, я остановился только на базовых событиях зарождения психоаналитического движения в России. Целью данной статьи является рассмотрение структурного содержания современного психоаналитического движения в ситуации «здесь и теперь» (к 1 ноября 2005 года). Мною (А.Н.Харитонов, 2001; А.Н.Харитонов, 2003г), а также В.И.Овчаренко (2003), В.М.Лейбиным (1997), М.М.Решетниковым (2001) и Б.Е.Егоровым (2004) уже предпринимались попытки проанализировать с разных позиций историю современного психоанализа в России, в т.ч. этап 90-х годов XX столетия.

По моей версии, в отличие от ряда моих уважаемых коллег (профессоров В.И.Овчаренко, В.И.Лейбина, Б.Е.Егорова), своеобразным началом возрождения психоанализа в России являются три знаковых события:

торжественное заседание, посвященное 50-летию смерти З.Фрейда, проходившее в Москве в 1989 году и организованное философским обществом СССР, философским факультетом МГУ им. М.В.Ломоносова и рядом других организаций;

выход в 1989 году в свет книги З.Фрейда «Избранное» со вступительной статьей и под редакцией профессора А.И.Белкина;

одновременная организация, собрание специалистов в 1989 году в Москве и Ленинграде соответственно А.И.Белкиным Российской психоаналитической ассоциации и В.В.Зеленским Ленинградского психоаналитического общества и их официальная регистрация в 1990 году.

Российская психоаналитическая ассоциация была создана 5 января 1990 года на общей конференции врачей, психологов и ряда других специалистов в Москве, а зарегистрирована 16 февраля 1990 года президиумом Всесоюзной медицинской федерации.

III. Издание на русском языке работ З.Фрейда и его последователей, представителей современного психоанализа

Начиная с известных каждому российскому психоаналитику книг З.Фрейда: «Избранное» (1989), «Психология бессознательного» (1989), «Введение в психоанализ. Лекции» (1990) – в СССР, а затем в России вышли миллионными тиражами книги и статьи З.Фрейда.

Было начато издание под руководством профессора М.М.Решетникова в Санкт-Петербурге «Полного стандартного собрания сочинений Зигмунда Фрейда» в 26 томах. Среди сподвижников З.Фрейда, работы которых увидел российский читатель, – К.Г.Юнг, А.Адлер, К.Абрахам, Ш.Ференци, Ф.Виттельс, Э.Джонс, В.Райх, О.Ранк, Р.Линднер и др.

Практически со всеми известными специалистами в области современного психоанализа можно сейчас познакомиться по вышедшим на русском языке публикациям. Среди них – Э.Фромм, К.Хорни, Э.Эриксон, Г.Салливан, Х.Кохут, Х.Хартманн, А.Фрейд, М.Кляйн, Д.Винникотт, М.Балинт, О.Кернберг, Ф.Александр, П.Куттер, Х.Томэ, Х.Кэхеле, Р.Гринсон, Дж.Сандлер, Ч.Райкрофт, П.Кейсмент, В.Тэхкэ, Дж.МакДугалл, Д.Пайнз, О.Фенихель, Ж.Лапланш, Ж.Б.Понталис, Ж.Бержере, В.Мертенс, П.Марсон, У.Р.Байон, Р.Шефер, П.Хайманн, Дж.Кафка, Ф.Риман, Г.Паренс, Д.Боулби, А.Брилл, Дж.Браун, В.Гранов, Н.МакВильямс, М.М.Гилл, Дж.Блум, Ж.Лакан, Р.А.Шпиц, Р.Осборн, А.Лоуэн, Г.Ракер, Л.Люборски, Т.Фигдор, Т.Нюрнберг, Дж.Стрэчи, Э.Крис, Р.Левенштейн, К.Р.Айссер, Л.Рэнджелл, Г.В.Левальд, М.Фэн, П.Марти, Р.Вельдер, П.Фонда, Е.Гаддини, С.Айзекс, Дж.Райвери, М.Канцер, М.де М'Юзан, Б.Мур, Б.Файн, Р.Р.Гринкер, Ф.П.Роббинс, А.де Мижолла, Д.Видлешер, Б.Грюнберже, П.Дени, С.Ботелла, Ж.-Л.-Донне, Ж.Кристева, Р.Дяткин, М.Неро, Д.Анзье, Ж.Дяткин, Ф.Паш, Р.Руссийон, М.Торок, А.Грин, А.Верморель, А.Жибо, Ж.Шассге-Смиржель, Ж.Курню, С.Лебовиси, Н.Кюрте, Э.Кестемберг, П.Ракамье, М.Айзенштайн, О.Н.Оудсхоорн и др.

Рынок психоаналитической литературы в России очень разнообразен, перенасыщен (особенно для молодого поколения). Формируется тенденция не успевать ее прорабатывать специалистами.

IV. Издание книг, библиотечных серий, журналов, газет российскими психоаналитически ориентированными специалистами

Российские ученые издали за последние 15 лет целый ряд учебных пособий, энциклопедий, словарей, монографий, публицистических книг. В числе авторов В.М.Лейбин, В.И.Овчаренко, П.С.Гуревич, А.И.Белкин, Б.Е.Егоров, М.М.Решетников, А.М.Руткевич, В.А.Потапова, В.В.Зеленский, Т.В.Алейникова, Э.В.Соколов, А.В.Россохин, А.М.Эткинд, И.Ю.Романов, С.Бахтиярова, А.Н.Крылов, В.А.Мазин, Д.М.Липскеров, А.Н.Романин, В.В.Старовойтов, Е.В.Улыбина, Л.В.Топорова и др. Начиная с 1992 года, в России вышли в свет целый ряд значимых серий книг: «Библиотека психоаналитической литературы» (под редакцией А.И.Белкина, С.И.Съедина, М.М.Решетникова), «Современный психоанализ» (В.В.Зеленский и др.), «Антология мирового психоанализа» (А.А.Карташев, А.А.Аншукова), «Антология современного психоанализа» (А.В.Россохин, А.М.Боковиков), «Антология российского психоанализа» (В.И.Овчаренко, В.М.Лейбин), словари, энциклопедии (П.С.Гуревич, В.И.Овчаренко, В.М.Лейбин).

Наиболее полные современные библиографии психоаналитической литературы отражены в книге: Лейбин В.М., Овчаренко В.И. Психоаналитическая литература в России. – М.: Изд-во МПСИ; Флинта, 1998 г. и в статье: Харитонов А.Н., Жмурич И.Е., Тимченко Г.Н. Библиография психоаналитической литературы, изданной в России в период 1998-2003 годов// Психоаналитический вестник. – 2003. – №11.

В настоящее время в России выходят следующие психоаналитические журналы: «Психоаналитический вестник» (с 1991 по 1995 гг. – «Российский психоаналитический вестник», с 1991 по 2003 год главный редактор А.И.Белкин, с 2003 г. по н.в. – А.В.Литвинов); «Вестник психоанализа» (с 2000 г., главный редактор М.М.Решетников), «Новая весна. Альманах постюнгианской психологии и культуры» (с 1999 г., главный редактор В.В.Зеленский), отдельные статьи, разделы в журналах «Московский психотерапевтический журнал» (с 1992г., главный редактор Ф.Е.Василюк), «Прикладная психология и психоанализ» (с 1997 г., главный редактор Б.К.Тебиев). Перестали издаваться журнал «Архетип» (издавался с 1995г., главный редактор П.С.Гуревич), «Russian Imago. Исследования по психоанализу культуры» (с 2001г., главный редактор В.А.Медведев).

При Институте практической психологии и психоанализа выходит интернет-журнал «Журнал практической психологии и психоанализа» (с 2000 г., главный редактор К.В.Ягнюк).

В Москве выпускаются газеты – «Психоаналитическая газета» (главный редактор М.Ш.Магомед-Эминов) при факультете психологии МГУ им. М.В.Ломоносова, «Кушетка» (главный редактор О.А.Поветкина) при Институте клинического и прикладного психоанализа.

V. Психоаналитические общества, группы в РФ*

После создания в 1990 году профессором А.И.Белкиным Российской Психоаналитической ассоциации в России был начат процесс образования психоаналитических структур (обществ, институтов, центров). Причем не только в Москве, Санкт-Петербурге, но и в ряде регионов страны, особенно после учреждения М.М.Решетниковым Восточно-Европейского института психоанализа, выпускники которого стали открывать на местах свои группы.

В Москве на данный момент функционируют такие общества, как Межрегиональная общественная организация «Русское психоаналитическое общество» (президент А.Н.Харитонов), Московское психоаналитическое общество (президент И.М.Кадыров), Общество психоаналитиков (Москвы) (президент В.А.Потапова), Общество психоаналитической психотерапии (президент М.В.Ромашкевич), а также Региональная общественная организация «Открытое психоаналитическое общество» (президент Б.А.Еремин), Консолидированное психоаналитическое общество (президент

---

* Автор выражает благодарность вице-президенту Русского психоаналитического общества Г.Н.Тимченко за помощь в сборе информации о психоаналитических структурах и конференциях в РФ.

С.Н.Зимовец), Московская секция кляйнианского психоанализа (руководитель И.И.Пантелеева), Московская группа новой лакановской школы (М.Ю.Страхов, В.Н.Цапкин), Психоаналитическая ассоциация РФ (президент М.Ш.Магомед-Эминов).

В Санкт-Петербурге реально осуществляют деятельность следующие общества: Национальная федерация психоанализа (президент М.М.Решетников), Общество группового анализа (президент Т.В.Дмитриева), Санкт-Петербургское общество детского психоанализа (президент Н.Л.Васильева), виртуальное общество – Всероссийская ассоциация прикладного психоанализа (председатель правления В.А.Медведев).

В регионах создан и известен целый ряд психоаналитических обществ: Психоаналитическая ассоциация Ростова им. С.Шпильрейн (В.Н.Николаев), Ростовская психоаналитическая ассоциация (Ф.Р.Филатов), Свердловская региональная общественная организация «Центр психоанализа» (С.А.Гусева), Сибирская ассоциация психоанализа (В.Н.Кривочуров), Межрегиональная общественная организация «Сибирская ассоциация психоаналитиков» (С.А.Конищев), Самарское психоаналитическое общество (И.В.Пудиков), Краснодарская краевая общественная организация «Краснодарское психоаналитическое общество» (А.Ш.Гусейнов), Региональная общественная организация «Байкальская психоаналитическая ассоциация» (г. Иркутск, А.Безруких), Заполярное психоаналитическое общество (г. Норильск, С.С.Санадзе), Нижегородское психоаналитическое общество (С.В.Малахов), Ставропольская краевая психоаналитическая ассоциация (Е.Корюкина), Пермское психоаналитическое общество (Л.С.Краснобаева), Общество с ограниченной ответственностью «Уральское психоаналитическое общество» (г. Екатеринбург, В.Н.Шлыков), Кемеровское психоаналитическое общество, Воронежское региональное психоаналитическое общество (Е.М.Романова), Общественная организация «Нижекамское психоаналитическое общество» (Р.Р.Гатупов), Ассоциация развития психоанализа и психотерапии (г. Ставрополь), Областная общественная организация «Новгородское психоаналитическое общество» (г. Новгород).

На сегодняшний день психоаналитические структуры-общества (группы), институты (филиалы), центры – расположены в более 40 городах РФ, таких как Москва, Санкт-Петербург, Московская область (г. Щелково, п. Монино), Ростов-на-Дону, Вологда, Воронеж, Краснодар, Новороссийск, Новосибирск, Самара, Кемерово, Пермь, Новгород, Нижний Новгород, Иркутск, Норильск, Калининград, Владикавказ, Екатеринбург, Липецк, Ярославль, Челябинск, Владивосток, Хабаровск, Новокузнецк, Железнодорожск, Находка, Славянск-на-Кубани, Никольское Ленинградской области, Вахтан Нижегородской области, Тимашевск Краснодарского края, Нижнекамск, Рыбинск, Сыктывкар, Ижевск и др.

В Москве Международной психоаналитической ассоциацией (МПА) в 2005 году созданы две study-group на базе Общества психоаналитиков

(президент В.А.Потапова, 21 чел.) и Московского психоаналитического общества (президент И.М.Кадыров, 30 чел.), в которую вошли и представители Общества психоаналитической психотерапии, и психоаналитики по версии МПА Санкт-Петербурга. Кроме того, ориентируется на Европейскую федерацию психоаналитической психотерапии (ЕФПП) одно общество в Москве – Общество психоаналитической психотерапии (президент М.В.Ромашкевич, 50 чел.).

Крупнейшими психоаналитическими структурами в РФ и среди пророссийских групп, и прозападных обществ являются Национальная федерация психоанализа (НФП) (президент М.М.Решетников, 240 человек, в т.ч. 52 действительных члена) и Межрегиональная общественная организация «Русское психоаналитическое общество» (президент А.Н.Харитонов, 110 чел.). Эти две организации разрабатывают собственные российские стандарты подготовки специалистов, выстраивают отношения с МПА, ЕФПП, а также ориентируются на Европейскую конфедерацию психоаналитической психотерапии (ЕКПП).

НФП имеет свои представительства в следующих городах РФ: Санкт-Петербург, Норильск, Кемерово, Пермь, Краснодар, Новокузнецк, Екатеринбург, Новосибирск, Хабаровск и др., а также в ряде городов Украины.

Русское психоаналитическое общество имеет в своем составе членов общества – представителей Москвы, Московской области, Санкт-Петербурга, Липецка, Ростова, Самары, Хабаровска, Калининграда, Нижнего Новгорода. Достаточно большое количество обществ в регионах и отдельных специалистов в РФ никем не ангажированы и занимают позицию «свободных художников». Этот процесс разнообразия психоаналитических структур напоминает ситуацию с политическими партиями и движениями в России в 90-х годах прошлого столетия.

Ни в одной стране мира (и это о чем-то говорит!) нет такого количества психоаналитических (и психоаналитически ориентированных) групп. Скорее всего, в недалеком будущем мы придем к 2-4 крупным психоаналитическим объединениям РФ.

VI. Психоаналитические институты и центры

В России на момент написания статьи функционируют 10 психоаналитических институтов, в т.ч. 6 в Москве, 2 в Санкт-Петербурге, 2 в регионах. В Москве открыты такие институты, как Институт психоанализа (С.Н.Зимовец), Институт практической психологии и психоанализа (Е.А.Сpirкина), Институт аналитической психологии и психоанализа (В.М.Абдулаева), Институт психологии и психоанализа (Л.И.Фусу), Институт клинического и прикладного психоанализа (Э.Н.Потемкина), Институт психоанализа и социального управления при Московской государственной технологической академии (П.С.Гуревич). В Санкт-Петербурге имеется безусловный лидер среди институтов – Восточно-

Европейский институт психоанализа (М.М.Решетников), психоаналитически ориентированный – Институт психологии и сексологии (Л.М.Щеглов), в регионах – Сибирский институт психоанализа (г. Новосибирск, В.Н.Кривочуров) и Дальневосточный институт психологии и психоанализа (г. Хабаровск, К.И.Воробьева, Г.Л.Пучкова).

Кроме того, организуется обучение основам психоанализа, психоаналитической психотерапии на курсах, при кафедрах психологических, медицинских вузов. Например, в Москве – при МГУ им. М.В.Ломоносова (М.Ш.Магомед-Эминов), в Самаре при Самарском ГМУ (Д.В.Романов), в Норильске – при Норильском центре психоанализа (С.С.Санадзе).

По системе критериев (система и концепция обучения; подбор преподавателей; набор учебных дисциплин; супервизионное обучение и личная психотерапия; сроки существования; качество выпускников; уровень прохождения государственной аккредитации и аттестации) выделяются среди всех институтов и, по сути являются базовыми в подготовке психоаналитических специалистов в России Восточно-Европейский институт психоанализа (с 1991 г., ректор М.М.Решетников, институт ко всему сказанному имеет свой музей, журнал, сильную клиничко-лабораторную базу), Институт психоанализа (с 1995 г., ректор С.Н.Зимовец) и Институт практической психологии и психоанализа (с 1997 г., с 1991 по 1996 гг. назывался Академической школой профессиональной психологии).

Во всех институтах РФ нет сертификации и возможности присвоения квалификаций по специальностям «психолог-психоаналитик», «врач-психоаналитик» (нет таких в реестре специальностей).

По моему мнению, с остальными институтами да и в целом с подготовкой специалистов в РФ происходят «разброд и шатания». Не решается главное – достойный конкурентоспособный отбор, конструктивное взаимодействие преподавателей внутри и между институтами. Практически ни в одном из них не решена проблема стажировок, системы супервизорской клинической практики, будущего размещения выпускников с непонятной перспективой их востребованности и определения в профессиональные общества.

Психоаналитические, ориентированные на психоаналитическую помощь центры организованы в Москве, Санкт-Петербурге и других регионах России. В Москве осуществляют свою деятельность: Московский городской психоэндокринологический центр (С.Н.Матевосян), Центр психоаналитических исследований творческого процесса (Б.Е.Егоров), Клиника глубинной психологии профессора П.С.Гуревича, Центр прикладного психоанализа (Я.С.Дубейковская), Центр психологической поддержки и современного психоанализа (Т.В.Мизинова), Психоаналитический консультационный центр (Н.Б.Бондарева), Практический центр Института психоанализа на Кантемировской (В.С.Абрахин), дидактической и супервизорской практики Института психоанализа (С.Н.Зимовец), Центр Психотерапии и Психоанализа

«ОЛАФАР» (В.В.Макаров), Психоаналитический центр ОДЖАС, Центр психоанализа «Рубикон», Центр психологической поддержки и психоанализа «Парус», Центр семейного психоанализа, Центр детского психоанализа.

В Санкт-Петербурге работают Информационный центр психоаналитической культуры (В.В.Зеленский, Я.В.Тестин), Психоаналитический центр «Альянс» (Л.В.Карпова), Психоаналитический центр на Карповке, Психоаналитический центр «Лита».

В регионах на данном этапе функционируют Самарский центр психоанализа, Норильский центр психоанализа и практической психологии, Новокузнецкий психоаналитический центр, Чувашский центр психоаналитического образования, Психоаналитический центр «Камертон» (г. Челябинск), Психоаналитический центр (г. Калининград), Центр психоанализа и продуктивного образования (г. Новокузнецк). Среди имеющихся центров практически нет такого, где бы специалисты по психоаналитически ориентированной психотерапии использовали и индивидуальные, и групповые, и семейные методы. Нет центров с полным, внутренним и внешним психоаналитическим сеттингом. Это дело будущего, во многом зависящее от запроса пациентов (клиентов, семей), наличия достаточно квалифицированных специалистов и адекватного менеджмента.

VIII. Международные, всероссийские, региональные (межрегиональные) конференции, семинары, летние школы

В 15-летний период возрождения российского психоанализа, начиная с 1992 года, в России проведено более 50 международных, всероссийских, региональных конференций, семинаров, школ по психоаналитической проблематике.

Международные конференции в России проводились по следующим темам: российско-французская «Психоанализ и науки о человеке» (1992г., Москва, «Фрейдено поле»), международная «100 лет психоанализа. Российские корни, репрессии и возвращение России – в мировое психоаналитическое сообщество» (1996 г., Санкт-Петербург, ВЕИП), 15-я международная конференция «Психоанализ – Литература – Искусство» (1998г., Санкт-Петербург, НФП), VII Восточно-Европейский психоаналитический семинар (1998г., Москва, МПА), международная российско-австрийская конференция «Зигмунд Фрейд и психоанализ в контексте австрийской и русской культур» (2000, г. Москва, Австрийское посольство, Московский государственный лингвистический университет), Второй международный психоаналитический конгресс «10лет психоанализа в России: российский опыт» (2001 г., Санкт-Петербург, НФП), международная «Проблемы современного психоанализа» (2003 г., Москва), конференция Международного психоаналитического журнала «Психоаналитик за работой» (2004 г., Москва, МПА), франко-российский психоаналитический симпозиум «Сексуальность в современном психоанализе» (2004г., Москва, МПА, Парижское психоаналитическое

общество), психоаналитический семинар «Исследования в психоанализе и психоаналитической психотерапии» (2005 г., Москва, МПА, Московское психоаналитическое общество), российско-американская конференция «Современный психоанализ: о чем мы думаем, как мы работаем, чего мы хотим» (2005 г., Москва, МПА, Общество психоаналитической психотерапии).

С 1996 по 2005 годы состоялись такие Всероссийские конференции, как «Место психоанализа в современной науке и практике» (1996 г, Ставрополь, Ставропольская краевая психоаналитическая организация), Первая российская научно-практическая конференция по прикладному психоанализу (2003 г., Новосибирск, Сибирская ассоциация психоанализа), гуманитарный форум «Психология и психопатология терроризма. Гуманитарные стратегии антитеррора» (2004 г., Санкт-Петербург, НФП), Всероссийская научно-практическая конференция памяти профессора А.И.Белкина (2004 г., Москва, Русское психоаналитическое общество), Всероссийская психоаналитическая конференция «Лики российского психоанализа» (2004г., Воронеж, Воронежское региональное психоаналитическое общество), конференция «Гуманитарные стратегии антитеррора. Психология фанатизма, страха и ненависти» (2005г., Санкт-Петербург, ВЕИП).

Под эгидой двух московских study-group МПА прошло 5 Московских русскоязычных семинаров, в том числе «Эдип и Нарцисс. Психоаналитические модели диагностики и терапии» (2001), «Любовь и деструктивность» (2004). Национальная Федерация Психоанализа (М.М.Решетников) организует интересные летние школы НФП, начиная с 1999 года, в том числе: «Клинический и прикладной психоанализ», «Депрессия», «Профессиональная идентичность российского психоаналитического сообщества», «Эффективность психоанализа в клинике и социуме». «Фрейдово поле» провело уже пять семинаров в Москве с 2003 по 2005 год, в том числе «Маски симптома» (апрель 2004г.), «Животрепещущее бессознательное» (декабрь 2004г.), «Перенос: новая идея» (апрель 2005 г.).

Ассоциация группового анализа в Санкт-Петербурге регулярно осуществляет проведение Всероссийских конференций (с 2000 по 2005год – 6 конференций), Институт клинического и прикладного психоанализа в Москве – научно-практические конференции в Липках (с 2000 года – 6 конференций), Ростовская психоаналитическая ассоциация (а затем Психоаналитическая ассоциация Ростова им. С.Шпильрейн) – международные конференции им. С.Шпильрейн (с 2001 года – 5 конференций). Под эгидой Ставропольской краевой психоаналитической ассоциации организовано с 1995 года 11 оригинальных психоаналитически ориентированных фестивалей «Святочных вечеров». Отдельные региональные конференции проходили также в Воронеже, Ростове-на-Дону, Ставрополе, Новосибирске, Хабаровске.

Анализ проблематики всех прошедших в России психоаналитических конференций отражает тематику и теоретического, и клинического психоанализа, в незначительной степени прикладного психоанализа, влияние в концептуальном ключе – особенно французской и американской школ, а также британской, немецкой школ; особенности, проблемы, перспективы российского психоаналитического сообщества (историю, практику, в меньшей степени методологию и теорию).

VIII. Обучение, подготовка специалистов в области психоанализа, психоаналитической психотерапии в РФ

Обучение психоанализу, психоаналитической психотерапии велось в современный период практически только с учетом влияния МПА, Европейской федерации психоаналитической психотерапии, различных зарубежных специалистов. За эти годы в России побывали более сотни психоаналитиков из-за рубежа, по приглашению сначала РПА (РПО), МПО в 1990-1994, 1995-1996 гг., затем ВЕИП (с 1994г. по настоящее время), и, заканчивая совместным сотрудничеством с МПА-ориентированными группами (И.М.Кадыров, В.А.Потапова, М.В.Ромашкевич).

Обучение специалистов в РФ с привлечением иностранных психоаналитиков реализуется в трех вариантах: а) обучение в психоаналитических институтах за рубежом; б) «челночное» обучение в России и в Европе, Америке одновременно; в) обучение в Москве, Санкт-Петербурге в российских институтах (участие зарубежных мастеров в программах институтов, на примере Восточно-Европейского института психоанализа и Института практической психологии и психоанализа).

Ряд коллег по психоаналитическому сообществу уехали на учебу за границу и остались там работать. Это – М.Лукомская, Л.Герцик, М.Чижиков, С.Грачев, Е.Двоскина, П.Снежневский, Ю.Алешина и др. Членами МПА уже стали более 18 человек – представители Москвы, Санкт-Петербурга, 2-х study-group и 19 являются кандидатами МПА.

Обучение по версии МПА может длиться от 5 до 10 лет с учетом психологических и материальных затрат. Это достаточно трудоемко и при этом слишком аскетично. Когда же работать в России, иметь личную жизнь? Интересно при этом, кто проверял экспериментально уровень развития личности проанализированных и непроанализированных, а также прошедших личный анализ (психотерапию) за рубежом и в России? Чем измеряется качество оказываемой психоаналитической помощи, ее эффект? (много было уже исследований по сравнительному анализу эффективности различных методов – все они приносили одинаково позитивный результат).

По мнению «проанализированного» К.Роджерса, главное – личность психотерапевта. Кто, безусловно, лучше – наши российские клиницисты психоаналитического направления или прозападные, МПА-ориентированные аналитики? И каково в этом случае по восприятию, качеству помощи нашим отечественным пациентам (клиентам)? А кто из них лучше реализует

прикладные экспертизы, программы? Эти сравнения навеяли события 90-х годов с внедрением в России ярко выраженных «идеальных» западных моделей экономического развития (Е.Гайдаром, А.Чубайсом, А.Шохиним, С.Федоровым, М.Касьяновым и др.). В какой ситуации после апробации монетаристских схем в экономике страны оказался наш многострадальный народ? Ответ очевиден.

Остановлюсь на основных проблемах подготовки психоаналитических специалистов в РФ, ориентированных на отечественные институты и опыт. Существует необходимость разработки критериев эффективности, качества настоящего и будущего специалиста в области теоретического, прикладного, клинического психоанализа, психоаналитической психотерапии, единых для России или разных стандартов (Русское психоаналитическое общество, Национальная федерация психоанализа и study-group МПА) подготовки психоаналитиков, психоаналитических психотерапевтов с обязательной сертификацией через ведущие общества РФ.

При развитии психоаналитического образования есть необходимость в смене приоритетов от теоретического преобладания в практическую сторону – с особой ролью личного психоаналитического (психотерапевтического) опыта и супервизий.

Требуется пересмотр, разнообразие и улучшение практики супервизий в институтах, психоаналитических обществах в РФ – уход от «слепого» западного копирования, введение собственных критериев с учетом социального контекста российских пациентов.

Возможны варианты расширения и модернизации опыта проработки личных проблем психоаналитиков, психоаналитических психотерапевтов в России с помощью индивидуальных, групповых, семейных методов психотерапии. Причем не только психоаналитического направления, а в том числе психоанализа, психоаналитического консультирования, через преодоление кризисных ситуаций с особым акцентом на самоанализе (с сопровождением специалиста по типу супервизирования).

Перспективна для развития психоаналитического движения в РФ дифференциация (распределение) выпускников институтов, спецкурсов по профессиональным психоаналитическим обществам и выстраивание отношений с коллегами преимущественно по горизонтали, а не только по вертикали, с перспективой не только профессионального, но и личностного роста.

Наметилась реалистичная тенденция признания значимости достижений российского психоанализа начала XX века, опыта 15-летней современной подготовки психоаналитических специалистов, обязательного соотнесение ее не только с западным опытом, но и с богатейшей российской культурой и искусством, с бесценной, одной из лучших в мире традиционной системой отечественного образования.

Проблема «золотой середины» – создания в целом модели, концепции психоаналитического движения в РФ, подготовки для него высококлассных специалистов, а именно – подлинно зрелого, самостоятельного, в меру

независимого, но партнерского с Западом и другими школами психотерапий, сотрудничающего, компетентного, профессионального пути развития российского психоанализа, психоаналитического направления психотерапии.

IX. Клиническая и супервизорская практика в психоаналитических обществах

Клиническая практика ведется с начала периода возрождения российского психоанализа (с 1989-1990 гг.), основываясь на богатейших клинических традициях российских врачей-психиатров. При этом стоит заметить, что даже в период запрета на психоанализ в СССР тайно практиковал ряд специалистов: С.Н.Шпильрейн в Ростове-на-Дону (30-40-е гг.), Я.И.Коган в Одессе (30-е гг.), в Иркутске – И.С.Сумбаев, Н.В.Иванов (50-е гг.), в Ленинграде – А.С.Чистович, В.Н.Мясищев, В.К.Мягер, Т.М.Мишина (30-60-е гг., 70-е гг.), в Тамбове – А.В.Еремин (70-е гг.), в Харькове – Е.Н.Довбня, И.А.Аптер, в Москве – Б.Г.Кравцов, Е.С.Левин (60-70-е гг.) и др.

В настоящее время психоаналитическая практика реализуется: а) в центрах различного профиля (и не всегда психодинамического); б) при психоаналитических и других институтах; в) частно практикующими специалистами. Многие российские специалисты, в т.ч. московские и петербургские, предпочитают частную практику. И в РПО, и в НФП, и в московских study-group МПА имеются высококлассные специалисты с более чем 15-летним опытом проведения психоаналитической психотерапии. Они являются ядром этих обществ, и многие из них состоят в руководящих органах психоаналитических групп.

Супервизионная деятельность начиналась при поддержке западных специалистов в РПА-РПО (А.И.Белкин), Московском психоаналитическом обществе (С.Г.Аграчев) в начале 90-х годов. Сейчас супервизии клинических случаев проходят в ведущих обществах России – Русском психоаналитическом обществе, Национальной федерации психоанализа, Московском психоаналитическом обществе, Обществе психоаналитиков, Обществе психоаналитической психотерапии, в обществах Ставрополя, Ростова-на-Дону, Воронежа и др., в ведущих психоаналитических институтах Москвы, Санкт-Петербурге (ВЕИП) в организованном ритме, а также стихийно во временно создаваемых разрозненных группах. Здесь большую роль играют наработки, традиции супервизий и их кропотливая регулярность – групповой интеллектуальный труд наших и, конечно, крупнейших западных специалистов, накопленный опыт, приобретаемый здесь, в России с нашими пациентами.

Я думаю, что в плане клинического, супервизионного труда уместны в этом контексте философские, пророческие слова Ф.Достоевского: *«...Мы своим трудом жить не умеем... Неужто не понимают (они), что для приобретения мнения первее всего надобен труд, собственный труд, собственный почин в деле, собственная практика! Даром никогда ничего не*

достанется. Будем трудиться, будем и свое мнение иметь. А так как мы никогда не будем трудиться, то и мнение за нас будут иметь те, кто вместо нас до сих пор работал, то есть все та же Европа, все те же немцы – двухсотлетние учителя наши. К тому же Россия есть слишком великое недоразумение, чтобы нам одним его разрешить, без немцев и без труда».¹

В основном суть супервизий заключается в осуществлении трех задач: помощи в психодиагностике пациента; помощи в конструктивном выстраивании психоаналитического процесса, применении соответствующих техник; помощи в проработке контрпереносных переживаний и реакций специалиста.

Представляют огромную ценность и творческие перспективы претворения в практику идеи совместных супервизий, презентаций клинических случаев различными ведущими группами на российских, международных конференциях, заседаниях обществ Москвы и Санкт-Петербурга (такой опыт уже имеет РПО).

Х. Сотрудничество психоаналитических обществ, институтов с государственными структурами, органами власти

История 20-х годов прошлого столетия показала всю сложность, противоречивость и, в конечном счете, пагубность тесного союза между членами Русского психоаналитического общества, Государственного психоаналитического института (И.Д.Ермаков, Ю.В.Каннабих, А.Р.Лурия, В.Ф.Шмидт, М.В.Вульф и др.), и представителями власти (Л.Д.Троцкий, А.С.Бубнов, К.Б.Радек, А.В.Луначарский, Н.К.Крупская и др.).

На современном этапе развития российского психоаналитического движения произошел ряд событий с непосредственным участием членов обществ Москвы и Санкт-Петербурга. Это прежде всего известный указ Президента РФ «О возрождении и развитии философского, клинического и прикладного психоанализа» №1044 от 19.07.1996 года; психоистория-галерея в биографиях первых лиц государства, других политических деятелей, созданная А.И.Белкиным; консультации представителей власти; экспертизы документов, законов, указов по линии администрации Президента РФ, Федерального собрания, Правительства РФ, мэрии Москвы, Санкт-Петербурга (отдельные члены Российской психоаналитической ассоциации в 1990-1995гг., Русского психоаналитического общества, Национальной федерации психоанализа в 1995 г. – по н.в.), участие психоаналитической общественности в деятельности Министерства здравоохранения и медицинской промышленности; написании закона о психотерапии; Учебно-методических объединений ведущих вузов по специальностям «Медицинская психология», «Психотерапия»; в СМИ (телевидение, радио, печатные издания и др.).

---

¹ Достоевский Ф.М. Бесы: Роман. – М.: АСТ, 2003. – С.35.

Должно ли наше сообщество влиять на политическую, социально-экономическую жизнь страны, косвенно или прямо участвуя в предвыборных компаниях, различных экспертизах и в других прикладных областях с использованием психоаналитической методологии? Можно ли сегодня, да и во все времена в России (не как в Европе, например, во Франции, Австрии, Великобритании) обходиться без государственной и подобной помощи в деле развития психоаналитического движения в РФ?

Я думаю, что здесь возможен здоровый компромисс, взвешенный, корректный, конструктивный подход. В целях развития психоаналитического направления в России специалисты по прикладному психоанализу (особенно НФП и РПО) могут и будут заниматься поиском приложения своих сил в сферах политики, экономики, права, управления, образования, социальной педагогики, культуры и искусства.

XI. Сильные (конструктивные) стороны современного психоаналитического движения в России

Сильными признаками современного состояния психоаналитического движения в России являются:

стремление многих кандидатов обучаться по высшим отечественным и международным стандартам, повышая свой теоретический и практический уровень квалификации;

общая активность отдельных участников движения в деятельности сообщества (создание новых обществ, институтов, центров и др.);

относительно широкий охват психоаналитической помощью населения РФ (регулярная психоаналитическая практика в Москве, Санкт-Петербурге, ряде крупных городов России);

расширение границ распространения психоанализа за пределы Москвы, Санкт-Петербурга и отряда психоаналитически ориентированных специалистов не только в среде врачей-психиатров, психологов, но и среди специалистов единого гуманитарного направления (философов, социологов, педагогов);

эффективное применение психоаналитических идей в политике, бизнесе, управлении, образовании, культуре и др.;

издание все более многочисленных психоаналитических работ с постоянным обновлением новейших переводов зарубежных книг, статей;

изменение конфигурации взаимодействия российских специалистов и зарубежных психоаналитиков в сторону их большей заинтересованности, визитов в Россию ведущих профессионалов МПА и других организаций;

учет многими представителями психоаналитического движения в своей деятельности реалий российской жизни, ментальности, особенностей коллективного бессознательного, экономики, политики, социальной сферы, культуры и искусства России;

произошедшая постепенная интеграция, соединение с другими направлениями, методами психотерапии (гуманистическими моделями, семейной психотерапией, краткосрочными методиками и др.).

ХII. Слабые (деструктивные) стороны современного состояния российского психоаналитического движения

Можно выделить целый ряд деструктивных сторон современного состояния психоаналитического движения в России:

самая крупная – это недостаточная разработанность собственных теоретико-методологических основ. Только когда в России возникнут собственные концепции, теории, методы в русле психоаналитической парадигмы, тогда действительно произойдет прорыв в психоаналитическом движении и его признание в мировом сообществе (а это обязательно произойдет);

закрытость отдельных групп от российского сообщества (нет адекватной информации об их программных целях, задачах, даже персональном составе);

«зашоренность» в рамках одного направления, строгие ориентации (и подчинение) в сторону какой-то одной организации;

необоснованная претенциозность на келейность, групповой нарциссизм, узкая корпоративность некоторых обществ (включая их лидеров);

разрозненность, разобщенность, раскол, борьба отдельных групп и отсутствие юридического статуса у части из них (по сути, нет единого психоаналитического направления в РФ, как во многих ведущих странах Европы и, возможно, не будет);

конфронтационность, противостояние и нетерпимость к другим школам, группам внутри психоаналитического движения и одновременно внешне – к другим школам методологии, психологии, психотерапии, не выстроены в целом отношения с психотерапевтической и психологической общественностью;

расставление акцентов в работе, в выражении позиций на психотехнической составляющей психоаналитического процесса, а не на методологических, теоретических концептах (а суть, на мой взгляд, в системном единстве теоретического и эмпирического, в возможной интеграции тех же разнообразных психоаналитических подходов);

обладание так называемыми психоаналитическими специалистами таким узнаваемым набором качеств, как амбициозность, чванство, высокомерие к другим, демонстрация сверхмогущества, конфликтность, деструктивный нарциссизм, трудоголизм (превращение жизни в сплошной психоанализ), некорректность к коллегам, манипулирование фактами современной истории (особенно почему-то у тех, кто считает себя истинным носителем бренда «психоаналитик», «психоаналитический психотерапевт» по версиям очень признанных организаций, комиссий). Может проще быть

нормальным гуманистом, толерантным ученым, практиком, носителем общих профессиональных, деонтологических ценностей, оригинальных идей в русле своей научной школы?

скатывание в «дикий» психоанализ, кустарность, непрофессионализм как другая крайность, слишком разнообразные допущения в отходе от базовых принципов, методики и техники, фактическое балансирование между психоаналитическим движением и доступными быстрыми вариантами психологической помощи и преследование прагматичных целей;

возможные переориентации, перераспределения, смещения интересов и специалистов, и потенциальных пациентов (клиентов) в сторону других направлений, методов (как это произошло в США, отдельных странах Западной Европы);

крупная теоретическая, практическая проблема – идентификация специалистов, определение понятий, статусов, отличительных особенностей базовых терминов «психоанализ», «психоаналитическая (психоаналитически ориентированная) психотерапия», «психоаналитическое консультирование», «психоаналитик», «психоаналитический (психоаналитически ориентированный) психотерапевт (специалист)», «психоаналитический консультант». Надо ли строго дифференцировать психоаналитиков (и других) по версиям МПА и российским стандартам ведущих обществ (НФП, РПО), хотя бы в среде специалистов, а не пациентов (клиентов)?

сложная экономико-психоаналитическая проблема формирования рынка услуг, соответствия его социально-экономической реальности в России. Сколько и где пациентов, которые посещают от 3 до 6 раз в неделю специалиста, оплачивая ему от 30 до 100 долларов (евро) за сеанс? Даже в относительно обеспеченной 15-миллионной Москве? А если прием менее 3 раз в неделю, тогда это уже вообще не психоанализ, а психоаналитическая психотерапия?

Высокий уровень жизни, наличие стабильного среднего класса, высокая мотивация в помощи психоаналитика, психоаналитического специалиста – вот признаки, условия для развития психоаналитического движения, когорты профессионалов подобного профиля.

По моему мнению, в *развитии психоаналитического движения в современной России* можно отметить целый ряд полюсов одного континуума, возможностей движения в ту или иную сторону. *Эти тенденции* отражены схематично в рисунке.

Рис. Общие тенденции в развитии психоаналитического движения в современной России

Завершая статью, хотелось бы подвести следующие итоги конкретных размышлений по поводу и на основе приведенных фактов и событий.

Будущее участников психоаналитического движения в России – за соблюдением уважения, плюрализма мнений, дискуссионности, толерантности, либерализма друг по отношению к другу, но при обязательной взаимной ответственности за слова, дела и отношения между собой.

Плодотворное сотрудничество, конструктивность, развитие психоаналитического движения, его структур и отдельных специалистов возможно в процессе преодоления барьеров, изолированности и сближения позиций прозападного и пророссийского пути.

Один из естественных, закономерных выводов – это укрепление тенденции в российском психоаналитическом движении к созданию общих, единых стандартов по подготовке, аттестации и сертификации специалистов в области психоанализа, психоаналитического направления психотерапии, глубинной психологии.

Ведущие психоаналитические общества, их руководящие органы вполне способны в здоровом, конкурентном и стимулирующем ключе цивилизовать, формировать, развивать, контролировать и поддерживать на достойном уровне рынок психоаналитических услуг в РФ.

Несмотря на разногласия, противоречия и порой даже непримиримые позиции отдельных личностей в отношении коллег и даже целых обществ, выражу оптимистичное мнение о том, что ценность, значимость и сила психоаналитического движения не в зашоренности, изоляции, нетерпимости, сверхмогуществе и конфликтности, а в единении идей, дел и различных форм сотрудничества (изданий книг, журналов, серий, семинаров, конференций,

мастер-классов, супервизий и т.п.). В конечном счете, всякое движение состоит из лидеров, личностей и способов их взаимодействия.

Завершу статью словами Конфуция, выдержанными в истинном глубинно-психологическом духе: «Встретив достойного человека, стремитесь с ним сравняться; встретив недостойного, вникайте внутрь себя».

Влечение к деструкции как один из доминантных мотивов личности

Т.В.Алейникова

*«Всё, всё, что гибелью грозит
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья -
Бессмертья может быть залог!»
А.Пушкин*

*Садомазохизм играет жизненно
важную роль двигателя-
амортизатора влечения к смерти-
жизни*

С.Фанти

Эрос и инстинкт смерти З.Фрейда [15], Тень К.Г.Юнга [14], теоретические обоснования человеческой деструктивности С.Шпильрейн [19] и Э.Фромма [12], влечение к смерти-жизни С.Фанти [10] - всё это моменты проявления садомазохистического комплекса, который присутствует практически в психике каждого человека. И если можно говорить о доминировании у того или иного человека садистического либо мазохистического звена этого комплекса, то, что касается стремления к деструкции, оно достаточно развито в обоих случаях, только направлено в первом случае во вне, на других людей, а во втором – внутрь, на себя.

Этот комплекс, будучи, естественно, врожденным, начинает проявляться уже в раннем детстве в играх и развлечениях ребенка, когда он с удовольствием ломает игрушки, обижает младших и более слабых детей, мучает животных, а в ряде случаев занимает страдательную позицию, добровольно позволяя более сильному самоутвердиться за его счет. И та, и другая позиции деструктивны. Впоследствии возможна переориентация деструктивной позиции в конструктивную, но лишь отчасти – в наиболее важной для каждого индивида деятельности, при том, что в другой области опять-таки будет компенсаторно проявляться и, возможно, даже усиливаться деструкция. Это не обязательно прямое разрушение объектов или субъектов, это может касаться линии поведения человека, взаимоотношений в социуме и даже теоретических концепций.

Поиск нейрофизиологических механизмов такой деструктивности с неизбежностью приводит к архипалеокортикальным структурам [1,3,6, 13,16-18,20], среди которых, естественно, лидируют амигдалы [3,6,17,20] с пириформной [1] и энториальной корой [13], с одной стороны, и орбитальная область [1] с ядрами перегородки [3,18], с другой: первые -- в качестве агрессивных структур, обеспечивающих деструктивные стремления, направленные во вне, на других, а вторые – в качестве структур реципрокных, тормозящих агрессию, но при этом, естественно,

способствующих ориентации деструктивных стремлений внутрь, на себя. Что же касается участия гиппокампа в формировании подобных реакций, то имеющаяся на этот счет информация довольно противоречива [1,16], и, по всей вероятности, роль гиппокампа ограничивается пролонгированием реакций (как агрессивных, так и положительно эмоциональных) за счет удержания в памяти следов раздражений.

Любое адекватное поведение не только человека, но и животного, включает в себя элементы деструктивности. Но лишь для человека характерно выведение деструктивной мотивации на психологический уровень. Отсюда тяга к риску, к спору, часто необоснованному, к ссорам во вред себе (деструкция, направленная на себя), к асоциальному поведению (драка, убийство), вплоть до развязывания войн (деструкция, направленная во вне). При этом, хотя тонус и направленность деструктивного поведения в значительной степени определяются генетикой индивида, не следует забывать и о роли воспитания, формирующего жизненный сценарий человека. В этом плане современное общество являет собой не лучшую ситуацию.

Но даже если мы закроем глаза на деструкцию (нормальную либо патологическую), связанную с агрессией, и займёмся анализом поведения более или менее спокойного, неагрессивного, «совершенно нормального» человека (если таковые вообще возможны), то и здесь мы всё равно столкнемся с проявлениями деструктивности, если не в делах, то в мыслях; и в лучшем случае, как отмечал С.Фанти [10], возникает влечение к смерти, порождающее влечение к жизни (или: «влечение к смерти есть источник жизни»). Музыка великих композиторов, надрывающая душу, трагическая поэзия, страшные сказки для детей и фильмы ужасов для взрослых – всё это, хотя и по-разному, льёт воду на мельницу психологической деструктивности личности. А от психологической деструктивности недалеко и до физической, обращенной как на себя (инсульт, инфаркт, суицид), так и на других (насилие, в том числе и сексуальное).

В нашей работе было обследовано психоаналитическими и психофизиологическими методами с последующей психокоррекцией более 350 человек, у которых отмечалась разная степень психологической дезадаптации. Это были люди с разными проблемами, с разным характером психологических травм, полученных в разном возрасте, с разными жизненными сценариями (Э.Берн [2]) – от «жертвы» до «преследователя», который в конечном итоге сам превращается в «жертву», с разной выраженностью садо-мазохистского комплекса, но решительно у всех присутствовал в поведенческой программе элемент деструкции (даже если можно было считать, что этот элемент необходим для последующей конструктивности).

Из отчетов анализантов:

1 - «Я не выношу, когда мне указывают, что и как надо делать, и всегда стремлюсь сделать наоборот, даже если это окажется вредным для меня...»

2 - «Я прежде любила этого человека, а теперь, когда я ему стала необходима, стремлюсь причинить ему душевную боль и от этого испытываю кайф...»

3 - «Я знаю, что сам виноват в нашем разрыве, но не успокоюсь, пока ей не отомщу...»

4 - «Я боюсь его потерять, согласна терпеть все его издевательства, хотя жить так невыносимо...»

5 - «Если он успокаивается и перестает меня терзать, тогда во мне просыпается агрессия, и я сама провоцирую скандал...»

6 - «Я очень тяжело переживаю его холодность, почти всё время плачу, но это состояние мне дает какое-то непонятное удовлетворение, греет меня, что ли, хотя и отнимает последние силы и лишает жизнь всякого смысла...»

7 - «Я хочу встретить мужчину сильнее меня, чтобы он мог меня заставить подчиниться ему...»

8 - «Я хочу жениться на красивой и не слишком умной женщине, чтобы она всегда ощущала моё превосходство и свою зависимость от меня...»

9 - «Я испытываю ненависть ко всем мужчинам, и мне кажется, что, если бы за это не пришлось расплачиваться, я могла бы их всех поубивать...»

10 - «Я готова умереть, чтобы ему было хорошо, пусть даже с другой женщиной...»

И так далее и тому подобное.

Это всё отчеты людей разного возраста, разной психофизиологической типологии, разного социального статуса, семейных и свободных, имеющих детей и бездетных. Наибольшим образом проявления деструкции представлены у крайних типов - у холериков (преимущественно вовне) и у меланхоликов (преимущественно внутрь, на себя), однако, и средние типы (сангвиники и флегматики) не обойдены этим качеством. Такие деструктивные стремления направлены не только на супругов и сексуальных партнеров, но и на детей, и на родителей. Особенно губительны такие программы для детей при их воспитании, когда очень легко породить у них сценарий неудачников либо агрессоров, либо то и другое вместе взятое. Беда усугубляется ещё и тем, что сценарий вернее всего будет перенесен и в последующие поколения («сценарный парад поколений»), и без вмешательства психоаналитика-психотерапевта эта порочная цепочка почти наверняка не разорвется.

Но можно ли рассчитывать на устранение элемента деструкции из программ поведения, если это детерминировано генетически? Естественно, нет, ибо «садомазохизм – это совлеченческий способ, посредством которого влечение к жизни и влечение к смерти вступают в отношение feed-back'a» (С.Фанти [10]).

Можно лишь в определенной степени (и совершенно индивидуально) минимизировать его, способствуя сценарному перепрограммированию и установлению наиболее адекватных отношений между людьми, для чего могут успешно использоваться, кроме методов классического (З.Фрейд [11, 15] и транзакционного (Э.Берн [2]) психоанализа, приемы кататимного

переживания образа (Х.Лейнер [5]), гештальт-подхода (Ф.Перлз [7]), психотренинга (Х.Сильва [8], К.Теппервайн [9]) и нейролингвистического программирования (Р.Бэндлер и Дж.Гриндер [4]).

ЛИТЕРАТУРА

1. Беритов И.С. Нервные механизмы поведения высших позвоночных животных. М.: АН СССР, 1961. – 354 с.
2. Берн Э. (Berne E., 1970). Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. СПб.-М.: «Университетская книга», 1996. – 398 с.
3. Брейди Дж. (Brady J., 1958). Палеокортекс и мотивация поведения. В кн.: «Механизмы целого мозга». – М.: ИЛ, 1963, с.138-181.
4. Бэндлер Р., Дж. Гриндер (Bandler R., J.Grinder, 1975). Структура магии. СПб.: «Белый кролик», 1996. – 496 с.
5. Лейнер Х. (Leuner H., 1970). Кататимное переживание образов. М.: «Эйдос», 1996. – 253 с.
6. Мэгун Г. (Magoun H.W., 1963). Бодрствующий мозг. М.:»Мир», 1965.- 212 с.
7. Перлз Ф. (Perls F., 1973). Гештальт-подход и Свидетель терапии. М., 1996. – 235 с.
8. Сильва Х. (Silva J., 1977). Управление разумом. Минск: «Попурри», 1996. – 254 с.
9. Теппервайн К. (Tepperwein K., 1986). Источник силы – ментальный тренинг. Ростов-на-Дону: «Феникс», 1997. – 222 с.
10. Фанти С. (Fanti S., 1990). Микроспихоанализ. М., 1995. – 352 с.
11. Фрейд З. (Freud S., 1901). Психопатология обыденной жизни. – В кн.: «Избранное», М.: ВТИ, 1990, с. 125-242.
12. Фромм Э. (Fromm E., 1973). Анатомия человеческой деструктивности. М.: «Республика», 1994. – 447 с.
13. Эйди В. (Adey W.R., 1958). Строение обонятельного мозга. В кн.: «Ретикулярная формация мозга». М.: Медгиз, 1962, с.544-564.
14. Юнг К.Г. (Jung K.G., 1950). Агон. Исследование феноменологии самости. М.: «Рафл-бук», «Ваклер», 1997. – 336 с.
15. Freud S. New Introductory Lecture on Psychoanalysis, N.Y., 1933.
16. Grastyan E., Karmos G. In: Physiologie de l'Hippocampe, Intern. colloque. Montpellier, 1962, p.225.
17. MacLean P.D., Delgado J. EEG Clin.Neurophysiol., 1953, 5, p.91.
18. Spiegel E., Milner H., Oppenheimer M. J.Neurophysiol., 1940, 3, p.138.
19. Spielrein S. Destruktion als Ursache des Werdens, Internationale Zeitschrift fur Psychoanal., 4, 1912.
20. Ursin H., Kaada B. EEG Clin.Neurophysiol., 1960, 12, p.1.

Валеология, 1999, N1, с.14 - 17].

Влечение к деструкции: норма или патология? Биологические или психологические основы? Возможные нейрофизиологические механизмы

Т.В.Алейникова

«Влечение к смерти — это склонность к возврату в пустоту... Влечение к смерти есть источник жизни» (С. Фанги, 1990).

«...Я не в силах подавить вздох... В иные дни меня охватывает чувство мрачнее самой черной меланхолии — *презрение к людям*. И чтобы не было сомнения в том, что я презираю, кого презираю, скажу: это современный человек, человек, с которым я фатально одновременен» (Ф. Ницше, 1906).

«Согласно нашей гипотезе, имеются только два вида человеческих инстинктов: одни стремятся сохранять и объединять... А другие стремятся разрушать и убивать; эти последние мы классифицируем вместе как агрессивный или разрушительный инстинкт... В результате некоторых умозрительных построений мы пришли к предположению, что этот последний инстинкт действует в каждом живом существе и старается разрушить его и свести жизнь к ее первоначальному состоянию — неодушевленной материи. Этот инстинкт совершенно серьезно заслуживает названия инстинкта смерти...» (З. Фрейд, 1932).

Инстинкт смерти был впервые упомянут в 1911 г. в докладе (а затем в 1912 г. в статье) С. Шпильрейн. Впоследствии в противовес объединяющим и интегрирующим поведением инстинктам («Эрос») эти деструктивные силы были квалифицированы как «Танатос».

Эти две противоположные и взаимодополняющие друг друга тенденции пронизывают всю живую систему от отдельных клеток до целостного организма, начиная от лежащего в основе всего метаболизма (ассимиляция — диссимиляция) и кончая координированным и интегрированным (в том числе и социальным) поведением высших животных и человека.

Уже на уровне одноклеточных организмов (равно как и отдельных клеток макроорганизма) любое раздражающее воздействие вызывает деструкцию, выражающуюся в сдвиге ионного равновесия и деполяризации клеточной мембраны, приводящем в возбудимых тканях к возникновению процесса возбуждения, характеризующегося генерацией распространяющегося потенциала действия. В то же время торможение отличается сдвигом ионного равновесия, приводящим к гиперполяризации клеточных мембран. Состояние же покоя связано с восстановлением структуры ионного распределения вокруг мембраны.

Подобные «деструктивно-конструктивные» отношения можно наблюдать в проявлении всех процессов, характерных для живых организмов (и растительных, и животных). И потому вполне естественно, что эти отношения выходят на психологический уровень (как бессознательный, так и осознанный), даже если возникающая деструкция ведет к гибели. Биология

изобилует массой подобных примеров (особенно в области инстинктивного поведения), а поскольку в человеке биологическое начало присутствует, то оно должно иметь возможность реализовываться и в отношении деструктивности: в норме — адекватно, в патологии — инадекватно.

Возможности реализации этих инстинктов, естественно, заложены в соответствующих структурах центральной нервной системы (для позвоночных, в том числе и для человека, эти механизмы локализованы в головном мозге): основные отделы, управляющие и аутодеструкцией, и агрессивностью, направленной вовне, — это гипоталамус и архипалеокортекс (а также отчасти и новая кора). По мнению Бериташвили (1961), образования новой и старой коры не только участвуют в осуществлении внешних проявлений аффективно-эмоциональных реакций, но и ответственны за возникновение субъективных переживаний чувства ярости и страха (а также удовольствия, сытости и голода).

Основные данные о роли разных отделов архипалеокортекса в эмоциональном поведении получены методом их электростимуляции, а также экстирпации или электролитического повреждения. Было показано, что после двусторонней височной лобэктомии у обезьян возникает эмоциональная ареактивность, выражающаяся в отсутствии эмоций ярости и страха (Kluver, Bucy, 1937). Далее было установлено, что эти изменения эмоциональной реактивности возникают вследствие выпадения функций амигдал и гиппокампа (Smith, 1950; Tompson, Walker, 1951; King, 1958). Было также показано, что двустороннее электролитическое разрушение базальных ядер амигдаллярного комплекса у крыс вызывает успокоение, снижение двигательной активности и исчезновение способности к реакциям ярости и агрессии.

Эти старые сведения о снижении аффективно-эмоциональной реактивности после разрушения миндалевидного комплекса, полученные в опытах на животных, подтверждаются клиническими наблюдениями на людях, которым по медицинским показаниям была произведена билатеральная амигдалэктомия.

Аналогичные результаты были получены в экспериментах с электрической стимуляцией амигдал, вызывавшей (в зависимости от силы воздействия) реакции страха и ярости.

Антагонистами амигдал в отношении регуляции и модуляции аффективно-эмоционального поведения являются ростральные отделы древней коры и особенно — область перегородки, двустороннее повреждение которой в опытах на кошках, собаках и крысах (Spiegel et al., 1940; Brady, 1963) приводило к появлению у животных агрессивности. При этом было показано, что чем дорсальнее расположена в перегородке область повреждения, тем слабее выражена агрессивность, в то время как разрушения в ее вентральной части приводят к наиболее выраженной и пролонгированной агрессии.

Таким образом, ядра перегородки оказывают угнетающее влияние на центральные механизмы агрессивного поведения, вступая в данном случае в

реципрокные отношения с амигдалами. Соответственно, повышение эмоциональной реактивности, вызванное повреждением перегородки, устраняется последующим разрушением амигдаларного комплекса.

В формировании реакций ярости и агрессии также принимает участие энторинальная кора и пириформная извилина, орбитальная же область подавляет ярость и агрессию (Adey, 1958; Орджоникидзе, Нуцубидзе, 1961). Эта аффективно-эмоциональная деятельность осуществляется при взаимодействии архипалеокортекса с неокортексом, гипоталамусом и ретикулярной формацией ствола мозга. При этом на нейрхимическом уровне высокий эмоциональный накал (независимо от знака эмоции) обеспечивается катехоламинами: дофамин сдвигает эмоциональный баланс в сторону положительных эмоций, а серотонин, норадреналин и адреналин — отрицательных (серотонин вызывает «депрессию тревоги», норадреналин и адреналин — агрессию, дефицит норадреналина — «депрессию тоски»). А в результате — поведенческое выражение деструктивности, направленной на себя (тревога, тоска), либо на других вовне (агрессия).

При анализе эмоциональной сферы следует также учитывать психофизиологическую типологию человека и межполушарные отношения. Так, эмоция гнева (способная в определенных условиях перерасти в ярость и агрессию) является доминирующей для холерика, а тоски с влечением к аутодеструкции — для меланхолика (Симонов, 1981). В отношении же связи эмоциональной сферы с межполушарной асимметрией мозга можно считать, что существуют функциональные корреляции повышенной тревожности и агрессивности с правополушарным тонусом, а положительно эмоционального состояния — с левополушарным.

Естественно, что при наличии нейрофизиологической базы имеет место выход деструктивности на психологический уровень, в том числе — в сферу межличностных отношений. И эта деструктивность может реализовываться как стремлением к нарушению партнерских взаимодействий, так и влечением к разрушению собственной жизни, то есть к смерти: «Смерть — это ось жизни; жизнь — это несчастный случай» (Фанти, 1990).

И еще: «Архимедов рычаг жизни и смерти — это влечение к смерти, точка опоры которой — пустота» (Фанти, 1990).

ЛИТЕРАТУРА

1. Беритов И.С. Нервные механизмы поведения высших позвоночных животных.— М.: «Наука», 1961.
2. Брейди Дж. (Brady J.). Палеокортекс и мотивация поведения (1958). // Механизмы целого мозга, с. 138-181.— М.: «Наука», 1963.
3. Ницше Ф. (Nietzsche F.). Антихристианин (1906). В сб. «Сумерки богов». с. 17-93.— М.: Изд. полит. лит., 1990.
4. Орджоникидзе Ц.А., Нуцубидзе М.А. Тр. Ин-та Физиол. АН Груз. ССР, т. 12, с. 95, 1961.
5. Симонов П.В. Эмоциональный мозг.— М.: «Наука», 1981.— 216 с.
6. Фанти С. (Fanti S.). Микropsихоанализ (1990).— М.: АО Аслан, 1995.— 352 с.

7. Фрэйд З. (Freud S.). По ту сторону принципа удовольствия (1920). В кн. «Психология бессознательного», с. 382-423.— М.: «Просвещение», 1989.— 448 с.
8. Эйди В. (Adey W.). Строение обонятельного мозга (1958). // Ретикулярная формация мозга, с. 544-564.— М.: «Наука», 1962.
9. Freud S. Collected Papers, vol. V, p. 280-282, 1932.
10. King F.A. J. Nerv. Ment. Dis., v. 126, p. 57, 1958.
11. Kluver H., Bucy P. Amer. J. Physiol., v. 119, p. 352, 1937.
12. Smith W. K. Fed. Proc., v. 9, p. 118, 1950. 11. Kluver H., Bucy P. Amer. J. Physiol., v. 119, p. 352, 1937.
13. Spiegel E., Milner H., Oppenheimer M. J. Neuriphysiol., v. 3, p. 138, 1940.
14. Spilrein S. Destruktion als Ursache des Werdens, Internationale Zeitschrift fur Psychoanal., 4, 1912.
15. Tompson A.D., Walker A.E. Arch. Neurol. Psychiatr., v. 65, p.251, 1951.

Валеология, 2003, N2, с.25 - 27

**Проблемы онто- и филогенеза привязанности к матери
в теории Джона Боулби**
(Вступительная статья к книге Д.Боулби
"Привязанность", вышедшей в свет в издательстве "Гардарики")

Г.В. Бурменская

Какова природа человеческой привязанности? Где ее истоки? Как зарождается и формируется привязанность маленького ребенка к взрослому? Наверно, трудно найти в психологии вопросы, которые затрагивали бы более интригующие и сокровенные стороны душевной жизни, чем эта. Ее исследование стало центральной темой всего научного творчества выдающегося английского психолога Джона Боулби (1907-1990), в том числе и представляемого читателям первого тома его фундаментальной трилогии "Привязанность и утрата".

Работы Боулби широко известны психологам всего мира, а сам он вместе со своей ближайшей и не менее знаменитой сподвижницей из США Мэри Эйнсворт считается основоположником целого направления современной психологии - психологии привязанности¹). Около сорока лет назад исследования Боулби привели к коренному пересмотру психоаналитических представлений о природе связи ребенка и матери, долгое время господствовавших в психологии. Они по-новому раскрыли значение этой связи для развития личности ребенка и роль ее нарушений в раннем детстве, например, из-за разлуки, эмоциональной депривации или сиротства.

Но несмотря на то, что идеи Боулби более чем на полстолетия определили одну из основных исследовательских линий в психологии развития, а понятие "привязанность" широко используется и российскими психологами, его труды на русском языке практически не публиковались²), так что предлагаемое вниманию читателей издание позволит хотя бы отчасти восполнить этот значительный и крайне досадный пробел в переводной психологической литературе.

Анализ творческого наследия Боулби и основных событий его жизненного пути открывает перед нами образ ученого дарвиновского типа - ищущего и основательного, критичного и широко мыслящего, строгого в своих рассуждениях и не терпящего поверхностных объяснений, наконец, сторонника понимания психологии как объективной науки. Боулби был теоретиком по складу ума, но в то же время обладал редкой чуткостью к новому опыту и реалиям жизненной практики, он был способен вести кропотливые и длительные эмпирические исследования, всесторонне и с разных точек зрения анализируя их результаты. Именно эти качества и подвели его к созданию концепции привязанности и открытию новой области исследований, связанной феноменом и механизмами влияния сепарации. Учитывая особенности научного творчества и сам склад

мышления этого ученого, совсем не случайно, что последним значительным произведением Боулби, опубликованным уже после его смерти, стала работа, в которой делается попытка по-новому осмыслить биографию великого соотечественника Боулби Ч. Дарвина³). Идейная близость к эволюционному учению Дарвина в книгах Боулби нередко ощущается заметно больше, чем к теории З. Фрейда, несмотря на то, что именно психоанализ послужил конкретной отправной точкой для его исследований привязанности.

Что же привело Боулби к кардинальному переосмыслению ряда базовых положений фрейдовского учения и созданию новой теории в психологии развития личности? Как складывалась его научная биография?

Джон Боулби родился в 1907 г. в семье хирурга⁴). Следуя по стопам отца, он начал свое профессиональное образование с изучения медицины в Кембриджском университете, однако уже на третьем курсе резко изменил специализацию, поскольку почувствовал интерес к детской психологии и другим предметам, имеющим отношение к этой тематике, из которых позднее сложилась психология развития. Но, как оказалось впоследствии, его решение порвать с карьерой врача не было окончательным. После окончания университета в 1928 г. Боулби начал работать сразу в нескольких школах закрытого типа для так называемых трудных детей, имеющих разного рода эмоциональные и поведенческие нарушения. Возрастной диапазон учащихся этих школ был довольно широким - от дошкольного возраста вплоть до восемнадцати лет. Полученный в этот период опыт работы со сложными детьми, произвел на Боулби глубокое впечатление. По сути, он и определил главное направление научных интересов Боулби - влияние ранних лет жизни ребенка на его последующее развитие - психическое здоровье и личностные особенности.

С целью получения профессиональной психотерапевтической подготовки, необходимой для работы в области детского развития Боулби вступает в Британское психоаналитическое общество. Его руководителем и аналитиком стала Джоан Ривьер - убежденная сторонница взглядов Мелани Кляйн, считавшейся авторитетом в области психоаналитического изучения детского развития. Однако вопреки своим ожиданиям, при более близком знакомстве с психоанализом Боулби не столько утвердился в нем, сколько почувствовал его недостаточность, более того, искаженность трактовки в свете фрейдовских понятий тех сторон детского развития, с которыми он был знаком по собственному опыту. Постепенно Боулби пришел к выводу, что, уделяя основное внимание детским фантазиям, выражающим либидинальные и агрессивные побуждения, психоанализ в то же время полностью игнорирует влияние событий реальной жизни ребенка. В качестве примера, помогающего понять, что вызывало неудовлетворенность и глубокое несогласие Боулби, достаточно привести один характерный факт: когда Боулби выразил намерение побеседовать с матерью трехлетнего ребенка, психотерапией которого он занимался, М. Кляйн, работая в тот момент с Боулби в качестве супервизора, запретила ему такую беседу, так как считала принципиально излишним и ошибочным обращение к данному источнику

сведений о ребенке. Поэтому уже тогда, хотя явно и не порывая с психоаналитическим направлением, Боулби начал искать новые пути исследования развития ребенка.

Вскоре (в 1940 г.) он публикует первую большую статью⁵), в которой можно найти прообразы многих из тех идей, которые впоследствии войдут в его теорию привязанности. В этой статье классическую для психоанализа проблему возникновения невроза и формирования невротического характера Боулби рассматривает нетрадиционно - с точки зрения влияния обстановки, окружающей ребенка в первые годы его жизни, и тех событий, которые с ним происходят. Уже в этой работе Боулби подробно останавливается на остро негативном воздействии разлуки маленьких детей с матерью, например, при их помещении в больницу.

Подчеркнем, что столь очевидная сегодня не только для психологии, но даже для обыденного сознания истина вовсе не была таковой еще в середине прошлого века. Боулби с полным основанием писал тогда о поразительном невнимании к этим вопросам. Между тем актуальность проблемы тяжелых психологических последствий разлуки маленького ребенка с матерью (и без того немалая из-за наличия приютов, круглосуточных яслей, принятой больничной практики содержания детей и т.д.) резко обострилась с началом Второй мировой войны, когда возникла необходимость ради спасения городских детей от бомбардировок отправлять их в сельскую местность, далеко от родителей. В результате войны сиротство стало массовым явлением во многих европейских странах.

В основу первого значительного эмпирического исследования⁶) Боулби лег его опыт индивидуальной работы с детьми в одной из детских клиник Лондона, где он практиковал в качестве психиатра. В процессе детального изучения 44 детей с нарушениями поведения и склонностью к воровству он описал так называемый безэмоциональный характер и установил, что по разным причинам большинство из этих детей потеряли мать в самом раннем детстве и не имели никакой постоянной замещающей привязанности.

Однако с началом войны исследовательская работа Боулби прервалась: как психиатру ему было предписано заниматься отбором офицерского состава. Тем не менее благодаря этой деятельности он познакомился с коллегами из Тавистокской клиники, находившейся в Лондоне, сотрудничество с которыми, как вспоминал впоследствии Боулби, помогло ему повысить методический уровень своих исследований, в частности освоить необходимые для экспериментальной работы статистические процедуры объективного сравнения, в то время еще редко используемые психиатрами и психоаналитиками. Но, главное, в конце войны Боулби пригласили возглавить детское отделение Тавистокской клиники, при которой его усилиями позднее был создан крупный исследовательский центр детского развития.

Благодаря Боулби отличительной особенностью деятельности отделения, которым он руководил, стала его ориентация на анализ и помощь

семье в реально складывающихся детско-родительских отношениях, а девизом сотрудников - "никаких исследований без терапии". Вскоре (в 1948 г.) Боулби опубликовал статью о психотерапевтическом вмешательстве, направленном на снижение внутрисемейного напряжения, которая считается первой публикацией по семейной терапии⁷). Одновременно с этим Боулби начинает специальное изучение сепарации: организует систематические наблюдения за поведением детей, разлученных с родителями при помещении их в больницу или другие учреждения, включая их реакции на посещения матерями и возвращение домой. Через несколько лет вместе с Дж. Робертсоном он создает документальный фильм "Двухлетний ребенок в больнице" (1952), показывающий всю глубину страданий, переживаемых маленькими детьми в условиях разлуки с матерью. Факты, представленные в этом фильме, вызвали исключительно широкий общественный резонанс, выходящий далеко за рамки медицинских кругов. В целом фильм способствовал осознанию степени серьезности проблемы сепарации в раннем детстве и необходимости учета ее негативного психологического влияния в практике работы с детьми, что собственно и было целью Боулби и Робертсона, не желавших ограничиваться ролью пассивных наблюдателей горя и страданий детей.

Важной вехой в научной биографии Боулби и "поворотным пунктом"⁸) в разработке проблемы материнской депривации в раннем возрасте стала подготовка им по поручению Всемирной организации здравоохранения доклада⁹) о состоянии психического здоровья бездомных детей в странах Европы в послевоенный период. Этот доклад получил широкую известность: после публикации в 1951 г. он был переведен на 14 языков, причем один только англоязычный его тираж составил более 400 тысяч экземпляров. В нем впервые на большом фактическом материале было убедительно показано травмирующее влияние разлуки ребенка с матерью в раннем возрасте.

В качестве главного вывода, содержащегося в этом докладе, Боулби утверждал, что необходимым условием сохранения психического здоровья детей в младенческом и раннем детстве является наличие эмоционально теплых, близких, устойчивых и продолжительных отношений с матерью (или лицом, постоянно ее замещающим) - таких отношений, которые обоим приносят радость и удовлетворение. В то же время как человек, знающий практическую сторону жизни, Боулби понимал и всячески подчеркивал, что огромную роль в этом вопросе играет не только семья, но и общество в целом, поскольку только оно может создать макроэкономические условия, при которых возможны нормальные детско-родительские отношения: "Если общество дорожит своими детьми, оно обязано заботиться об их родителях" (там же. Р. 84).

Значительный эмпирический материал о влиянии сепарации ребенка с матерью, собранный в течение 1940-х гг. как самим Боулби, так и другими учеными (Р.Шпиц, Д.Берлингом, У.Гольдфарб и др.), требовал своего теоретического осмысления. В отличие от многих своих коллег-психоаналитиков Боулби ясно осознавал необходимость поиска новых

концепций, которые могли бы не просто описывать особенности поведения детей в условиях разлуки с матерью, а объяснять причины и механизмы уже не вызывавших сомнений фактов их серьезной эмоциональной травматизации под влиянием этого фактора. Между тем, факты такого влияния прямо противоречили устоявшимся представлениям психоаналитиков о том, что любовь ребенка к матери коренится в удовлетворении ею первичных физиологических потребностей малыша (кормление грудью), поскольку было доказано, что разлученные дети страдают даже в условиях полноценного ухода и кормления.

В этот период Боулби случайно знакомится с работой австрийского ученого Конрада Лоренца, опубликованной (на немецком языке) еще в 1935 г. Его внимание привлекло открытое Лоренцем явление запечатления у птиц, а вслед за этим и этологическое направление в целом. Сама возможность феномена запечатления - установления прочной связи птенца с матерью, возникающей безотносительно к удовлетворению его первичных физиологических потребностей, - указывала на существование принципиально иных (чем, например, пищевое подкрепление) механизмов образования тесных отношений между родителями и потомством. Таким образом, в этологии Боулби нашел важный источник новых идей для преодоления ограниченности психоанализа и построения своей концепции привязанности. Но кроме этологии он также широко использовал данные из эволюционной и аналитической биологии, кибернетики и теории систем. В связи с ярко выраженными полидисциплинарными интересами Боулби стоит упомянуть, что в течение нескольких лет - с 1953 по 1956 г. - он участвовал в работе семинаров по "Психобиологии ребенка", организованных под эгидой ВОЗ, наряду с такими выдающимися учеными XX в., как Эрик Эриксон, Джулиан Хаксли, Барбель Инельдер, Конрад Лоренц, Маргарет Мид и Людвиг фон Берталанфи, представлявшими разные области научного знания. Как известно, в качестве влиятельного научного направления, изучающего биологические основы поведения животных, этология оформилась в 1930-х гг., поэтому в период разработки Боулби концепции привязанности она представляла собой еще весьма новую, хотя и многообещающую, область исследований. Внимание ученых к работам таких этологов, как К. Лоренц, Н. Тинберген и др. было в значительной мере обусловлено тем, что их исследования преодолевали ограниченность бихевиористического понимания поведения как совокупности реакций организма на стимулы внешней среды. По словам Боулби, в концепции этологов его привлек их интерес не только к эволюции поведения, но главным образом к механизмам его организации.

В работах этологов поведение животного не сводилось к комплексам внешних движений, напротив, организм активно регулировал взаимодействие с окружающей средой в соответствии со своими внутренними состояниями и внешними условиями, что указывало на наличие у него особого рода механизмов. Отсюда - этологическое понятие центральных управляющих программ, которые применительно к активности

животных и человека Боулби назвал системами управления (регуляции) поведением. К тому же этология требовала рассматривать любую форму поведения с учетом ее адаптивной функции, т.е. с точки зрения того вклада, который это поведение вносит как в сохранение отдельной особи, так и в выживание вида в целом. Эти и некоторые другие идеи этологов были последовательно реализованы Боулби в концепции привязанности, чему также способствовало тесное и длительное сотрудничество Боулби с Робертом Хайндом - видным представителем этологии, автором фундаментального труда "Поведение животных" (на русском языке опубликован в 1975 г.).

Между тем несколько раньше произошла другая встреча, еще более значительная для научной биографии Боулби, - в 1950 г. к возглавляемой им небольшой группе исследователей присоединилась Мэри Эйнсворт, впоследствии внесшая огромный вклад в развитие этого направления: ей, в частности, принадлежит разработка метода исследования привязанности, известная как "ситуация с незнакомым взрослым", а также выделение трех типов привязанности - надежной, амбивалентной и отстраненной. До начала сотрудничества с Боулби она занималась детско-родительскими отношениями и методами диагностики личности, защитив диссертацию по этим проблемам в университете Торонто в 1942 г. По признанию самой Эйнсворт, она не сразу разделила увлечение Боулби этологическим подходом: в то время ей казалось "самоочевидным, что привязанность ребенка к матери объясняется тем, что она удовлетворяет его базовые потребности"¹⁰). Однако постепенно ее захватил энтузиазм Боулби, связанный с построением новой теории. После трехлетнего периода совместной работы с Боулби в Лондоне Эйнсворт отправляется в Уганду, где в соответствии с этологическими принципами проводит наблюдения за проявлениями привязанности у маленьких детей:

Первые же наблюдения Эйнсворт не оставили и следа от ее прежних "самоочевидных" представлений и убедили в правильности создаваемого Боулби подхода. Материалы этих наблюдений, собранные за два года, легли в основу эмпирического обоснования теории привязанности, в разработке которой с этого времени Эйнсворт стала принимать самое активное участие. Первая попытка Боулби публично представить свою теорию состоялась на заседании Британского психоаналитического общества, где в 1957 г. он выступил с докладом "О природе связи ребенка и матери"¹¹). Доклад начинался с критического разбора психоаналитических концепций, в которых отношение маленького ребенка с матерью трактовалось как биологическое единство, основанное на зависимости от удовлетворения его физиологических потребностей. Как, например, писала А. Фрейд, "младенец не "любит" мать в собственном смысле этого слова, а нуждается в ней"¹²).

Психоаналитическим концепциям Боулби противопоставил свое понимание привязанности и этологический подход, доказывающий, что уже у животных имеется множество реакций, которые с момента своего появления независимы от органических нужд, - их функция заключается в

осуществлении социального взаимодействия с родителями или иными представителями своего вида. Подхватывая и перенося эту мысль на развитие младенца Боулби придавал кардинальное значение тем наблюдениям, которые показывали особый характер реакций ребенка на человеческое лицо, голос, физический контакт, ласку и другие формы социального взаимодействия. Боулби подчеркивал их изначально самостоятельный характер, никак не связанный с удовлетворением физиологических нужд.

Как и следовало ожидать, реакция на высказанные Боулби взгляды нетерпимых к любому отходу от ортодоксальных позиций психоаналитиков была весьма бурной - решительное неприятие и отторжение даже со стороны Дж. Ривьер, которая была его непосредственным учителем. А Анна Фрейд, например, выражала свое сожаление "о потере для психоанализа такой значительной фигуры, как Боулби"¹³). Однако до исключения из членов психоаналитического общества, как это случилось несколько ранее с К. Хорни (в Американском психоаналитическом обществе) и многими другими реформаторами фрейдовского учения, дело не дошло. Тем не менее сложные отношения с представителями психоанализа сохранялись у Боулби долго. Это можно отчетливо видеть и в представляемой здесь книге "Привязанность", где с одной стороны, Боулби настойчиво ищет поддержку своим взглядам в трудах самого Фрейда, приводя его высказывания, содержащие хотя бы малейшие намеки на идеи, сходные со своими (см. гл. 1), а с другой стороны, с особой тщательностью обосновывает все пункты расхождений.

В процессе работы над книгой "Привязанность" (1969 г.), занявшей у Боулби целых семь лет, отличие его позиции как в отношении содержания, так и методологии исследования детского развития приобрело четкие контуры. Боулби полностью отказался от классического психоаналитического метода, связанного с ретроспективным восстановлением прошлого опыта человека (на основе свободных ассоциаций и других приемов), как непригодного для изучения психических процессов у детей. Вместо этого он обратился к методу систематического наблюдения за реальным поведением детей и лонгитюдному прослеживанию прямых и косвенных последствий, к которым ведет конкретное травматическое событие, - достаточно продолжительная разлука маленького ребенка с матерью или лишение ее. Более того, в отличие от представителей психоанализа, Боулби не стал ограничиваться изучением развития связи ребенка с матерью только лишь у человека, но, опираясь на этологию, систематизировал огромный филогенетический материал, показывающий развитие отношений между детенышами и родителями у многих видов животных, находящихся на разных ступенях эволюции, в том числе особенно подробно у приматов - макакарезусов, бабуинов, шимпанзе и горилл. Таким образом, тщательное описание онтогенетических стадий развития привязанности ребенка (в IV части книги) Боулби предваряет "выстраиванием" целого ряда филогенетических "предшественников" этого

поведения, - методологический ход, который свидетельствует о глубокой приверженности Боулби принципу развития.

Анализ филогенетических предпосылок привязанности (II и III части книги) Боулби начинается с особенностей организации инстинктивного поведения, варьирующегося от простейших фиксированных действий, подобных элементарным рефлексам, до весьма сложных паттернов, построенных на основе иерархии планов и подпланов разного уровня. При этом Боулби отказался от традиционного понимания инстинктивного поведения как слишком противоречивого и не определенного. Используя перенесенное из кибернетики понятие "система управления" и принцип саморегуляции, Боулби построил новую модель инстинктивного поведения, в которой у наиболее сложных видов животных оно вовсе не является "слепым" и жестко стереотипным. Напротив, выражаясь языком Боулби, инстинктивное поведение в той или иной степени "целекорректируемо", т.е. способно подстраиваться к конкретным условиям среды и гибко изменяться в процессе достижения цели, что обеспечивает высокую адаптированность к среде высших видов животных. Регуляторные функции сложных систем управления поведением, например, исследовательским, родительским, пищевым и др., опираются на когнитивные карты и/или "рабочие модели" ("working models") - средства, отображающие как окружающую среду, так и собственные действия индивида. Заметим, что понятие "рабочая модель", по сути дела, означающее не что иное, как систему образов и представлений о внешней и внутренней среде (кстати, заимствованное Боулби из работ биолога Крейка¹⁴) и не лучшим образом звучащее в таких, например, выражениях, как "рабочая модель матери" и др.), поразительно сходно с понятием "поле образа", разработанным в 1960-х гг. в теории П.Я. Гальперина об ориентировочной деятельности субъекта¹⁵) (как, впрочем, чрезвычайно сходна критика, высказанная этими очень разными и никак не связанными между собой учеными в адрес традиционной теории инстинкта¹⁶).

Таким образом, в концепции Боулби место фрейдовского понятия "влечение" ("инстинкт") заняли "системы управления поведением", действующие на основе принципов регуляции разного уровня сложности. В силу этого Боулби уделяет большое внимание тому, каким образом происходит активация определенной системы управления поведением и последующее прекращение ее действия, рассматривает в этом процессе роль внешних и/или внутренних стимулов, которые фиксируются посредством механизмов запечатления во время сензитивных периодов в процессе развития животного на ранних этапах онтогенеза.

С этой точки зрения привязанность, наблюдаемую у детенышей многих видов млекопитающих и птиц, Боулби выделяет из общего репертуара поведения как совершенно особый его вид, специфика которого в обеспечении им близости или физического контакта с родительской особью (обычно матерью). Биологическая функция поведения привязанности диктуется потребностью беспомощного детеныша в защите от опасностей

окружающего мира и не может (как это считалось в психоанализе в отношении человеческого младенца) трактоваться в качестве явления, просто сопутствующего процессу удовлетворения физиологических потребностей малыша (питания и др.).

Боулби считал, что существуют некие врожденные компоненты оной специфической системы регуляции поведением, которая с самого начала направляет активность младенца по отношению к взрослому. Однако процесс становления поведения привязанности у ребенка весьма длителен и проходит четыре стадии: 1) начальной ориентировки и неизбирательной адресации сигналов любому лицу (слежение глазами, цепляние, улыбка, лепет), 2) выделения и сосредоточения на определенном лице, 3) использования взрослого (обычно матери) в качестве "надежной базы" для исследовательского поведения (по выражению М. Эйнсворт) и источника, дающего чувство защищенности и наконец, 4) гибко регулируемого (целекорректируемого) партнерства на третьем году жизни. В книге Боулби большое место уделено подробному описанию особенностей каждой стадии, а также условий, влияющих на проявления привязанности ребенка и выбор им основных и второстепенных лиц, к которым формируется привязанность, и многим другим ее аспектам.

Поиск младенцем защитной близости и контакта со взрослым резко активизируется в ситуациях опасности, тревоги или разного рода дискомфорта (боли, холода и т.д.): здесь взрослый становится источником успокоения и чувства защищенности, наличие которого позволяет ребенку активно осваивать полноту новизны и разнообразия окружающий мир. Таким образом, теория Боулби раскрывает привязанность к матери одновременно и как определенное активное поведение ребенка, и как эмоциональную связь с ней. Тяжелые страдания малыша, разлученного с матерью, объясняются, по мнению Боулби, активированным состоянием его внутренней системы регуляции поведения привязанности и отсутствием привычных стимулов, прекращающих ее действие (контакт с матерью). В этих условиях у ребенка возникает состояние острой дезадаптации, когда угнетаются все другие формы поведения, а в результате даже при самом хорошем уходе со стороны чужих для ребенка лиц он теряет интерес к окружающему, плохо ест и спит, испытывает тревогу, отчаяние или апатию, легко заболевает. Предложенная Боулби концепция привязанности позволила "реабилитировать" то чрезвычайно требовательное поведение малышей (в отношении присутствия матери), которое нередко воспринимается недостаточно опытными родителями как каприз и результат неправильного воспитания, когда ребенка просто "приучили цепляться за мать".

Необходимо подчеркнуть, что, несмотря на теоретическую направленность книги Боулби, для нее характерна исключительная информационная насыщенность. Читатель найдет в этой работе не только уникальное по своей полноте описание основных стадий развития привязанности в первые годы жизни ребенка, но и детальный анализ особенностей конкретных форм поведения, с помощью которых реализуется

привязанность ребенка к матери, - ориентировочной и сигнальной активности младенца (плача, улыбки, лепета и жестов), его следования за матерью, цепляния и др. Например, рассматривая особенности реакции сосания, Боулби устанавливает, что она имеет две разные формы: помимо той, которая связана с получением младенцем пищи, имеется еще одна, составляющая неотъемлемую часть поведения привязанности, - направленная на достижение близости и физического контакта с матерью.

Естественно, что особое место в работе Боулби отведено анализу форм материнского поведения и их влияния на становление взаимодействия пары ребенок-мать. На основе накопленных фактических данных Боулби вносит принципиально важное уточнение относительно понимания психологического содержания роли матери, заботящейся о ребенке: наиболее важным компонентом материнского ухода является внимание к сигналам, подаваемым ребенком, и общение с ним (*social interaction*), а не сам по себе повседневный уход. Вместе с Эйнсворт он подчеркивает, что обычно используемое понятие "материнский уход и забота" является слишком широким и позволяет толковать его как главным образом обслуживание органических потребностей ребенка. Между тем избирательный характер проявлений привязанности младенца недвусмысленно показывает, что он явно предпочитает тех лиц, которые не просто ухаживают за ним, но вступают с ним в активное и эмоциональное взаимодействие - привлекают внимание, ласково разговаривают, улыбаются, играют. В качестве главных факторов формирования привязанности ребенка к матери, согласно Боулби, выступают, во-первых, чуткость ее реагирования на подаваемые ребенком сигналы и, во-вторых, частота и длительность реального взаимодействия с младенцем: "Матери, чьи дети имеют наиболее надежную привязанность к ним, отличаются тем, что реагируют ... немедленно и ... взаимодействуют со своими детьми - к их обоюдному удовольствию" (с. 351).

В свете разработанной Боулби теории привязанности многие специфические феномены детского развития в младенческом и раннем возрасте получили намного более удовлетворительное объяснение, чем раньше. Это касается, например, непонятной ранее прихотливой избирательности отношений младенца с основными и второстепенными лицами привязанности, или "странной" (на взгляд многих родителей) потребности маленьких детей постоянно иметь с собой какой-то предмет (обычно мягкую игрушку), или то усиливающейся, то ослабевающей у младенца боязни незнакомых людей и т.д. В целом же представленная Боулби картина появления и последовательного усложнения избирательно направленных реакций ребенка на мать (начиная с фазы новорожденности) уникальна по точности и полноте. Вместе с детальным описанием становления взаимодействия между матерью и ребенком (гл. 14-17) она и сегодня может служить главой фундаментального учебника по психологии раннего возраста.

Однако, оценивая работу Боулби в целом, нельзя обойти одно принципиально важное обстоятельство: сосредоточив значительную часть

своих усилий на анализе филогенетических "корней" привязанности и показе закономерной преемственности механизмов привязанности к матери у животных и человека, Боулби оставил без должного внимания вопрос об их качественных различиях. Он считал, что, хотя различия между человеком и высшими приматами, безусловно, существуют, но в отношении привязанности их сходство, "возможно, имеет даже большее значение, чем различия". Более того, подчеркивая гибкость и адаптивность инстинктивных форм поведения привязанности у высших видов приматов, Боулби не исключил существования у человека общих с ними прототипических инстинктивных структур, а генезис привязанности у ребенка рассматривал как, по меньшей мере, аналогичный процессу запечатления, происходящему у детенышей животных: "...Имеются все основания отнести развитие привязанности к процессу запечатления ... в широком значении. На самом деле, в противном случае возник бы совершенно необоснованный разрыв между поведением привязанности у человека и других биологических видов" (с. 248-249).

Как отнестись к такому допущению? Можно ли на этом основании не упрекнуть Боулби в грубом биологизаторстве, в натуралистическом истолковании привязанности ребенка к матери? Совершенно очевидно, что выводы Боулби связаны с ограниченностью общей парадигмы его исследований, поскольку он изначально рассматривал привязанность в эволюционном, а не социокультурном контексте. Однако ответы на поставленные выше вопросы на самом деле не так очевидны, как может показаться на первый взгляд.

Следует учитывать, что в результате анализа фило- и онтогенеза привязанности Боулби пришел к выводу, что это поведение представляет собой форму социального взаимодействия, возникновение которой никак не зависит от удовлетворения физиологических потребностей ребенка. Таким образом, его вывод прямо противоположен натуралистической трактовке феномена привязанности. В то же время анализ того, как Боулби понимал само социальное взаимодействие, показывает, что для него не был первостепенным вопрос о его качественных различиях у животных и человека, а значит, натуралистический подход в его теории, безусловно, сохранял свои позиции.

Это принципиальное обстоятельство легко ускользает от внимания, если при чтении книги Боулби оставаться в русле его рассуждений, однако оно бросается в глаза, если посмотреть на вопрос о развитии привязанности шире, например, с учетом культурно-исторической теории, разрабатываемой в трудах отечественных последователей Л.С. Выготского. Еще раз отметим, что несмотря на эволюционный подход и междисциплинарный характер теории Боулби общая парадигма его исследований имеет серьезные ограничения: в ней никак не затрагиваются те глубокие качественные преобразования, которые происходили в процессе антропогенеза и не могли не привести к изменению самой природы человека по сравнению с

человекоподобными приматами, а следовательно, его онтогенеза в целом и функции привязанности в частности¹⁷).

Однако сегодня поздно и несправедливо упрекать Боулби за то, что в своих исследованиях он прошел мимо культурно-исторической теории и, соответственно, тех богатейших возможностей, которые в ней объективно заложены в отношении понимания специфики человеческого онтогенеза - прежде всего этапов становления общения ребенка со взрослым, которые в своих работах Боулби описывает как стадии развития привязанности. В конце концов, труды Л.С. Выготского получили настоящую известность на Западе лишь начиная с 1980-х гг., когда теория привязанности Боулби уже приобрела свою относительно законченную форму, а ее автору было более 70 лет. По той же причине бессмысленно сожалеть, что Боулби не учел интереснейшие результаты экспериментальных исследований многих отечественных психологов (Н.М. Щелованова, Н.М. Аксариной, М.Ю. Кистяковской, М.И. Лисиной и др.), с которыми просто не был знаком. В заключение более уместно подчеркнуть другое: сам Боулби вполне отчетливо понимал не только сильные стороны, но и ограниченность созданной им теории. Его книга завершается многозначительным признанием, что "наименее изученной стадией человеческого развития остается та, на которой ребенок приобретает все свои специфически человеческие качества. Здесь перед нами открывается целый континент, который еще только предстоит завоевать" (с. 399. - Курсив мой - Г.Б.).

Слова, написанные Боулби почти сорок лет назад, не утратили своей актуальности. Сегодня они воспринимаются как призыв к содержательному соотнесению и, образно выражаясь, "стыковке" эволюционного и культурно-исторического подходов в исследовании конкретных феноменов детского развития, в том числе привязанности. Необходимо создание современных теорий более высокого уровня, реально синтезирующих достижения своих предшественников и преодолевающих их противоречия. Это прежде всего относится к теории генезиса общения, созданной М.И. Лисиной и ее учениками, - сопоставление ее с теорией привязанности Боулби обнаруживает как массу интересных аналогий, так и множество отличий¹⁸).

Потенциальная взаимодополнительность этих двух очень разных по своим исходным методологическим позициям теорий, но не уступающих друг другу по масштабу своего вклада в понимание базовых проблем онтогенеза, требует специального серьезного анализа, который выходит далеко за рамки данного предисловия. Можно надеяться, однако, что публикация на русском языке первого тома фундаментальной трилогии Боулби будет способствовать реализации этой задачи в будущем.

Примечания

¹) Об огромном размахе современных исследований, затрагивающих разные аспекты привязанности, свидетельствует прежде всего публикация многих

- фундаментальных трудов. См., например: The handbook of attachment: Theory, research and clinical application // Cassidy J., Shaver P. (eds). N.Y., 1999
- 2) Единственная известная нам публикация (статья) Дж. Боулби на русском языке: Боулби Дж. Детям - любовь и заботу // Лишенные родительского попечительства / Под ред. В.С. Мухиной. М., 1991.
- 3) Bowlby J. Charles Darwin: A new biography. L., 1991.
- 4) См.: Bretherton I. The origins of attachment theory: John Bowlby and Mary Ainsworth // Parke R., Ornstein P., Reiser J., Zahn-Waxler C. (eds). A century of developmental psychology. N.Y., 1994; Ainsworth M. Mary D. Salter Ainsworth // O'Connell A., Russo N. (eds). Models of achievement; reflections of eminent women in psychology. N.Y., 1983. P. 200-219.
- 5) См.: Bowlby J. The influence of early environment in the development of neurosis and neurotic character // International Journal of Psycho-Analysis. 1940. XXI. P. 1-25.
- 6) См.: Bowlby J. Fourtyfour juvenile thieves: their characters and home life // International Journal of Psycho-Analysis. 1944. 25. P. 19-52.
- 7) См.: Bowlby J. The study and reduction of group tensions in the family // Human Relations. 1949. 2. P. 123-128.
- 8) Лангмейер И., Мптейчек З. Психическая депривация в детском возрасте. Прага, 1984. С. 71.
- 9) Bowlby J. Maternal care and mental health // World Health Organization Monograph. Geneva. 1951. Serial. № 2.
- 10) Ainsworth M. Mary D. Salter Ainsworth // O'Connell A., Russo N. (eds). Models of achievement reflections of eminent women in psychology. N.Y., 1983. P. 200-219.
- 11) О содержании доклада можно судить по его письменному варианту, опубликованному в качестве приложения к данному изданию.
- 12) Freud A Psychoanalysis and education // Psychoanalytic Study of the Child. 1954. 9. P. 9-15.
- 13) Цит. по: Bretherton I. The origins of attachment theory: John Bowlby and Mary Ainsworth // Parke R., Ornstein E., Reiser J., Zahn-Waxler C. (eds). A century of developmental psychology. N.Y., 1994.
- 14) См.: Crick K. The nature of explanation Cambridge, England, 1943.
- 15) См.: Гальперин П.Я. Введение в психологию М., 1976
- 16) См.: Гальперин П.Я. К вопросу об инстинктах у человека // Вопросы психологии 1976 № 4
- 17) См.: Выготский Л.С. История развития высших психических функций // Собр. соч. в 6 т. М., 1983. Т. 3; Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М., 1972; Гальперин П.Я. К вопросу об инстинктах у человека // Вопросы психологии. 1976. №4.
- 18) См.: Лисина М.И. Проблемы онтогенеза общения. М., 1986; Смирнова Е.О. Теория привязанности: концепция и эксперимент // Вопросы психологии. 1995. № 3.

Журнал практической психологии и психоанализа, 2003, № 1

Функции сновидения: психодинамический подход

Г.В.Гридаева

Психотерапевты всех направлений в той или иной степени работают со сновидениями; многие анализируют свои собственные сны или, как минимум, обращают на них внимание. У каждого психотерапевта свои взгляды на то, в каких случаях необходимо работать со сновидениями и каким образом это делать.

Я попытаюсь представить современный взгляд (с психодинамической точки зрения) на функции сновидения. В первой части сообщения вы услышите теоретические представления, послужившие предпосылками к нашему исследованию, во второй, исследовательской, части я расскажу, что мы делали и к каким результатам пришли; наконец, в заключительной части я подробнее остановлюсь на коммуникативной функции сновидений и приведу небольшой клинический пример.

Фрейд утверждает: «Толкование сновидений - это королевская дорога к знаниям бессознательной активности ума» и тем самым определяет сновидениям и их интерпретации центральную роль в психоанализе.

В последнее время, с развитием эго-психологии, роль интерпретации сновидений стала несколько уменьшаться, однако ряд авторов по-прежнему ставят анализ сновидений на первое место в психоанализе.

Гринсон пишет о том, что сновидение является исключительным и единственным в своем роде продуктом психической деятельности пациента: наилучшим окном во внутренний мир служит сновидение, идеальной формой свободных ассоциаций выступает сновидение, наилучший доступ к детским переживаниям дает опять-таки сновидение. Это совершенно особенное творение психики, понять которое можно, только если аналитик и пациент будут работать вместе, используя свободные ассоциации пациента и интерпретации аналитика.

Масуд Кан вводит понятие «пространства сновидения», разграничивает процесс сновидения, выражающий бессознательные импульсы и конфликты, и пространство сновидения, где все это реализуется. Процесс сновидения биологически присущ человеческой психике, тогда как пространство сновидения является достижением развития личности. Взрослые используют пространство сновидения так же, как ребенок использует переходное пространство листа бумаги, рисуя на нем. Гипотеза пространства сновидений предлагается как специфическая интрапсихическая структура, в которой человек реализует некоторые типы переживаний.

Кан утверждает, что неспособность видеть сны ведет к выражению бессознательно подавленных импульсов в открытом поведении пациентов. Аналогично отсутствие способности фантазировать ведет к отреагированию конфликтов либо в поведении, либо в формировании бредаобразования. В таких случаях целью терапии становится способность создать и использовать

пространство сновидения. Признаком появляющегося психического здоровья становится способность человека реализовывать переживания в пространстве сновидения, что позволяет уменьшить поведенческие проявления бессознательных внутренних конфликтов.

Многие авторы придают манифестному содержанию сновидения большее значение, чем Фрейд, который считал его не более чем фасадом. Федерн первым обратил внимание на роль, которую выполняет сновидец в явном содержании сновидения; эта роль может быть активной и пассивной. Спаньярд также утверждает, что именно явное содержание является выражением конфликта, предлагает рассматривать ассоциации пациента на фоне манифестного содержания, при этом отправной точкой будет позиция сновидца в сновидении. Позиция сновидца - эта та точка, где защиты ближе к поверхности, наиболее доступны сознанию. На смену вытеснению может прийти оценка через понимание.

Людерс (1982): подчеркивает функцию решения проблем с помощью сновидения; считает каждое явное содержание сновидения иллюстрацией неосознаваемого состояния психической реальности пациента и приписывает особую важность интегративной интерпретации аналитика. Сновидец узнает посредством интерпретации, в каком состоянии находится его реальное «Я», как он на самом деле себя чувствует и в каком настроении находится. Таким образом, каждое сновидение передает невоспринятое, несимволизированное изменение образа «Я» сновидца.

Френч и Фромм (1964) рассматривает сновидения как способ решения проблем и улучшения социальной адаптации (с акцентом на конфликты в отношениях).

Коротко о концепции сновидения как средства Я-репрезентации: по мнению Фрейда, во сне «Я» может быть представлено несколько раз – и прямо, и через идентификацию с другими лицами. С современной точки зрения, в латентных мыслях и желаниях сновидения отражаются бессознательные элементы «Я», вовлеченные в конфликт, содержащие и описание проблемы, и попытки ее решения. Таким образом, сновидение не только выявляет вытесненные желания и конфликты, но также представляет собой репетицию будущих действий. Хотя прошлое сновидца со всеми препятствиями в развитии жизненно важно, его жизнь проходит «здесь-и-теперь» и ориентирована на будущее.

Хотелось бы подробнее остановиться на мышлении в сновидениях: Фрейд(1925) «В основе своей сновидение – особая форма мышления, которая становится возможной в состоянии сна. То, что сновидения пытаются решить проблемы, с которыми сталкивается наша душевная жизнь, не более странно, чем то, что этим должна заниматься наша сознательная жизнь во время бодрствования; речь идет всего лишь о том, что эта деятельность может вестись и в предсознании». Другими словами, и днем, и ночью мы решаем одни и те же проблемы, просто во сне пользуемся другим языком.

Язык сновидений – язык образов, богатый символическими отношениями, язык, имеющий архаические черты. Конденсация, смещение и

пластическая репрезентация – это процессы, определяющие форму, но не содержание; я не буду сейчас на этом останавливаться. «Дневное» мышление четко структурировано, дифференцировано и ориентировано вокруг логики, в то время как во сне имеет место регрессия, при которой границы размываются. В результате человек представляет мир, включая свое собственное «Я», совершенно по-другому, чем в своем бодрствующем мышлении и повседневном языке. Проблема заключается не в том, чтобы описать формальные характеристики языка сновидений, трудность в их переводе. Латентные мысли трансформируются в образы, образы описываются словами. Направление, в котором осуществляется перевод, то есть либо с языка мысли на язык сновидений, либо наоборот, имеет большое значение. Как при любом переводе, «по ходу» как в том, так и в другом направлении возможно множество искажений, потери части смысла. С незапамятных времен все мы живем в двух мирах – в мире обычного языка днем и в мире языка сновидений ночью. Существенным в искусстве толкователя сновидений всегда было перевести странный язык сновидений таким образом, чтобы их содержание стало понятно сознательному «Я», соответствовало легко осознаваемым желаниям. Например: Александру Македонскому во время осады Тира приснился танцующий сатир, что толкователь снов Аристандрос интерпретировал как «sa Tyros» - «твой Тир». Несомненно, Аристандрос постиг мир желаний Александра, и вероятно, уже интуитивно что-то понимал о самоисполнении пророчеств.

Работа сновидения, маскирующая конфликт, перетрансформируется благодаря работе интерпретации. Благодаря интерпретации возникают новые ассоциации, новые связи; и латентная мысль сновидения занимает свое место на самом глубинном уровне, сливаясь с желанием, требовавшим интерпретации. По Фрейду, благодаря интерпретации должно произойти открытие инфантильного желания, что предполагает повторное воспроизведение изначальной ситуации, в которой желание или потребность возникли, но не были удовлетворены. Однако правдоподобие этой реконструкции (прояснение инфантильной амнезии) – это одно, а ее терапевтическая эффективность – совсем другое, о чем также писал Фрейд. Вопрос: Всегда ли при работе со сновидениями необходимо обращаться к инфантильным вытесненным желаниям, или это необходимо только в тех случаях, когда недавний конфликт начинает резонировать с неразрешенным инфантильным конфликтом? Мостиком между актуальным и инфантильным конфликтом, и в то же время между мышлением в состоянии бодрствования и сновидческим мышлением служат дневные остатки.

Гринберг и Перлман описывают исследования в лаборатории по изучению сна пациентов, проходящих психоанализ. Обнаружилось прямое включение эмоциональных переживаний, предшествовавших сну, в явное содержание сновидений. Таким образом, отпечатки дня регулярно представляли эмоционально значимый материал, а не индифферентное содержание. Дневные остатки давали ясную картину основных проблем пациента и его усилий справиться с ними. Отсюда вывод - находка

отпечатка дня обычно ведет к пониманию сновидения и к построению интерпретации. По мнению авторов, дневные остатки являются связующим звеном между желаниями прошлого и потребностями настоящего.

Таким образом, в настоящее время считается, что основная функция сновидения – это развитие, регуляция и, по необходимости, реставрация психических процессов, структур и организации.

Наиболее важными задачами, которые решает сновидение, являются:

- 1) решение проблем,
- 2) процессы, связанные с обработкой информации, и
- 3) укрепление «Я».

Во всех современных работах подчеркивается важность сна для интрапсихического равновесия сновидца и для поддержания его психических функций.

Мы изучали сновидения студентов. Цель - выявить характерные элементы и проследить сочетаемость отдельных сюжетных линий в сновидениях студентов с высоким уровнем «невротичности» и сопоставить их с элементами сновидений студентов с низким уровнем «невротичности». Для определения уровня невротичности использовалась методика Айзенка (шкала нейротизма). Была разработана и составлена карта экспериментально-психологического исследования, включающая анамнестические данные, личностные характеристики и характеристики сновидений.

Всего обследовано 63 человека, из них 39 женщин и 24 мужчины, средний возраст обследованных - 20 лет. Все обследованные принадлежат к одной социальной группе (студенты). Они протестированы по методике Айзенка и в зависимости от результатов тестирования сгруппированы в две группы: 1 группа (36 человек) с низким показателем по шкале нейротизма, 2 группа (27 человек) - студенты с высоким показателем по шкале нейротизма, обозначенные условно как лица с высокой «невротичностью». Сопоставлялись анкетные данные, личностные характеристики, качественные и количественные характеристики сновидений, а также сочетаемость отдельных сюжетных линий в сновидениях лиц обеих групп.

При сопоставлении анкетных данных выявились следующие отличия: в группе с высоким уровнем нейротизма, естественно, женщин больше на 15,7%, чаще встречались обследованные из неполных семей. На вопрос, устраивает ли вас ваша сексуальная жизнь, в 1 группе дали положительный ответ 60,0% опрошенных, тогда как во 2 группе лишь 38,5% опрошенных (т. о. разница составила 21,5%).

При сопоставлении личностных характеристик получены следующие результаты: лиц с экстравертированной направленностью больше в группе с высокой «невротичностью». Эпизоды снохождения и сноговорения чаще наблюдались у студентов с высоким нейротизмом. Обследованным было предложено отметить свойственные им, на их взгляд, эмоциональные реакции. В 1 группе спектр выбранных эмоций был более широкий и разнообразный. В то время как во 2 группе спектр выбранных эмоций был

гораздо более узкий, а преимущественным выбором является раздражение (61,5% опрошенных).

Всего нами проанализировано 227 сновидений (1 гр. – 73 сновидения, 2 гр. – 154 сновидения)

Количество сновидений в памяти (это количество сновидений, которое человек мог вспомнить и записать в течение 1 часа) у лиц 1 группы в среднем 2; у лиц 2 группы в среднем 5. Т.е. студенты с высокой невротичностью видят, запоминают и воспроизводят больше снов.

Лица с высоким уровнем «невротичности» при пересказе своих сновидений более многословны - количество слов в пересказе каждого сновидения составило в 1 группе в среднем 39 слов, а во 2 группе в среднем 65 слов.

Из всего многообразия наблюдаемых сюжетов и образов были выделены 12 типичных, первые 6 из них встречались наиболее часто:

- 1 - образ дома
- 2 - образы родственников
- 3 - сюжет борьбы, противостояния
- 4 - персекуторная тематика
- 5 - сюжет о смерти
- 6 - эротическая тематика
- 7 - полеты во сне
- 8 - кровь -
- 9 – вода
- 10 - лестница
- 11 - сюжет о свадьбе
- 12 - сюжет о родах

В группе 1 (студенты с низкой «невротичностью») чаще всего встречался образ дома, здания (у 61,1% обследованных) и сюжет борьбы, противостояния (у 58,3%), тогда как образы родственников встречались со средней частотой (у 44,4%). По литературным данным образ дома символизирует строение и структуру человеческой психики. Таким образом, можно предположить, что образ здания в сновидении студентов с низкой «невротичностью» свидетельствует о сохранности структуры и границ человеческой психики: границ, разделяющих сознательное и бессознательное, а также интрапсихическое и экстрапсихическое.

Во 2 группе (студенты с высокой «невротичностью») чаще всего встречались образы родственников (у 85,2% обследованных), сюжет борьбы, противостояния (у 63%) и персекуторная тематика (у 48,1%).

Также мы анализировали, каким образом сочетаются отдельные сюжеты в каждом сновидении. Встречались как монотематические (содержащие 1 образ или сюжет из изучаемых нами), так и политематические сновидения. Выяснилось, что у лиц 2 группы, в отличие от лиц 1 группы, в одном сновидении чаще сочетаются несколько сюжетов (в среднем от 2 до 5).

В сновидениях студентов 1 группы самым частым было сочетание образов дома и родственников (54% от общего количества сновидений в этой группе), что можно объяснить сформированностью психических структур и эффективностью внутриспсихических механизмов у студентов с низкой «невротичностью». Вероятно, это отражает интегрированное чувство самоидентичности и стабильность интроектов у этих лиц.

В сновидениях лиц 2 группы наиболее часто сочетались тема борьбы, противостояния и образы родственников (56,4% от общего количества сновидений). Можно объяснить это с точки зрения теории объектных отношений, которая уделяет особое внимание тому, каковы были главные объекты в мире ребенка, как он их переживал, как они были интернализированы и как их внутренние образы и репрезентации продолжают существовать в бессознательном взрослого [2]. Столь частое сочетание темы борьбы и образов родственников в сновидениях лиц с высокой «невротичностью» говорит о компенсаторном механизме востребования ранних форм объектных отношений для укрепления «Я» и, возможно, улучшения адаптации.

Также часто в сновидениях лиц 2 группы встречалось сочетание темы борьбы, противостояния с образом дома, здания (40%), несмотря на то, что образ дома не являлся характерным элементом для сновидений этих лиц (44,5%). Вероятно, это отражает актуальность вопросов собственной идентичности и диспозицию внутриличностного конфликта [4]. Довольно часто в сновидениях студентов с высоким уровнем «невротичности» сочетались образы родственников и сюжет о смерти (37,6%). Вероятно, это отражает попытку повышения автономности Эго как центральной структуры зрелой личности [4]

Также отличия были выявлены при анализе эротических сновидений: у студентов с высокой невротичностью эротические сны наблюдались на 23,1% чаще, чем у студентов с низкой невротичностью. Выяснилось, что у лиц 1 группы эротическая тематика редко сочетается с другими сюжетами (т.е. для них характерны монотематические эротические сновидения). В то время как у студентов 2 группы сновидения чаще носили эротический оттенок, т.е. эротическая тема наслаивалась на другие сюжеты, чаще всего на тему борьбы и на персекуторную тематику (эротический компонент политематических сновидений).

Выводы:

1. Студенты с высокой «невротичностью» активнее используют пространство сновидения для реализации внутренних переживаний.
2. Можно говорить, что определенные сюжеты «вносят» вклад в «невротизацию», являясь своеобразными показателями невротичности.
3. Сочетание сюжетов является важной и информативной характеристикой способности к переработке внутриличностного конфликта.
4. Условная «невротизация» расширяет сюжетный спектр сновидения.

Сновидения обозначают проблему; пытаются ее решить; укрепляют «Я» сновидца. Но ведь сны еще кому-то и зачем-то рассказывают!

Позвольте отдельно остановиться на функции сновидения как «средства связи», другими словами, на коммуникативной функции сновидений. Какие сновидения мы запоминаем, какие чувства они у нас вызывают, к каким действиям нас подталкивают – важность сновидений для поддержания интрапсихического диалога, разговора с самим собой. Какие сновидения запоминает наш пациент, как он к ним относится, как говорит и когда он говорит о них на каждом сеансе и в рамках терапии в целом, как на это реагирует психотерапевт – важность сновидения для поддержания межличностного диалога.

Масуд Кан предлагает гипотезу «хорошего» сновидения — сновидения, облегчающего интрапсихическую коммуникацию и психотерапевтическую работу. Для того, чтобы пациент увидел и рассказал «хорошее сновидение», необходимы ряд внешних условий и определенные интрапсихические состояния сновидца.

«Хорошее сновидение» может принести психотерапевту лишь относительно ненарушенный пациент:

1. Психический аппарат может выдержать регрессию;
2. Эго восприимчиво к импульсам Ид, и в то же время способно противостоять их хаосу.
3. Эго способно к продуктивному дистанцированию от примитивных и садистских элементов СуперЭго;
4. Эго способно переносить фрустрацию и довольствоваться символическим удовлетворением;
5. Работа сновидения адекватна
6. Пациент способен сохранять «послеобраз» сновидения в бодрствующем состоянии.

Хотелось бы проиллюстрировать вышесказанное небольшим клиническим примером.

Пациентка – молодая женщина 30 лет, 6 неделя терапии. В процессе терапии было много интересных находок, инсайтов, несколько улучшилось состояние; но в настоящий момент у меня складывается ощущение, что терапия «буксует», инсайты есть – эффекта нет, они ничего не меняют. Мы обсуждаем это. На следующий день пациентка рассказывает сон: Подруга из Израиля присылает мне огромное количество подарков. Это небольшая кукла – девочка с короткими, пышными темными волосами. Много каких-то странных чехлов, постельного белья из целлофана, подобных странных вещей. Я не понимаю, зачем мне это нужно, что мне с ними делать? Я иду по улице, держа всю эту кипу в руках, вижу открытый канализационный люк. Вдруг подарки начинают падать в этот люк, прямо в дерьмо. Я стараюсь, не могу их удержать. Мне их ужасно жалко. Понимаю, что должна достать их. Наклоняюсь за ними, страшно боюсь испачкаться в дерьме, но, к моему огромному удивлению, этого не происходит. Сначала

достаю куклу, затем все остальное. И я, и подарки – совершенно чистые! Я радостно начинаю их открывать, примерять, оказывается, что это очень красивые и модные наряды, они мне очень идут. Чувствую, что теперь они действительно стали моими.

Это сновидение стало поворотной точкой в терапии. Работая с этим «хорошим» (по М.Кану) сновидением, мы своевременно обсудили ряд важных тем:

1. Обесценивание терапии, ощущение успехов как ненужных, навязанных подарков.
2. Агрессивный компонент переноса.
3. Через детское воспоминание о подруге - гомосексуальную тематику.
4. Тему грязи, душевных испражнений.
5. Тему «контроля – овладения», преобразование пассивного в активное и в результате этого обретение власти над ситуацией.

После проработки этого обширного материала состояние пациентки действительно улучшилось.

Таким образом, в символической форме был выражен актуальный конфликт, получено символическое удовлетворение, отразилась привычная модель действий, благодаря сновидению были интерпретированы скрытые мысли и желания.

Все это привело к осознанию ситуации «здесь-и-теперь» и аналогии с «там-и-тогда», помогло наладить интрапсихическую и интересубъективную коммуникацию, повлияло на ход терапии.

*Доклад на заседании Самарского
психоаналитического общества 16.12.2004 г.*

Сновидение как форма интрапсихического диалога и встреча с будущим

В.И.Николаев

С течением времени традиционные психоаналитические концепции сновидений все менее соответствуют современному психоанализу и его теоретическим и практическим потребностям. В них не отражаются новейшие идеи, подходы, понимания, результаты и интерпретации, отсутствует та простота видения, которая эффективно помогала бы в работе с пациентами, в супервизорской деятельности и повседневной жизни. С учетом важности проблемы анализа и интерпретации сновидений можно полагать, что модернизация и создание новых психоаналитических и психоаналитически ориентированных концепций сновидений могут быть поняты как актуальная задача психоанализа на современном этапе его развития.

Одним из возможных путей создания новых психоаналитических концепций сновидений является сопряжение классических представлений о сновидениях с другими психоаналитическими идеями. Теоретические и методологические соображения, а также опыт практической работы дают определенные основания считать, что создание новой концепции сновидений в частности возможно на основе и в связи с концепцией переноса.

С учетом данного обстоятельства целесообразно обратить особое внимание на три комплекса проблем: видение и понимание переноса, концепции сновидений и практическое приложение концепции сновидений к сновидениям З.Фрейда.

1. Проблема переноса и контрпереноса

З.Фрейд отдавал приоритет не столько клиническому психоанализу, сколько психоанализу как науке, добиваясь того, чтобы психоанализ был признан в качестве фундамента общей психологии. Однако, и ныне, несмотря на существующие системы психоаналитической общей психологии (например, эгопсихологии Г.Гартмана), они так и не получили повсеместного признания.

В не малой степени это связано с отсутствием интеграции концепции переноса (и контрпереноса) в психоаналитическую теорию (и общую психологию), а также отсутствием четкого определения переноса. Мы попытаемся восполнить этот пробел.

Лучше всего начать со знаменитого «случая Анны О». Эту пациентку лечил знаменитый венский врач И.Брейер. Лечение оборвалось совершенно неожиданно. Тогда, когда, казалось бы, можно было говорить об успехе лечения, пациентка неожиданно стала во всеуслышание заявлять о том, что

она ожидает ребёнка от И.Брейера. О лечении пациентки З.Фрейд узнал от Брейера через несколько месяцев после завершения лечения (ноябрь 1882). Фрейда настолько сильно поразила история болезни, что он не мог понять, почему Брейер не желает её опубликовать, как и рассказать о созданном новом методе лечения – «катартической психотерапии». И только спустя год Брейер откровенно признался молодому коллеге, что он столь сильно был вовлечён в лечение Анны О., что, в конце концов, вызвал ревность жены. Ему пришлось сказать пациентке, что он навсегда прерывает лечение. И вечером этого же дня его срочно вызвали к пациентке, лежавшей в «родовых схватках» от ложной беременности и выкрикивающей: «На свет появится ребёнок доктора Брейера!» Брейер погрузил пациентку в гипнотическое состояние и попытался успокоить, а на следующий день вместе с женой спешно уехал в Венецию. В том же самом году, через месяц после завершения лечения Брейером пациентке стало настолько плохо, что её вынуждены были поместить для стационарного лечения в знаменитый в то время санаторий Бельвью² в Кройцлинге на Боденском озере, где она находилась с середины июля до конца октября 1882 года. Там Анну О. лечили от различных соматических симптомов (в том числе и от тригеминальной [тройничного нерва] невралгии), при чём для этого использовали большие дозы морфия. По вечерам она опять теряла способность говорить на родном языке и переходила на английский или французский язык.

В письме Стефану Цвейгу Фрейд писал: «Что на самом деле произошло с пациенткой Брейера, мне удалось разгадать только много лет спустя после нашего с ним разрыва... На последней встрече с пациенткой у Брейера был в руках ключ, которым он мог открыть дверь к тайнам жизни, но он позволил ему упасть. При всей своей духовной одарённости у Брейера не оказалось в характере ничего фаустовского. Ужаснувшись содеянному, Брейер спасся бегством, предоставив попечение за судьбой больной одному из своих коллег» (Freud S. Briefe 1873-1939. Frankfurt a. M. 1968, p. 427). И этим ещё дело не закончилось, как писал Э.Джонс в первом томе знаменитой биографии З.Фрейда: «Спустя примерно десять лет, уже в то время, когда Фрейд лечил пациентов в сотрудничестве с Брейером, последний пригласил Фрейда посмотреть истеричную пациентку. Перед тем как отправиться к ней, Брейер подробно описал её симптомы, после чего Фрейд сказал, что это очень типично для фантазируемой (ложной) беременности. Такого повторения прежней ситуации Брейеру не мог перенести. Не сказав ни слова, он забрал шляпу с тростью и быстро покинул Фрейда».

Понимание явления и мощи переноса и контрпереноса, проявившихся в этой истории болезни стало для Фрейда отправным пунктом на пути перехода от катартической терапии к психоанализу. В некрологе на смерть Брейера (1925) Фрейд писал: «Брейер столкнулся с неизбежно существующим переносом пациентки на врача и не смог понять природу

---

² «Прекрасный вид» - название, часто даваемое местности, на которой располагается прекрасный дворец

этого явления, не связанную непосредственно с его личностью». Приняв чувства переноса за реальные чувства пациентки, Брейер ответил на них массивной реакцией бессознательного контрпереноса.

Ещё трагичнее эти моменты сказались на судьбах Сабины Шпильрейн и Карла-Густава Юнга. И опять же, понять происходящее было дано Фрейду.

Понятие переноса мы впервые встречаем в «Этюдах об истерии» (1895). З.Фрейд пишет: «Перенос на врача происходит в результате неправильной (фальшивой) связи. Вначале в сознании больной появилось желание, никак не связанное с воспоминанием о конкретной ситуации, которое помогло бы пациентке отнести её желание к прошлому. Появившееся желание посредством доминирующих в её сознании ассоциативных цепочек оказалось связано с моей персоной, что, конечно же, не могло не вызвать большой тревоги у пациентки. При таком мезальянсе – который я называю «фальшивой связью» – возник тот же самый аффект, который в своё время принудил больную избегать своего неприемлемого желания. После того как я понял истинное положение дел, в любой подобной ситуации использования моей персоны я привык считать, что опять появился перенос и фальшивая связь».

З.Фрейд обнаружил закономерность всего этого процесса, а именно, что препятствия в форме переноса представляют собой «заново продуцируемые симптомы, скроенные на старый лад» и ведут себя по-старому. В переносе уже забытое прошлое повторяется вновь, однако эта реанимация ставших бессознательными прежних установок кажется относящейся не к прошлому, а к личности врача в нынешней ситуации. В личности врача пациент видит «возвращение – реинкарнацию – одной из значимых персон своего детства», обнаруживая в этой личности связь со своим прошлым и потому перенося на врача чувства и реакции, «которые явно относятся к первоначальным его прообразам...» («Очерк психоанализа», 1940).

В одном из наиболее компетентных изданий, «Словаре поведенческих наук» (Dictionary of behavioral Science, ред. В.В. Wolman, NY, 1973), даётся следующее определение переноса: «Перенос. Пациент переносит прошлые эмоциональные привязанности на психоаналитика в соответствии с принципом навязчивого повтора³. Психоаналитик замещает одного из родителей. Перенос может быть негативным и позитивным. В позитивном переносе пациент любит психоаналитика и желает получить от него любовь и подлинное признание. А в негативном переносе пациент воспринимает психоаналитика как не любящую, несправедливую и отвергающую родительскую фигуру, обвиняя психоаналитика во всех прошлых несправедливых поступках родителей. Интерпретация переноса позволяет

---

³ Навязчивый повтор – консервативная тенденция влечений возрождаться, повторяя прежние либидозные стадии. Повтор прежних переживаний является активной попыткой справиться с тревогой, пережитой ранее. Он функционирует посредством связывания психической энергии и уменьшения напряжённости, в чём проявляется тенденция к возвращению в неорганическую фазу. Либидо – ментальная энергия, находящаяся в распоряжении Эроса, влечения к любви.

пациенту осознать тот факт, что его безумная увлечённость психоаналитиком на самом деле не связана с последним, а просто на просто отражает предыдущие запутанные эмоциональные отношения со значимыми людьми. Интерпретация необходима для модификации поведения. В психоаналитической ситуации регрессия к детству оказывается необходимой для разрешения психических конфликтов, имеющих корни в прошлых переживаниях и событиях жизни». Не думаю, что с этим кто-нибудь будет спорить. И тем не менее...

На наш взгляд перенос – язык бессознательного, задействованный в межличностном общении. То, что человек не может сказать непосредственно, то он высказывает переносом, обращаясь к рассказам о других людях, о своём прошлом, о прочитанном и увиденном, но на самом деле везде и всегда речь идет о непосредственном собеседнике. У человека в каждый актуальный момент отсутствует прошлое, он постоянно Здесь и Сейчас. А все включения в диалог воспоминаний о других людях, событиях, книгах, анекдоты и шутки только восполняют истинную картину складывающихся отношений. Перенос необходим. Без него мы не сможем намекнуть человеку о своей любви, ненависти, желаниях и возможностях. Это как бы психическая техника безопасности, базис межличностных отношений. Учитывая перенос, человек научается разбираться в истинных чувствах, испытываемых людьми в межличностных отношениях. Правда, обычный человек делает это интуитивно, а психоаналитик рационально. Хотя подобное чаще всего происходит лишь на психоаналитических сеансах.

Перенос является подтекстом, контекстом межличностного и группового диалога. Человек не способен говорить правду о себе и своём собеседнике, потому она проявляется посредством переноса («Шила в мешке не утаишь»). Бессознательно мы учитываем подтекст диалога, однако для налаживания хороших отношений и предотвращения будущих трагедий и несчастий этого далеко не достаточно. Именно перенос собеседника заставляет нас идти путём, навязываемым нашим визави. Лучшее всего это выразила Мелани Кляйн в концепции проективной идентификации.

А ещё раньше об этом прекрасно сказал Шекспир: «Весь мир театр и люди в нём актёры». Причём Шекспир своими трагедиями прекрасно показал, что роли, которые люди разыгрывают, остаются для них непознанными, бессознательными. Лишь когда грянет гром, когда мы оказываемся у разбитого корыта, может придти прозрение. В нашей бодрствующей жизни мы обычно игнорируем бессознательную сферу. Чтобы соприкоснуться с ней необходимы не только регрессия, но и умение понимать язык бессознательного. В переносе всегда отражаются наши скрытые планы, в которых мы не хотели бы признаться. И это независимо от того, будут ли наши планы мотивироваться либидозным влечением или агрессивным.

Итак, мы можем дать следующее общепсихологическое определение переноса. Перенос - это актуальный скрытый подтекст межличностного (или

группового) диалога, заставляющий собеседника осуществлять бессознательный план партнёра.

Свой материал перенос всегда черпает из побочных тем. Существуют два типа переноса: 1) перенос на настоящий, актуальный момент и 2) перенос на будущее (перенос в сновидении).

2. Проблема объекта и сущность сновидения

Перенос в сновидении принимает особую форму, так как здесь отсутствует материальный объект общения. Ни для кого не является секретом, что самоанализ посредством сновидений оказался для З.Фрейда специфической формой обучающего анализа и исходным пунктом создания психоанализа.

Огромные знания З.Фрейда в области сновидений позволили ему дать несколько определений:

«Сновидением называется замаскированная реализация (подавленного, вытесненного) желания»⁴.

«Сновидение является попыткой реализовать желание»⁵.

«Сновидение является замещающим воспроизведением инфантильных сцен, изменившихся в результате переноса на недавние переживания»⁶ и «частью детской психической жизни, оставшейся далеко позади»⁷.

Сновидение является преходящим психозом⁸ и невротическим симптомом⁹, сравнимым с психопатологическими структурами¹⁰, подобными идеям фикс, навязчивым представлениям и бреду. Общность с психозами проявляется в одном общем элементе: в галлюцинаторной реализации желаний¹¹, а связь с невротизмом - в том, «что сновидение конструируется подобно невротическому симптому; являясь компромиссным образованием между притязанием какого-либо вытесненного побуждения желания и сопротивлением цензурирующей силы в сфере Я»¹².

Сновидения охраняют от пробуждения спящего человека. «Сновидение является не помехой для спящего человека... а его покровителем»¹³. «Сновидение стремится устранить (психические) раздражители, которые могут помешать человеку спать, и осуществляется такое устранение путём галлюцинаторного удовлетворения»¹⁴.

⁴ (1900) Die Traumdeutung (G.W., Bd. 2\3, S. 166), а также (1901) Über den Traum (G.W., Bd. 2\3, S. 687) и (1925) Selbstdarstellung (G.W., Bd. 14, S. 71)

⁵ (1933) Neue Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse (G.W., Bd. 15, S. 30)

⁶ там же, стр. 552

⁷ там же, стр. 573

⁸ (1917) Metapsychologische Ergänzung zur Traumlehre, (G.W., Bd. 10, S. 420)

⁹ (1916-17) Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse (G.W., Bd. 11, S. 79); (1925) Selbstdarstellung (G.W., Bd. 14, S. 71)

¹⁰ (1900) Die Traumdeutung (G.W., Bd. 2\3)

¹¹ (1917) Metapsychologische Ergänzung zur Traumlehre, (G.W., Bd. 10, S. 420-22)

¹² (1925) Selbstdarstellung (G.W., Bd. 14, S. 71)

¹³ (1916-17) Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse (G.W., Bd. 11, S. 127)

¹⁴ там же, стр. 136

«Сновидение является особым способом реагирования души на конкретные стимулы, воздействующие на спящего человека»¹⁵.

«Сновидение является воспоминанием, хотя и в условиях ночи»¹⁶. Сновидение опирается на «оставшуюся психическую активность, сохраняющуюся в результате того, что спящему человеку никогда не удаётся полностью добиться во сне нарциссизного состояния»¹⁷.

«В принципе, сновидение ничем другим не является, как только особой формой мышления, которая становится возможной из-за специфических условий, в которых находится спящий человек»¹⁸, а создаётся сновидение сновидческой работой. «Не следует причислять сновидение к сфере “Бессознательного”, так как сновидение является формой, в которой могут проявляться мысли, продолжающие будоражить эту сферу»¹⁹. Особенностью мышления в сновидении является то, что человек стремится скорее переживать, чем думать, то есть, полностью верить в галлюцинации»²⁰.

«Одновременно вместе с рождением у человека пробуждается влечение к возвращению во внутриутробную жизнь, влечение спать. Сон является возвращением во чрево матери»²¹.

«Сновидение является полноценным психическим феноменом, а именно одной из особых форм реализации желаний; сновидение следует рассматривать во взаимосвязи с понятными для нас психическими действиями, осуществляемыми нами в бодрствующем состоянии. Сновидение формируется сложной психической деятельностью»²². «Отныне не стоит рассматривать сновидение в качестве патологического феномена; оно появляется у всех здоровых людей, когда они спят»²³.

«Мы пытаемся найти в сновидениях смысл. Если ошибочные действия (промахи) могут иметь смысл, то и сновидение может его иметь. Мы пойдём вслед за древними народами и ступим на тропу античных толкователей снов»²⁴. «Толкование сновидений является *Via regia* для познания бессознательной сферы в психической жизни»²⁵.

С кем общается сновидец? Проблема объекта, с которым вступает в диалог сновидец, до сих пор не разрешена в рамках классического психоанализа. Как известно, З.Фрейд наделял психоаналитика способностью занимать нейтральную позицию и быть зеркалом, объективно показывающим пациенту его проблемы. Именно подобную ситуацию мы и встречаем в сновидении. В сновидении происходит особого рода диалог. Правда, лица нашего визави мы не видим. Ничто постороннее не вмешивается в

¹⁵ (1916-17) Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse (G.W., Bd. 11, S. 86)

¹⁶ (1918) Aus der Geschichte einer infantilen Neurose (G.W., Bd. 12, S. 80)

¹⁷ (1917) Metapsychologische Ergänzung zur Traumlehre, (G.W., Bd. 10, S. 426)

¹⁸ [1925] (1900) Die Traumdeutung (G.W., Bd. 2\3, стр. 510, примеч.)

¹⁹ (1920) Über die Psychogenese eines Falles von weiblicher Homosexualität (G.W., Bd. 12, S. 294)

²⁰ (1900) Die Traumdeutung (G.W., Bd. 2\3, S. 53)

²¹ (1938) Abriss der Psychoanalyse

²² (1900) Die Traumdeutung (G.W., Bd. 2\3, S. 127)

²³ (1916-17) Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse (G.W., Bd. 11, S. 307)

²⁴ (1916-17) Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse (G.W., Bd. 11, S. 80-83)

²⁵ (1900) Die Traumdeutung (G.W., Bd. 2\3, S. 613)

«сновидческий сеанс» и образуется перенос огромной мощи, о чём свидетельствуют наши бурные эмоциональные реакции во сне и на увиденное сновидение. Во сне мы символически представляем свои проблемы, а невидимый собеседник отзеркаливает их нам, и не только это.

После знакомства с исповедью о наших актуальных проблемах не замечаемый нами собеседник показывает нам то, куда мы идём, показывает наше будущее. Наверное, проблема контрпереноса потому и возникла не сразу, что идеальному сновидческому собеседнику не приходилось навязывать свои желания и взгляды спящему человеку, у него их просто не существует – осуществляется идеальная реализация требований к психоаналитику – нейтральность и прямое отзеркаливание.

Мы будем называть нашего сновидческого визави идеальным психоаналитиком. Он беспристрастно выслушивает сновидца (первая часть сновидения), а потом показывает, куда ведут нас наши проблемы. Анализ идёт на доступном всем людям языке – языке символов и эмоций. О доступности говорит то, что люди специфически реагируют на сновидения – к ним или постоянно возвращаются, или забывают, или просыпаются в кошмаре, или спешат рассказать близким. Сама переживаемая во сне эмоция говорит о знаке будущего, которое мы себе готовим.

С кем общается сновидец? З.Фрейд оставил этот вопрос без ответа. Позже американский психоаналитик Б.Левин обратился к исследованиям объекта сновидений. Левин ввел понятие «экран сновидений», имея в виду, что он напоминает о груди, о переживаниях младенца в процессе кормления грудью, о последующем погружении в сон и о сновидениях младенца. По мнению Левина на этот особый фундамент сновидений, сновидческий (проекционный) экран проецируются сновидения. Этот экран, сохраняющийся в душе и построенный по прообразу груди матери, идентичен с «пустым сновидением» младенца после утоления голода. Сновидение переживается на проекционном экране, являющимся «пустом уплощённым замещением груди матери». При реализации желания спать возникает не только глубокий сон, но и появляется сновидческий экран, повторяющий как бы младенческий сон после утоления голода и содействующий растворению сферы Я. «Младенческое Я во сне принадлежит сфере Оно за исключение сновидческого экрана, являющегося первым репрезентантом (представителем) внешнего мира, построенным по прообразу груди»²⁶.

Другой подход предложил английский психоаналитик Р.Фэрбэрн. Он считал, что все элементы сновидения являются аспектами Самости, относящимися к объектам, а само сновидение является универсальным шизоидным феноменом, и функция его состоит в отображении актуального интрапсихического состояния, в показе взаимоотношений разнообразно расщеплённых структур посредством «короткометражного фильма». Любое

---

²⁶ B.D.Lewin. "Sleep, the mouth, and the dream screen" /Psychoanalytic Quarterly, 1946, p. 419-434.

сновидение является сгущением в ситуации сновидения прошлого и современного, актуально существующих в психической реальности²⁷.

На наш взгляд недостатком предыдущих попыток создания психоаналитической теории сновидений является отсутствие в них межличностного (или внутриличностного) контекста. В классическом психоанализе принято, что после разрешения Эдипова комплекса в психике формируется структура Сверх-Я. В эту структуру, по мнению Фрейда, может не только интроецироваться образ отца, но и сохраняться опыт многих прежних поколений предков. Власть Сверх-Я сохраняется не только в бодрствующем состоянии, но и во сне. На наш взгляд во сне в диалог вступают Самость (часть структуры Я) и Сверх-Я.

Если первая исповедуется, то вторая – предсказывает ход событий, наше будущее. В работах З.Фрейда мы, например, встречаем следующее: «То, что биология и судьба человечества создала и сохранила в структуре Оно, то перенимается сферой Я посредством идеалов Сверх-Я. Идеал-Я вследствие истории своего формирования имеет самую тесную связь с филогенетической базой данных, которая представлена в архаическом наследии индивидуума. То, что ранее относилось в психической жизни индивидуума к самым большим глубинам, то посредством идеала Сверх-Я превращается в самые высокие устремления человеческой души в смысле разделяемых нами ценностей.

Складывается впечатление, что переживания сферы Я оказываются пропавшими для будущих поколений. Но если они повторяются очень часто и достаточно сильны у многих следующих друг за другом поколений, то они так сказать встраиваются в переживания Оно, и сохраняются генетически. Поэтому унаследованная сфера Оно включает в себя следы бесчисленно многих Я-существований. Когда сфера Я начинает создавать своё Сверх-Я из сферы Оно, то вполне возможно, что всё сводится лишь к появлению прежних форм Я, к их возрождению. Сверх-Я наделяется той же самой защищающей и спасающей функцией, которую ранее брал на себя отец, а позднее - предвидение или судьба». (Das Ich und das Es, Ges. Schr., Bd. XII, p. 380-381). Экстериоризация (проецирование) этих элементов и функций привела к формированию религий, в которых место Сверх-Я занимает Бог, место Самости – верующий человек, а внутренний диалог – исповедь и прощение церкви. «Сверх-Я впитывает в себя всё «архаическое наследие», в его идеологии «продолжает жить прошлое, традиции расы и народа» (Neue Folge der Vorlesungen, Ges. Schr., Bd. XII, p. 221).

Таким образом, Самость (внутренний объект, представляющий наш бессознательный образ самих себя) вступает в диалог со сферой Сверх-Я, показывая ей свои актуальные проблемы, получая наилучшую возможную помощь – предсказание будущего, что оказывается возможным из-за огромного опыта Сверх-Я, которому не приходится прибегать к

---

²⁷R.Fairbairn. Psychoanalytic Studies of the Personality. London, 1952, p. 98 and successive.

контрпереносу. Ну а то, будет ли человек помнить о своём ночном диалоге и как он к нему отнесётся – другая сторона дела.

О предсказании, как и удивительной точности переноса, З.Фрейд упоминал и в статье, посвящённой анализу Доры («Фрагмент анализа истерии [Случай]») (1905). «Во время психоаналитического лечения невротик начинает создавать особый род чаще всего бессознательных психических форм общения, которые можно назвать переносом. Это переиздание, копирование прежних побуждений и фантазий, где прежние значимые лица замещены врачом. Возрождается целый ряд прежних переживаний, правда теперь не в форме воспоминаний, а как актуальное отношение к личности врача. Нельзя игнорировать работу с переносом, так как он является базисом любого сопротивления, делающего недоступным материал, необходимый для проработки проблем пациента. Перенос, который ранее считался наибольшей помехой в психоаналитическом лечении, теперь становится самым мощным инструментом психоанализа, если только удаётся его понять и интерпретировать пациенту. Когда Дора говорила, что оставит дом господина К., я должен был понять, что она собирается прервать лечение. Я должен был осторожно намекнуть пациентке, что она осуществила перенос с господина К. на меня. «Вы заметили что-то такое, что позволяет Вам приписывать мне недобрые намерения, вызываю ту же антипатию, которую у Вас вызывал господин К.» Устранением этого переноса я получил бы доступ к новому материалу воспоминаний. Но я оказался поражённым переносом. Из-за какой-то черты, которой я напоминал господина К., пациентка отомстила мне таким образом, каким бы она хотела отомстить господину К. То есть, часть воспоминаний и фантазий пациентка отреагировала вместо того, чтобы репродуцировать их в курсе лечения.

В сновидении на вопрос пациентки, где находится вокзал, мужчина отвечает: «В двух с половиной часах ходьбы». Тогда я ещё не знал, что у нас осталось для лечения два сеанса».

Наверное, есть смысл различать традиционный перенос на другого человека, в том числе и на психоаналитика и сновидческий перенос (перенос на внутренний объект, представленный сферой Сверх-Я). Если первый говорит о настоящем, об истинном настоящем, то второй - о будущем.

3. Сновидения З.Фрейда

Сновидение 1

Во сне я ощущаю приступ жажды. Чтобы напиться, мне приходится подняться и взять сосуд, который стоял на ночной тумбочке жены. Это этрусский сосуд для хранения пепла умерших, который я привёз из Италии и кому-то подарил. Но вода в сосуде настолько солёная (очевидно из-за пепла), что я вынужден проснуться²⁸.

---

²⁸ S. Freud. Die Traumdeutung. Fr./M., 1991, S.138.

З.Фрейд стремится к значимым доверительным отношениям с женой (приступ жажды). Когда-то эти отношения носили романтический характер (этрусская ваза), хотя и тогда они были обречены на разрушение (этот сосуд был предназначен для хранения пепла умерших). Теперь вода (отношения с женой) оказывается солёной, то есть отношения вызывают горечь и депрессию из-за того, что они похоронены.

Сновидение 2

Одна из моих пациенток, которая подверглась неблагоприятно прошедшей операции на челюсти, должна была по настоянию врача день и ночь носить на больной щеке охлаждающий аппарат. Но получалось так, что она сбрасывала его, как только засыпала. Как-то меня попросили уговорить пациентку этого не делать. Но она и на этот раз сбросила аппарат: «На этот раз я действительно ничего не могла поделать из-за приснившегося мне сна. Я увидела себя во сне в ложе на представлении оперы, живо следя за происходящим на сцене. А в это время в санатории лежал господин Карл Мейер и ужасно стонал от болей в области челюстей. Я сказала, что у меня нет таких болей, потому мне и не нужен охлаждающий аппарат. Потому я его и выбросила»²⁹.

Перенос пациентки в сновидении на своего аналитика предсказывает будущее. Господин Майер, который в переносе является никем иным как Фрейдом, ужасно стонет от болей в области челюстей. За много лет вперёд сновидение предсказывает то, что ожидает создателя психоанализа.

Сновидение 3 (Об Ирме, 23/24 июля 1895 года)

Большой зал – много гостей, которых мы принимаем. – Среди приглашённых Ирма, которую я тотчас отвожу в сторону, чтобы ответить на её письмо, упрекнуть за то, что она ещё не успела принять решение (раствор). Я говорю ей: Если у тебя ещё остались боли, то это действительно лишь твоя вина. Ирма отвечает: Если бы ты только знал, что за боли у меня в шее, животе, во всём теле, это просто раздавливает меня. – Я пугаюсь и смотрю на неё. Выглядит она бледной и распухшей. Я начинаю думать, что, находясь в углу, я могу не заметить чего-либо серьёзного, органического. Я подвожу её к окну и осматриваю горло. Ирма при этом оказывает небольшое сопротивление, как обычно делают женщины, носящие искусственную челюсть. Я думаю, она ведь не нужна Ирме. Затем рот раскрывается пошире и я замечаю справа большое пятно, а в другом месте я вижу приметные складки, которые очевидно построены по образу и подобию носовых раковин, это расширившиеся, серо-белые струпья. Я быстро подзываю доктора М., который повторяет исследование горла и подтверждает моё мнение... Доктор М. выглядит по-другому. Он очень бледен, хромот, без

---

²⁹ там же, стр. 139

бороды... Мой друг Отто сейчас стоит рядом с Ирмой, а друг Леопольд простукивает её сквозь корсажи, говоря: слышны притуплённые звуки слева, а ещё инфильтрированная часть на левом плече (что я и сам чувствую через одежду Ирмы)... М. говорит: нет никакого сомнения, это инфекция, но вряд ли что-то опасное. Появится дизентерия и яд выйдет сам... Мы непосредственно знаем, откуда взялась инфекция. Совсем недавно друг Отто, когда Ирма плохо себя чувствовала, ввёл ей пропиленовый препарат, пропилен... пропионовую кислоту... Триметиламин (формулу которого я вижу собой жирно напечатанной)... Не стоит делать подобного рода инъекции легкомысленно и беспечно... Да скорее всего и шприц был не чистым³⁰.

Это сновидение можно рассматривать в совершенно разных ракурсах. Правда, в психоанализе первое сновидение принято считать инициальным сном, то есть, инсценировкой переноса, показывающего то, куда сейчас идёт пациент. Первый сон, представленный создателем психоанализа, скорее нужно интерпретировать как инсценирование переноса, показывающего тот путь, который избирает зарождающийся психоанализ. Ирма символически представляет психоанализ (на языке оригинала слово «психоанализ (die Psychoanalyse) женского рода).

Многие гости, которых принимает Фрейд, говорят о его разнообразных интересах в тот период (1895 г.), хотя его прежде всего интересует психоанализ (Ирма). Боли Ирмы – это то множество неприятных событий, которые пришлось пережить Фрейду при создании психоанализа. Находясь «в углу», в изоляции, Фрейд не способен увидеть пути развития психоанализа в признанную теорию и практику психотерапии. У Фрейда было достаточно мужества сплотить вокруг Ирмы (читай: психоанализа) группу коллег (доктор М, друзья Отто и Леопольд). Поддержка единомышленников позволяет преодолеть страхи и проблемы: «это – инфекция, но вряд ли что-то опасное; появится дизентерия и яд выйдет сам»). Инфекционной болезнью Ирму наделил друг Отто, вводя препарат. Препарат, которым психоаналитик может заразить пациента, – контрперенос (во всяком случае, именно так было в случае с Анной О. у Брейера и в лечении Сабины Шпильерн у Юнга). С проблемой контрпереноса психоаналитику приходится очень много работать, и, прежде всего, проходя супервизии («Не стоит делать подобного рода инъекции легкомысленно»). А лучше всего, предварительно пройти основательный обучающий и контрольный анализ (чтобы «шприц был чистым»).

Это сновидение, интересное само по себе, является особенно актуальным в связи со спецификой развития психоаналитического движения в России. Оно предоставляет возможность и побуждает нас серьёзно подумать о допустимости и эффективности челночного анализа и об уровне профессиональной компетентности российских психоаналитиков.

---

³⁰ там же, стр. 121

Хотелось бы надеяться, что мы не окажемся в худшем положении, чём
З.Фрейд после открытия им феномена контрпереноса.

Анализ сновидений при суперпозиции различных методов

Т.В.Алейникова

Существуют разные методы анализа сновидений (З.Фрейд, 1904; К.Г.Юнг, 1961; Ф.Перлз, 1973 и др.). Наиболее распространены ассоциативные методы Фрейда и Юнга, причем, если фрейдовский метод сводится к последовательным линейным ассоциациям, то юнгианский представлен конstellляцией параллельных ассоциаций, среди которых многие имеют право на существование. Вариантом юнгианского метода является метод Р.Джонсона (1986) – «спицы колеса», где из конstellляции ассоциаций выбирается наиболее адекватная (как бы происходит в сознании «щелчок», по Джонсону, при появлении ассоциации наиболее отражающей связь с объектом либо субъектом сновидения).

Мы предлагаем использовать для анализа сновидений различные методы при их суперпозиции (либо конвергенции, по Х.Томэ и Х.Хэхели, 1985, 1988). С этих позиций мы попытаемся проанализировать емкие сложные сновидения, используя и цепи ассоциаций, и их конstellляции.

Разбор и расшифровку сновидений, по Фрейду, можно начинать с любого места, При этом сновидение может быть представлено не связанными между собой событиями, это могут быть разрозненные эпизоды без общей сюжетной линии. Но не исключена и вероятность того, что имевшая место связь утрачивается при вспоминании сновидения, равно как и возможность дополнения отсутствовавших в сновидении звеньев при попытке логического воспроизведения событий сновидения. Однако бывают и сложные, объемные сновидения с неоднозначной трактовкой символов, а вернее – с множественной трактовкой, когда подходит несколько значений и, таким образом, в одном образе (символе) оказываются отраженными несколько событий. В качестве таких примеров можно рассмотреть несколько сновидений.

Например, сновидение достаточно благополучной 60-летней женщины, имеющей мужа, взрослых детей и внуков школьного возраста, а также вполне удовлетворяющую ее работу, так что с позиции стороннего наблюдателя у нее отсутствуют проблемы, которые, тем не менее, выявились в сновидении.

Итак, ей снится, что она едет то ли на велосипеде, то ли на мотоцикле, но, как оказалось, на мотороллере, причем на втором месте, но при этом ведет машину. Машину несет на кучу лежащих у дороги (рядом с ее домом) арбузов. Она представляет, как сейчас врежется в эти арбузы, как они лопнут с треском, как из них брызнет сок, как поднимут скандал продавцы арбузов, и ей с трудом удастся остановить мотороллер. У нее ощущение, что она едет давно, что по дороге было много таких арбузных куч, что она уже и здесь проезжала, что она колесит по кругу. (Но в сновидении она этого не видела, по крайней мере, после пробуждения не помнила). Остановив мотороллер,

она с него встает, опираясь на правую ногу (она правофильная). На ногах у нее тапочки без задников с закрытыми носами, темно-зеленого (болотного) цвета, старые, затертые с тигровым, почти стершимся рисунком. Когда она, вставая с мотороллера и опираясь на правую ногу, поднимает левую, то с левой ноги падает тапок, который, как оказалось, мал. Она его и не пытается надеть, тем более, что из кучи арбузов носками вверх торчат такие же, но более добротные, тапки. Здесь есть и более новые, и более старые, и парные, и распарованные – без всякой системы. Рядом с арбузами, справа от сновидицы стоит мужчина, лицо которого она четко увидела и запомнила, он в азиатском белом шелковом халате и в белой чалме. А впереди от нее – еще то ли два, то ли три мужчины (число их меняется), они расплывчаты, ускользают от внимания, на них то ли летние рубашки, то ли майки (образы неустойчивы). Сновидица знает, что все тапки, торчащие из арбузов, – ее собственные, и она может их брать по своему усмотрению. Но когда она пытается это сделать, «азиат» затевает скандал и пытается ей помешать, тогда как остальные мужчины за нее заступаются. Она спорит с ним, доказывая свое право распоряжаться этой обувью. По мере спора его одежда меняется: на нем уже темная затертая дубленка и такая же шапка. При поддержке остальных (толи двух, то ли трех) мужчин сновидица берет левый тапок, который она выбрала, – достаточно добротный и почти новый, но когда она его надевает, то обнаруживает, что он ей велик и понимает, что не оставит его себе. На этом месте сновидение (или память о нем) прерывается.

Расшифровывать это сновидение можно с самого начала, с мотороллера, можно с середины – с символики арбузов, можно с события, произошедшего накануне, – столкновения на работе с человеком, лицо которого она отчетливо увидела и с которым спорила. Дело в том, что мы вспоминаем и излагаем сновидение последовательно, а видим часто параллельно события и образы. И сновидица сразу видела и арбузы с тапками, и «пасущих» их мужчин, и в это же время ощущала себя несущейся на мотороллере прямо на арбузную кучу (которая, кстати, действительно с середины августа по октябрь каждый год лежит перед ее домом, а это сновидение она видела в конце сентября). Но начнем расшифровку сновидения с логически начального эпизода.

Итак, *поездка верхом* (велосипед, мотоцикл, мотороллер), да еще *по кругу*: с одной стороны, это может символизировать сексуальность, с другой – однообразность и бессмысленность обыденной жизни («белка в колесе»).

Мотороллер. В значительной степени – это отражение прежних событий: первый муж (он умер около 20 лет назад) возил ее на мотороллере. Этот брак был счастливым – супруги очень любили друг друга. И до сих пор его место не занято – она по-прежнему сидит сзади, на втором месте. В семье муж был лидером, он ее «вел по жизни» и управлял жизнью (и мотороллером). Теперь, когда его нет, она вынуждена сама управлять, как может, но это трудно (ей трудно со второго места управлять мотороллером, и ее несет на арбузы).

Арбузы: по символике – это беременность. Но в ее возрасте это ей не грозит, да и не нужно – есть дети и внуки. На предложение дать ассоциацию к слову «беременность» она отвечает упавшим голосом: «обремененность». У нее действительно много забот и на работе, и дома. На вопрос, почему она так не любит арбузы, что бессознательно хочет в них врезаться и предвкушает их уничтожение, она возражает, говоря, что она ведь очень старалась остановить мотороллер, и это ей удалось, хотя она действительно к арбузам равнодушна и даже более того – они вызывают у нее чувство отталкивания, т.к. с ними сопряжено ощущение приторности, липкости и холода. Таким образом, на сознательном уровне она удержалась от повреждения нелюбимых арбузов (опасаясь, кстати, наказания), а на бессознательном, эмоционально она пережила их разрушение. Далее, на вопрос, с кем из людей могут ассоциироваться арбузы, она ответила, что с мужем, т.к. ему они рекомендованы по состоянию здоровья, поэтому осенью покупается много арбузов, которые лежат на полу в комнате, о которые все время спотыкаешься, словом они ей мешают. Эмоциональное отношение к мужу – он раздражает, он сентиментальный, нудный, вязкий – «арбузы приторные, липкие». Отношения с мужем довольно отстраненные – «арбузы холодные». Муж все время болеет, она озабочена его лечением, поисками лекарств – она все-таки удержала мотороллер, чтобы арбузы уцелели. Но оказалось, что это еще не все. И законная символика, связанная с беременностью, постепенно выявилась в ассоциациях по типу «спицы колеса». Появилась ассоциативно еще одна фигура – женщина, забеременевшая и недавно родившая ребенка от мужчины, с которым сновидицу в прошлом, не так давно, связывали близкие отношения. И хотя на сознательном уровне она относилась к этому эпизоду совершенно спокойно и разумно, на бессознательном, естественно, хотела бы прервать эту беременность – «разбить эти арбузы».

Обувь: это символика замужества. (В «Золушке» на фоне ненастоящих кареты, кучера, платья и т.д. только хрустальные башмачки были настоящими и обеспечили Золушке королевскую свадьбу). У сновидицы на ногах старые, заношенные тапки – знак того, что ее давний второй брак с больным нудным мужем фактически не сулит ничего радостного. Правый (правильный) тапок (сновидица – правша) символизирует ее отношение к мужу. Несмотря ни на что, она с ним остается (считая его очень интеллектуальным и порядочным человеком) – тапок ей впору. Потеряв левый тапок, она не ищет новую пару (нового мужа), а лишь пытается скомпенсировать утрату с левой ноги. Левый тапок («слева» – неправильно), упавший с ноги («он свалился сам, и оказалось, что он мал») – это ее «левое» увлечение тем самым мужчиной, от которого родила другая женщина. Сновидица еще до этого события пересмотрела к нему свое отношение, убедившись в том, что он уступает в ряде вопросов и ей, и ее мужу (тапок мал). Тапки, торчащие из арбузов, которые она считает своими, – это ее бессистемные увлечения в течение жизни. А тот добротный и слишком большой для нее тапок – это ее совсем недавняя «бурная» эмоциональная

встреча со старым другом, которого она оценивает существенно выше себя, но понимает, что по ряду причин эти отношения бесперспективны («слишком большой кусок – не проглотить»).

Мужчины у арбузов. «Азиат» – это сотрудник, с которым накануне из-за ерунды был крупный конфликт. Виновата была она сама – «он в белой одежде» – он прав. Но в ходе конфликта она вынудила его вести себя непрезентабельно – он оказался в темной заношенной дубленке. Другие мужчины («их было двое-трое») – это инверсия: накануне в конфликте были замешаны две-три женщины (одна то подходила, то уходила), которых сновидица защищала от нападков мужчины. В сновидении возникла почти полная инверсия: права была она – тапки ведь ее собственные, напал он и защищали ее два-три мужчины.

Можно рассмотреть еще одно интересное «логическое» сновидение 15-летней девочки-подростка, у которой за 2 месяца до сновидения от инфаркта миокарда умер отец. Ей снится, что отец вернулся и объяснил ей, что время в «стране мертвых» течет навстречу нашему времени, и периодически появляется возможность переходить из одного потока времени в другой, появляются как бы связывающие эти потоки каналы, которые существуют недолго и вскоре закрываются. Отец объяснил, что должен успеть вернуться назад, т.к., если канал закроется, он опять будет мучительно умирать. (Девочка к этому времени только что прочла книгу Стругацких «Понедельник начинается в субботу». Ее заинтересовали обсуждающиеся идеи «контрамотства», и эти, потоки времени, идущие навстречу друг другу, как раз и являются отражением этой идеи: контрамот-попугай и контрамот-Янус Полуэктович. Возвращение же отца в ее сновидении – это типичное галлюцинаторное исполнение желания).

Далее, в сновидении на вопрос дочери, что там и как там, отец отвечает, что там похожая жизнь, и у него там семья, но это совсем другое, он по-прежнему любит ее и маму, а то, что там, это объяснению не поддается, и это не имеет никакого отношения к земной жизни. (При жизни отца девочка часто просила маму разойтись с ним, т.к. он был очень строгим и, как девочка считала, придирчивым. После смерти отца у ребенка остался в связи с этими обстоятельствами комплекс вины, и поэтому для нейтрализации этого комплекса, или для его компенсации, ей снится, что у отца появилась новая семья, Но поскольку она этого не хочет и болезненно воспринимает такое его сообщение, появляется в ее представлении рационализация – объяснение, «это совсем другое»).

Далее – он ждет жену, а ее все нет. Дочь говорит, что мама ведь ничего не знает о его возвращении, и может прийти поздно. Поэтому дочь ведет с отцом беседу и варит ему кофе. (Этого никогда не было при его жизни: почти всегда кофе варила мама и иногда отец. Когда родители беседовали, девочка почти никогда не включалась в разговор, потому что отец обычно пресекал это. Теперь она компенсирует свой нереализованный комплекс Электры, замещая маму).

Интересна также серия сновидений молодой женщины, у которой умер 4-х-дневный младенец.

I сновидение из этой серии возникло в ночь на четвертый день жизни ребенка. Ей снилось, что она льет воду в сосуд, в котором находится цветок, но сосуд остается пустым и сухим, хотя дно и стенки сосуда не имеют повреждений. Она вынимает цветок и видит, что корень и стебель сгнили, она проводит вдоль стебля рукой, и в руке остаются ткани стебля и корня, а сам цветок – тоже поникший и нежизнеспособный.

Конечно, мать знала, что ребенок очень слаб, его не приносили ей кормить, ее предупреждали, что он имеет врожденную патологию (*гнилой корень и стебель*).

Вода – стихия, в которой возникает жизнь, вода не удерживается в сосуде с цветком, хотя сосуд цел (ее матка в норме).

Цветок – ребенок («дети – цветы жизни»).

Через месяц после смерти ребенка эта женщина обратилась с просьбой о реабилитации. По мере улучшения ее эмоционального состояния появились следующие два сновидения.

II сновидение: она сидит у меня в кабинете, но поменявшись со мной местами. Перед ней какой-то большой резервуар с водой (то ли бассейн, то ли громадная ванна, а быть может, гигантский аквариум, т.к. периодически она видит стеклянные стенки). В этом бассейне – очень большие рыбы, которые стоят на хвостах. Эти рыбы смотрят на нее круглыми глазами, расположенными, как у человека, и периодически открытыми глазами протирают стеклянные стенки, делая их прозрачными. Эмоционально она испытывает комфорт. К этому времени удалось ее значительно скомпенсировать, используя приемы гештальт-подхода и психотренинга. Удалось в значительной степени передоминировать ее установку и внимание с гибели младенца на заботы о ее шестилетнем сыне и муже, а также убедить в возможности дальнейшей полноценной жизни.

В сновидении она *сидит на моем месте*, т.е. теперь она руководит ситуацией психотерапии.

Рыбы (по Фрейду – фаллический символ, тем более что они стоят на хвостах; по Юнгу – начало жизни) в данной ситуации символизируют возможность зарождения новой жизни, нового ребенка.

Вода – стихия возникновения жизни, воды много, резервуар большой, рыбы вполне жизнеспособны.

Открытые, по-человечески расположенные глаза рыб, на которые она обратила особое внимание – это ее глаза, открытые в мир (из внушения в психотренинге).

III сновидение: она в парке с шестилетним сыном. У сына под мышкой белая скатерть или простыня, которую он расстилает на траве, сам при этом садится на самый краешек. Впереди – широкая река, они оба смотрят в сторону воды. Ребенок встает, складывает подстилку, берет ее под мышку, другой рукой берет за руку маму и ведет ее к реке. Эмоционально – она ощущает покой и радость.

Это сновидение возникло, когда она уже включилась в заботу о сыне. Мальчик оказался очень тонко чувствующим и соперничающим матери: он, пытаясь ее успокоить, говорил, что если она не сможет еще родить, то можно взять деток из детдома.

Белая простыня (скатерть), по ее ассоциации – жизненный простор. Знаменательно, что этот простор в ее сновидении ей дает сын, а себе оставляет место лишь на краешке ее жизни (т.е. это она ему отводит такое маленькое место). Все это происходит в связи с тем, что она, уйдя в переживания по поводу умершего младенца, совсем забыла о живом ребенке, который так нуждался в ее заботе и тепле. И теперь, осознав это, она видит сон, напоминающий ей о ее вине перед живым сыном.

И, наконец, **сын ведет маму к воде** – к жизни, к рождению нового ребенка, лишь бы ей было хорошо, лишь бы она не страдала (его слова: «мама, ты еще родишь сыночка или дочечку, а если не сможешь, то можно взять деток из детдома»).

Это сновидение оказалось завершающим ее реабилитацию. После его осмысления она полностью включилась в заботу о своих близких – о сыне и муже, не отказываясь от планов в будущем увеличить семью. Можно приводить и анализировать много длинных и коротких сновидений, с одной или несколькими сюжетными линиями, развивающихся логически и хаотически.

Но почти везде мы увидим, что сновидения раскрывают лишь само событие, а не его разрешение. Работа же со сновидениями усиливает это событие, выявляя подавленные чувства и, помогая сновидцу сделать сознательный выбор линии поведения в конкретной ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Джонсон Р. (Johnson R., 1986). Сновидения и фантазии. – М.: «Ваклер», 1996. – 288 с.
2. Перлз Ф. (Perls F., 1973). Гештальт-подход и Свидетель терапии. – М.: 1996. – 235 с.
3. Томэ Х., Кэхеле Х. (Томэ Н., Kachele H., 1985, 1988). Современный психоанализ. – М.: «Прогресс» «Литера», «Яхтсмен», 1996. – 576 с. (т. I), 776 с. (т. II).
4. Фрейд З. (Freud S., 1904). О сновидениях / Избранное, М.: ВТИ, 1990, с.89-124.
5. Юнг К.Г. (Jung K.G., 1961). Подход к бессознательному / Человек и его символы, СПб.: 1996, с.15-17.

Валеология, 2000, №4, с. 47-50

Цели психоаналитической терапии

В.М.Лейбин

Вынесенный в название заголовок может вызвать справедливое вопрошание по поводу того, почему говорится о целях, а не о цели психоаналитической терапии.

Казалось бы, любая терапия, включая и психоаналитическую, по определению имеет одну конечную цель - выздоровление человека, обратившегося за помощью к соответствующему специалисту. И хотя результаты лечения могут быть разными, тем не менее конечная терапевтическая цель остается неизменной.

В подобном понимании конечной цели психотерапии есть резон, так как с точки зрения здравого смысла любая терапия предполагает ориентацию на то, чтобы больной человек стал здоровым. Возможно поэтому в психоаналитической литературе основное внимание акцентируется на переосмыслении концептуальных и инструментальных аспектов психоанализа, в то время как цель аналитической терапии не подвергается сомнению и воспринимается как нечто само собой разумеющееся.

Вместе с тем, развитие теории и практики психоанализа с неизбежностью приводит к пониманию того, что постулируемая таким образом цель психоаналитической терапии является скорее нравственным императивом, чем конкретной составляющей аналитического процесса. И дело не только в том, что патология и норма, болезнь и здоровье - относительные понятия, зависящие от индивидуально-личностного и социокультурного видения взаимоотношений между человеком и обществом и, следовательно, цель терапии не представляется столь однозначной, как это может показаться на первый взгляд. Важно также иметь в виду, что в реальной практической деятельности психоаналитическая терапия является многоцелевой. Не случайно первоначально намеченная З.Фрейдом цель аналитической терапии корректировались и изменялись по мере более чем столетнего периода развития психоанализа.

На начальном этапе становления психоанализа целью терапии было освобождение пациента от его заземленных аффектов путем прорыва через инфантильную амнезию к патогенным травмам раннего детства, воспроизведения их в памяти и соответствующего отреагирования. Словом, цель аналитической терапии состояла в освобождении пациента от страданий, возникших вследствие его незнания причинной связи между болезнью и инфантильными переживаниями.

Однако вскоре для З.Фрейда стало очевидным, что патологическим является не это незнание само по себе, а его причины, кроющиеся во внутренних сопротивлениях пациента и поддерживающие данное незнание. На основе подобного понимания целью аналитической терапии становится преодоление сопротивлений пациента. Если быть более точным, то цель

терапии такова: в описательном смысле - восполнение изъянов воспоминаний пациента путем установления утраченных связей между прошлым и настоящим; в динамическом отношении - преодоление в сопротивлении вытеснения.

В соответствии с этой целью в теории психоанализа рассматриваются разнообразные виды сопротивлений, а в практике психоанализа разрабатываются соответствующие техники, способствующие преодолению различных по формам и интенсивности проявлений сопротивления, включая сопротивление против раскрытия сопротивлений. В рамках постулируемой цели перенос, как важная составная часть психоаналитической терапии, выступает в качестве сопротивления и поэтому разрабатываемые техники лечения касаются и сопротивлений, и невроза переноса.

С введением в психоанализ структурных представлений о психическом аппарате, что нашло свое отражение в работе З.Фрейда “Я и Оно”(1923), целью психоаналитической терапии стало оказание помощи пациенту в устранении дефектов Я, связанных с его защитными механизмами и адаптационными функциями. Психоаналитическая максима “где было Оно, должно стать Я” включает в себя методологическую установку на осознание не только вытесненного бессознательного, но и бессознательных чувств вины, не являющихся результатом вытеснения, но оказывающих на человека не менее, а нередко и более патогенное воздействие.

Акцент многих психоаналитиков на объектных отношениях и механизмах защиты Я способствовал созданию разнообразных психоаналитических техник, предназначенных для выявления раннеинфантильных (не только эдипальных, но и доэдипальных) патогенных состояний, преодоления сопротивлений пациентов и разрешения невроза переноса. Одновременно происходило такое изменение цели терапии, в результате которого практика психоанализа стала все в большей степени ориентироваться на структурные изменения в психике пациента, предполагающие его нормальную, с точки зрения существующих экономических, политических и социокультурных условий, адаптацию к жизни. Эта тенденция нашла свое отражение как в “психологии Я”, представленной работами А.Фрейд, Х.Гартмана и другими аналитиками, так и в “психологии Самости”, разработанной Х.Кохутом и его последователями.

Похоже, что на современном этапе развития психоанализа психоаналитическая терапия довольствуется именно этой целью. Впрочем, большего от нее и не требуется, особенно по отношению к тем пациентам, у которых внутриличностные конфликты являются результатом пониженной или нарушенной адаптационной способности Я.

Но аналитику приходится иметь дело и с такими пациентами, внутриличностные переживания которых обусловлены индивидуальными особенностями, не вписывающимися в рамки схематической нормальности, разделяемой обществом, официальными медицинскими учреждениями и теми специалистами, включая аналитиков, к которым они обращаются в надежде на облегчение их страданий. Очевидно, что при работе с подобными

пациентами ориентация аналитика на структурные изменения Я с целью нормального функционирования в жизни в лучшем случае может привести к разочарованию их в психоанализе, поскольку адаптация к социокультурному миру не является для них столь проблематичной, как это может показаться на первый взгляд, а в худшем случае - к нивелировке их индивидуальных особенностей до схематической нормальности, в результате чего они окажутся здоровыми, с точки зрения общества, но несостоявшимися людьми, в плане возможной реализации присущих им уникальных задатков, способностей и дарований.

Психоаналитику приходится иметь дело иногда и с такими пациентами, заболевание которых оказывается не только лучшим, но порой единственным способом существования в условиях жизни, порождающих и постоянно воспроизводящих невыносимые конфликтные ситуации. В этом случае нацеленность аналитической терапии на обретение человеком адаптационных способностей в существующих условиях жизни может привести к тому, что его исцеление окажется неоправданной жертвой, более тяжелой и невыносимой, чем прежнее заболевание.

Таким образом, следует, на мой взгляд, говорить не о единственной, пригодной на все случаи жизни цели аналитической терапии, а о ее целях, которые меняются в зависимости от индивидуально-личностных особенностей пациентов и их конкретно исторических условий жизни. Строго говоря, речь идет не о целях аналитической терапии, а о целях аналитика, предопределяющих направление его терапевтической деятельности не вообще, а при работе с теми или иными пациентами, каждый из которых является уникальной личностью.

Это означает, что аналитик не должен быть фанатиком цели достижения нормальности и здоровья, представления о которых он почерпнул из контекста навязанных ему извне стереотипов мышления и поведения, а также опыта собственной жизни и учебного анализа. Напротив, ему следует с настороженностью отнестись к возможности оказаться в плену социокультурных и профессиональных установок, следование которым способствует не только оказанию эффективной помощи тем, кто спасается от скверны жизни “бегством в болезнь”, но и возникновению распространенного нынче заболевания, сопровождающегося “бегством в здоровье”. Во всяком случае, чтобы не стать жертвой своего нарциссического Я, развивающегося по мере упования на собственные терапевтические достижения и успехи, аналитику стоит задуматься над тем, а не оказывается ли осуществляемая им психоаналитическая терапия таковой, что исцеление пациента в действительности оборачивается для него, как впрочем и для самого аналитика, постаналитической паранойей.

Не претендуя на полноту охвата всех целей, которые могут быть положены в основу терапевтической деятельности аналитика, сформулирую только некоторые из них, представляющиеся мне наиболее значимыми.

Во-первых, целью психоаналитической терапии является не столько излечение, которое подчас осуществляется само по себе, или, напротив,

оказывается проблематичным и недостижимым, сколько облегчение страданий пациентов. Как однажды заметил З.Фрейд, повторив изречение одного мудрого врача: “Я облегчаю, Бог излечивает”.

Во-вторых, цель психоаналитической терапии заключается не столько в освобождении пациента от отдельного невротического симптома, аномалий характера или болезни в целом, сколько в изменении его взглядов на окружающий мир, других людей, самого себя и свое заболевание. Причем целью терапии является не структурная модификация психики пациента, сознательно или бессознательно навязанная аналитиком в процессе лечения, а предоставление ему возможности внутреннего выбора жизненных ориентиров, способных изменить его образ мышления и поведения.

В-третьих, цель психоаналитической терапии состоит не в излечении любой ценой, в том числе ценой устранения душевных переживаний, возникающих у человека в связи с его внутриспсихическими конфликтами, а в пробуждении его конструктивного потенциала, ориентированного на развитие Самости, способности к сопереживанию и состраданию, потребности в сопричастности с жизнью.

В-четвертых, цель психоаналитической терапии - не столько разрешение внутриспсихических конфликтов, сколько создание психологических предпосылок для становления человека зрелым, самостоятельным, способным творчески решать возникающие перед ним проблемы и нести ответственность за свои решения.

*Доклад, подготовленный ко 2-му Международному
Психоаналитическому Конгрессу “10 лет психоанализа в России:
российский опыт”(3-6 мая 2001, Санкт-Петербург) и опубликованный в
журнале “Вестник психоанализа”, №2, 2001, с.87-90.*

Психоанализ и психоаналитическая терапия

С. Е.Соколов

Я предлагаю обсудить вопрос, который постоянно в той или иной форме возникает в ходе как профессиональных, так и студенческих обсуждений, отголоски этой дискуссии звучат и в раздающихся все чаще и чаще утверждениях о том, что под «брендом психоанализа скрывается множество терапевтических подходов», и в высказываниях некоторых авторитетных специалистов о том, что психоанализ, как таковой, скорее ближе к теологии, чем к науке.

Эта тема представляется мне чрезвычайно актуальной. Она касается как основополагающих концептуальных моментов, связанных с перспективой развития психоаналитической парадигмы в целом, так и ситуации ежедневного выбора терапевтического подхода применительно к запросам каждого конкретного пациента, о чем я уже писал в статье, посвященной одиночеству . (9)

Давайте попробуем разобраться и отделить теологию от диалектики, попробуем порассуждать о том, в какой именно момент заканчивается психоанализ и начинается психоаналитическая терапия, о том какими реперными точками можно разграничить эти два понятия. И, что может быть еще важнее, определим, где же проходит граница свободы аналитика в выборе того или иного пути взаимодействия с пациентом. Работы, специально посвященные исследованию этого вопроса, обращаются к базовым принципам психоанализа, строгое соблюдение которых, должно обеспечивать «устойчивую конфигурацию, способствующую проявлению ранее неосознаваемых ...чувств, мыслей...и интеграции их в зрелую личность» (5; с.155).

Таким образом, в качестве основных критериев, позволяющих отделить психоанализ от психоаналитической терапии, предлагаются параметры, касающиеся, в основном, жестко установленных границ в технике терапевтического процесса. Такой подход значительно сужает взгляд на проблему, так как из вида упускается важнейший момент содержания терапевтического процесса, которое образуется благодаря живому, творческому взаимодействию его непосредственных участников – пациента и терапевта, их влиянию друг на друга и на ход терапии в целом. Давайте обратимся к истории и попытаемся отметить некоторые принципиальные моменты, повлиявшие на развитие психоаналитической теории и ее отдельных положений, особенно касающихся клинического аспекта. Станем независимыми «наблюдателями и анализаторами» ее законов, опираясь на принцип кибернетики, утверждающий, что «для того, чтобы познать систему необходимо, как минимум, выйти за ее рамки». В 1890х годах Фрейд пришел к заключению, что рассказы о сексуальных совращениях в детстве являются, как правило, фантазиями, а не реально

происходившими событиями. Этот вывод подтолкнул Фрейда к смене приоритетов, которые находились в поле его внимания: от доминирования «внешних» факторов к доминирующему влиянию «внутренних». Именно в этом магистральном направлении происходило дальнейшее развитие теории психоанализа.

Однако тот факт, что Фрейд никогда полностью не исключал влияния внешних факторов (13), спровоцировал в дальнейшем появление и существование в рамках психоаналитической парадигмы различных подходов, и все они продолжали и развивали идеи Фрейда. Тем не менее, предпочтение Фрейда «внутреннего» «внешнему» очевидно. В своих работах он подчеркивал приоритет влечения, а не объекта; внутриспсихического содержания, а не межличностного; фантазии, а не восприятия (ощущения); психической, а не материальной реальности; внутреннего, а не внешнего мира; асоциального, а не социального и т. д.

Определив свое отношение к значению «внутреннего» содержания, Фрейд акцентирует внимание на технической стороне процесса, происходящего в кабинете. Первоначально, основатель психоанализа просто использует медицинскую однонаправленную модель, в которой значение имеет только личность пациента (катарсический метод). В дальнейшем, обосновывая и развивая идею переноса, Фрейд хотя и «вводит» в терапевтическое пространство аналитика, формулирует тезис о том, что он должен представлять собой пустой экран или зеркало, отражающее только то, что исходит от пациента. Таким образом, двунаправленная модель терапевтических отношений Фрейда декларирует, что в терапевтическом процессе участвуют два человека.

В этом контексте мне кажется важным привести высказывание М. Гилла о том, что: «...Под переносом в течение долгого времени понимали не отношения между аналитиком и пациентом, а скорее искажение пациентом ситуации между аналитиком и пациентом. Я говорю «искажение ситуации», а не «искажение отношений», потому что разговор об отношениях подразумевает двух человек, занятых друг другом, в то время как согласно взгляду, поддерживавшемуся в течение долгого времени, перенос – это не отношение между двумя людьми, но скорее рассказанное видение аналитика анализируемым.... Ведь именно аналитик определяет, что такое перенос, и несомненно основной принцип психоанализа заключается в том, что мы никогда не можем быть безошибочно уверены в нашей собственной мотивации. Следовательно, аналитик объявляя свое построение, принимает участие в создании этого построения...» (13; p.35-37).

Развивая эту мысль, добавлю, что аналитик вносит свой вклад не только интеллектуально, но и эмоционально – он, как показывает опыт, либо вовлекается в ситуацию, либо защищается от этого, что также является свидетельством «вовлечения».

Постепенное утверждение двунаправленного подхода к аналитическому процессу потребовало теоретического обоснования некоторых терапевтических принципов психоаналитической техники. Я здесь

отмечу лишь некоторые, наиболее яркие, на мой взгляд, вехи на этом пути. Раккер подробно разрабатывает концепцию контрпереноса, позиционируя аналитика не как «чистый экран», а непосредственного участника отношений, разыгрываемых в кабинете (14); Айслер вводит понятие «параметров», дающее аналитику «легитимную» возможность отходить от классической техники в терапевтических целях (1); Балинт пересматривает вопросы техники, стратегии и цели терапии с точки зрения объектных отношений (2); Александер вводит понятие «коррективного эмоционального переживания», как основного фактора, приводящего пациента к позитивным изменениям; Стрейчи видит главным аспектом исцеления пациента его изменения в Супер-Эго (10); поистине революционными являются работы Левальда, который вводит понятие «нового объекта», подчеркивая роль аналитика, роль нового опыта, который получает пациент в процессе психоаналитической терапии (6); Кохут в своих работах создает теоретическую модель наиболее приближенную к терапевтическому процессу (11; с.493), в которой на первый план выдвигается эмпатическое взаимодействие аналитика и пациента, принцип оптимальной фрустрации и трансмутирующая интернализация (3; 4); исследование Д. Штерном младенцев и работы Кохута легли в основу развития интерперсонального подхода в психоаналитической терапии (9) и теоретического обоснования мотивационных систем в рамках аналитической парадигмы (7).

Список можно было бы продолжать, но даже этой выборки достаточно, чтобы показать динамику развития клинического психоанализа в рамках международной психоаналитической ассоциации во второй половине прошлого столетия. Каждая из этих блестящих работ является шагом к утверждению терапевтической модели двунаправленного характера, а не медицинской модели, формулируемой как целитель=наблюдатель – больной=пациент. Данный процесс позволил психоаналитикам включить в орбиту их внимания не только эдипальные, невротические расстройства личности, но и пограничные, нарциссические и психотические. Во многом изменились цели проводимой терапии, в большей степени отвечая запросам современного общества, реагируя на характер распространенных психических расстройств.

Показательно, как каждый из перечисленных аналитиков выдвигал на первый план исследования те или иные аспекты терапевтического процесса, которые, как ему казалось, требуют модификации. Каждый из них, вставая на «голову титану», добавлял к психоанализу Фрейда «кусочек» себя, необходимый ему для успешного построения терапии. Так из психоанализа рождалась психоаналитическая терапия.

В словаре, трактуя понятие «психоаналитической терапии» описывается процесс, отличный от психоанализа меньшей частотой встреч, меньшей интенсивностью воздействия, применением техник, отличных от тех, что применяются в психоанализе, более точечным воздействием на патологический сектор психики и т.д. (8). Определение дается, как и в большинстве статей, посвященных этому вопросу, с позиции исследователя,

находящегося в границах замкнутой системы психоаналитических знаний и фиксирующего отклонения от этих границ. За пределами внимания, как правило, остается самое важное – причины, которые привели того или иного аналитика к расширению терапевтических границ, выхода за рамки установленного поля.

История развития психоаналитического движения показывает, что персональный анализ не способен всех сделать одинаковыми и опыт прошедшего столетия это только подтверждает. Каждый аналитик, насколько бы ни была «прозрачна» его психика, со временем приобретает свой почерк работы, используя наработанный опыт коллег либо привнося в терапевтический процесс что-то свое, новое.

На этом моменте я бы хотел остановиться подробнее. Если аналитик прошел персональный анализ и органично «впитал» теорию психоанализа, то он может работать в рамках данной парадигмы, не пренебрегая особенностями своей личности, используя ее потенциал в терапевтических целях. В этом случае аналитик не искусственно идентифицируется с Фрейдом или другим авторитетом из плеяды психоаналитиков, а базируясь на опыте, накопленном за 100 лет, использует свой собственный потенциал для построения терапевтического процесса.

Но, принимая во внимание двунаправленность терапии, мы имеем дело уже не с психоанализом Фрейда, а с выросшей на его основе психоаналитической терапией Балинта, Кохута, Левальда и других. Личные качества и способности этих аналитиков будут определять, станет ли это направление, условно назовем его неофрейдизм, использоваться только ими, или они смогут его передать ученикам. Именно разнообразие терапевтических подходов под «брендом психоанализа» позволяет вывести на первый план задачу исцеления, избежать механистического подхода, выбирать терапевтический стиль, который максимально конгруэнтен структуре психики аналитика.

Исходя из предложенной в 1962 г Вельдером классификации уровней психоаналитической теории: наблюдение в аналитической ситуации; клиническая интерпретация; клиническое обобщение; клиническая теория; метапсихология; философия Фрейда (12; с.18), мои предыдущие рассуждения относятся к первым двум уровням – клиническому аспекту психоаналитической теории.

В энциклопедической статье 1922 года Фрейд определил психоанализ как способ исследования психических процессов и метод лечения невротических расстройств, основанный на этом исследовании (11; с.494.). Таким образом, Фрейдом был заложен принцип нерасторжимой связи лечения и исследования. Однако, Томэ и Кэхэлэ, анализируя данное высказывание, выделяют техническое знание, которое говорит нам о том, как надо действовать, и теоретическое знание, объясняющее причинно-следственные связи. Причем, теоретическое знание не возникает в терапевтическом кабинете, а является плодом последующих осмыслений и обобщений, иногда достаточно спекулятивных (11; с.497-499).

Именно здесь, на мой взгляд «зарыто» зерно противоречий. Во многом те ограничения, которые приняты в клинической практике обусловлены верхними уровнями абстракции по типологии Вельдера. Происходит контоменация различных понятий относящихся к разным степеням обобщения. «Ведьма метапсихология» во многом умозрительна и, по словам Фрейда, далеко не всегда опирается на клинический опыт, но всегда подтверждена философией Фрейда, его личным самоанализом. Здесь мы сталкиваемся с проблемой, часто наблюдаемой на супервизиях. Сознательно или нет, аналитик в ходе проводимой терапии ставит в качестве приоритетной достижение одной из целей, среди которых условно можно выделить следующие: исследовательская (которая всегда стояла перед Фрейдом); верификация имеющихся знаний о природе психических процессов и их нарушений; и, наконец, терапевтическая.

Конечно, в идеале должны присутствовать все эти цели. Но в кабинете при проведении психоаналитической терапии задача помощи, исцеления должна всегда превалировать. Остальные, хотя и опираются на клинический материал, подчинены законам более высокого уровня абстракции и должны реализовываться за пределами терапевтических отношений – в «книжной пыли» исследовательского кабинета. Возможность выбора аналитиком терапевтического подхода, наиболее соответствующего его структуре личности и базирующегося на накопленном багаже психоаналитических знаний, позволяет возникнуть в кабинете отношениям двух живых людей, целью взаимодействия которых будет являться разрешение проблем пациента. В этом случае не будут возникать сложности и с расстановкой границ в кабинете. Этот процесс будет иметь не механистический характер, а устанавливаться в результате эмпатического взаимодействия терапевта и клиента (конечно, в данном случае я имею в виду границы терапевтических отношений, а не этические, которые должны жестко соблюдаться независимо ни от чего).

Однако, сказанное не позволяет согласиться с высказываниями Томэ и Кэхэлэ, следующими в продолжение мощной критики метапсихологии в 60-70 годы прошедшего столетия, о том, что метапсихология Фрейда ушла в небытие (11; с.495). Метапсихология и философия Фрейда являются системой координат по отношению к теоретическому осмыслению клинического процесса, реперными точками, направлением исследовательских целей и построения принципов клинического взаимодействия. Но я хочу подчеркнуть – именно ориентиром, а не догмой, одной из составляющих взаимодействия. Второй составляющей является личность аналитика, строящего терапевтический процесс, потенциал его психики.

Давайте рассмотрим два других варианта.

Исследовательская мотивация бесспорно присутствует в любом виде терапии, являясь дедуктивным процессом осмысления того, что происходит в ее ходе. Однако, анализируя клинические случаи Фрейда, мы сталкиваемся с тем, что их невозможно разобрать с точки зрения супервизирования,

привычного для нас в психоаналитической терапии. Для Фрейда наиболее ценными были неудачные случаи, именно они давали возможность развернуться его гению, вложить в их анализ всю свою душу, «творить» теорию психоанализа, устанавливать основные принципы того поля, на котором потом выросла психоаналитическая терапия и психоаналитическая теория в целом.

Если аналитик в качестве приоритетной ставит перед собой задачу верификации психоаналитических идей, пациент попадает в ситуацию, когда его пытаются поместить в определенную трафаретную рамку. Все, что не совпадает с ее границами, интерпретируется либо как сопротивление, либо, что того хуже, с позиции одного из высших уровней обобщения выделенных Вельдером. Вместо эмпатии такому аналитику обычно становится необходима завуалированная или явная суггестия. В этом случае мы будем наблюдать отношения, которые условно можно охарактеризовать так – терапевт отдельно, пациент отдельно, учебник отдельно.

Другим вариантом развития этой ситуации может быть такой, когда аналитик действительно пытается идентифицироваться с Фрейдом, воспринять его мировоззрение, ощущение себя, переживание других. Для него это становится второй самоидентификацией, которую он сполна реализует в аналитическом кабинете. Это будет в корне отличаться от психоаналитической терапии, которую я описал выше. Именно при формировании этой второй самоидентификации мы можем говорить о психоанализе как о теологическом явлении. Тогда действительно привнесение в процесс терапии неаналитического научного потенциала или новых клинических наблюдений, не вписывающихся в систему становится неактуальным и ненужным. Актуальным остается только вопрос о филиации, о степени родства по отношению к Богу отцу.

Здесь уместно процитировать фрагмент доклада Медведева из нашего совместного выступления на семинаре в Сухореже: «...Ведь перед нами работа Творца, создателя того мира психоанализа, в котором мы живем и работаем, вне которого себя просто не мыслим, т.е. результат творчества нашего с вами психоаналитического Бога.... Залог собственного бессмертия видел он только в перспективах психоанализа, в который вложил всю свою душу и который сотворил по своему образу и подобию... Нужно либо принять эту миссию, возложенную на нас волею Творца, либо – смиренно выйти за пределы сотворенной им вселенной психоанализа, создав собственный мир или войдя в зону притяжения иного светила...».

Этот отрывок очень ярко отражает тенденцию классического психоанализа как теологического явления. Можно еще вспомнить призыв Лакана «назад к Фрейду». Однако назад вернуться еще ни у кого не получалось. Классический психоанализ, как философская система, необходим, он является фундаментом, на котором развивается психоаналитическая терапия, является опорой, без которой все здание, построенное за 100 лет, просто рухнет. Философия Фрейда и созданная им метапсихология очерчивает поле, на котором развивается

психоаналитическая терапия, обозначая границы, за которыми начинается что-то другое. Но он не должен являться Библией, формулирующей раз и навсегда заветы, которым мы должны беспрекословно следовать.

У меня напрашивается аналогия с работами Маркса. Я думаю, в мире нет ни одного политолога, не оценившего вклад Маркса в эту науку, нет ни одного развитого государства, в построении которого в 20 веке не учитывались бы его идеи. Но мы с вами знаем, что сделал гений Маркса, воплощенный дословно на просторах нашей Родины. Кстати, вопрос о филиации в советском пространстве был более чем актуален всегда.

Резюме

Соображения, изложенные выше, имеют, по моему мнению, большое значение для судьбы развития российского психоанализа, в процессе которого мы с вами принимаем посильное участие. Мы не можем похвастаться своим происхождением от «рода Фрейда», вопрос филиации для нас практически не стоит. Я имею в виду, что никто из нас не проходил персональный анализ у аналитика, который лежал на кушетке у Фрейда, даже через поколение.

Эта ситуация накладывает на нас некоторые ограничения со стороны признания мировым психоаналитическим сообществом, с одной стороны, а с другой, развязывает нам руки. Мы имеем возможность постигать богатство психоанализа, будучи свободными от теологических моментов которые переживали аналитики из других стран.

Хомер Куртис в интервью, данном в сентябре 2000 года в Москве, говорил о начале процесса объединения, который начал происходить в США после расколов середины прошлого столетия. Именно тогда, как мне представляется, был пик «выкристаллизации» психоаналитической терапии из психоанализа. Разногласия того периода сегодня уже не представляются актуальными, теология уступает место творчеству.

Освобождение от догматических тенденций позволит нам творчески использовать потенциал, находящийся в нашем распоряжении, избежать губительных расколов, вызванных теоретическими разногласиями, внести посильную лепту в развитие идей всех нас объединивших.

В этой связи, на мой взгляд, важнейшей задачей является сохранение и развитие традиций и аутентичности психоанализа в его философском аспекте и психоаналитической терапии в ее практическом применении.

Список использованной литературы

1. Айслер К.Р. Влияние структуры Эго на развитие психоаналитической техники. //Антология современного психоанализа. М.,2000
2. Балинт М. Изменение терапевтических целей и техник в психоанализе. //Антология современного психоанализа. М.,2000

3. Кохут Х Востановление Самости. М.,2001
4. Кохут Х. Анализ Самости. М, 2002
5. Куртис Х Принципы психоаналитической психотерапии. //Вестник психоанализа. СПб., 1999-1(7)
6. Левальд Г.В. О терапевтической работе в психоанализе. //Антология современного психоанализа. М.,2000
7. Лихтенберг Д. и др. Клиническое взаимодействие. Теоретические и практические аспекты концепции мотивационных систем. М. 2003
8. Мур Б., Файн Б Психоаналитические термины и понятия. М.,2000
9. Соколов С.Е. Язык одиночества.// Вестник психоанализа. СПб., 2002-2
10. Столороу Р. и др. Клинический психоанализ. М., 1999
11. Стрейчи Дж. Характер терапевтической работы в психоанализе. //Антология современного психоанализа. М.,2000
12. Томэ Х., Кэхеле Х. Современный психоанализ. т.1. М., 1996
13. Шмидт-Хелерау К. Либи́до-влечение к жизни и лета-влечение к смерти СПб., 2003
14. Merton M. Gill Psychoanalysis in Transition A Personal View. London, 1994., v. 2
15. Racker H. Transference and countertransference. International University Press, NY, 1968

Психоаналитическая концепция травматического невроза

П.В. Качалов

22.1. Психическая травма: история вопроса

В своем «Психоаналитическом словаре» (1967) Ж. Лапланш и Ж.-Б. Понталис дают следующее определение травматического невроза:

«Особый невроз, где возникновение симптомов является следствием эмоционального шока, обычно связанного с ситуациями переживания субъектом угрозы своей жизни.

Невроз манифестирует пароксизмальным приступом тревоги, который в момент шока может спровоцировать состояния возбуждения, ступора или психической спутанности. Его дальнейшее развитие, чаще всего начинающееся после светлого промежутка, схематически можно представить двумя вариантами:

травматизм действует как разрешающий фактор, обнаруживающий уже существующую невротическую структуру;

травматизм занимает ведущее место в самом содержании симптомов (повторяющиеся воспоминания о травматическом событии, кошмарные сновидения, нарушения сна и т.д.), которые предстают как повторные попытки “связать” и отреагировать травму; подобная “фиксация на травме” сопровождается более или менее генерализованной заторможенностью всей жизнедеятельности субъекта.

Именно ко второй из этих двух клинических картин Зигмунд Фрейд и другие психоаналитики обычно применяют название “травматического невроза”».

История травматического невроза восходит к рассказу Геродота об афинском воине, “ослепшем” на всю жизнь в Марафонском сражении, испугавшись вида противника исполинского роста, которого он принял за призрак. Ф. Пинель (1810) цитирует случай с философом Блезом Паскалем, который, едва не бив сброшен в своей карете в Сену закусившими удила лошадьми, страдал повторяющимися кошмарными сновидениями и не мог заснуть иначе, как придвинув кресло к своей кровати, чтобы не ощущать себя на краю пустоты. “Ностальгия” в наблюдениях военных врачей XVIII в. или “vent de boulets”(“медвежья болезнь”) в наполеоновских армиях, несомненно, являются описаниями травматических неврозов.

Термином “травматический невроз” мы обязаны немецкому психиатру Г. Оппенгейму, который в 1889 г. описал психические последствия испуга, пережитого при крушениях поездов. Ж.-М Шарко (1891), наставлял своих учеников «относить на счет истерии большую часть случаев так называемого травматического невроза». Среди этих учеников был, как известно, некий

Зигмунд Фройд (1856-1939), и сама история психоанализа началась с его исследований травматического фактора в генезе истерии.

Термин “травма” заимствован из общей медицины и хирургии, и его использование в психиатрии чревато недоразумениями. В прямом значении травма подразумевает предположительные макро- или микроскопические повреждения ткани, в данном случае – нервной ткани, субстрата психики. В психоанализе травма понимается метафорически, причем и сам З. Фройд, и последующие авторы колебались между количественной и качественной трактовкой этого понятия.

Количественное понимание травмы как “сверхсильного психического (или даже скорее нервного) возбуждения”, вызванного “сверхсильной стимуляцией”, близко к прямому, т.е., к неметафорическому и наивно-эмпирическому пониманию травмы. Наивному, потому что данные нейрофизиологии свидетельствуют о невозможности прямых аналогий между физической травмой и функциональными реакциями нервной системы: ожог может варьировать от гиперемии при 60°C до обугливания при 1000°C, но “возбуждение” нервных клеток возможно лишь до гиперполяризационного потенциала, не более.

“Сверхсильный” количественный физический стимул, конечно, может вызвать объективное повреждение органов чувств (например, глаз или ушей) и даже самой ткани мозга, но здесь речь, в первую очередь, будет уже идти не о психотравме *sensu stricto* и не о неврозе, как о ведущем осложнении такой травмы.

Высокие или низкие температуры вызывают сходные травмы у всех людей, но в случае “психотравмы” – Л. Грак (1995) настаивает на употреблении только такого термина, во избежание двусмысленностей – объективные физические характеристики стимула (яркость света, громкость звука и т.п.) значения не имеют.

Клинический опыт постоянно убеждает в относительном, субъективном, качественном характере психического травматизма. То, что окажется травмой для одного субъекта, не будет таковой для другого. И то, что для одного является травмой сегодня, не было бы травмой вчера или в других обстоятельствах. А для другого то же самое событие, возможно, было бы травматичным вчера и, может быть, окажется завтра (см. ниже о манифестации невроза).

Итак, З. Фройд постепенно ушел от количественного, физического, наивно-эмпирического понимания травматизма – объективного события, оставляющего «памятный след (*Gedachtnisspur*)», чтобы придти к качественному, психическому пониманию травмы – чисто субъективного переживания, «психического представления (*Vorstellung*)».

В переносе акцента с события, в объективных, физических, характеристиках которого нет ничего реально “травматичного”, на памятный след (энграмму, пиктограмму), на его субъективные, психические, характеристики (представления), которые и оказываются действительно

травматичными, Фройд совершил эпистемологический прорыв и основал психоанализ (см. ниже о первой модели психического аппарата).

Еще двадцать лет клинической работы потребовалось З. Фройд, чтобы во второй модели психического аппарата «памятный след» оказался зафиксирован во «влечения и судьбу влечений (Triebe und Tribschicksale)», а в структуре невроза – «травматичное представление» уступило место «травматичному импульсу влечения (Triebregung)» (см. ниже о второй модели психического аппарата).

В попытках передать свои клинические интуиции о патогенезе травматического невроза, З. Фройд прибегал то к метафоре постоянного воспаления, вызываемого присутствием инородного тела в организме, то к метафоре постоянной боли от внутренней грыжи.

Обе метафоры справедливы: памятный след появляется извне – как инородное тело, но сформировавшемуся влечению необходимо – как и грыже, найти место внутри; но не организма, а внутри психического аппарата.

22.2. Травматичное психическое представление в первой модели психического аппарата

В знаменитой VII-ой главе «Толкования сновидений» (1899) психический аппарат приват-доцента Зигмунда Фрейда построен по классической модели рефлекса: восприятие–память–моторика. «Восприятие–сознание» образует один полюс, центральную часть психического аппарата занимает «память–несознательное (Unbew u te)», на противоположном его полюсе находится «моторика–предсознательное (Vorbew u ute)».

Восприятие-сознание обладает функцией внимания и т. наз. кратковременной памятью. Из субъективных переживаний вниманию восприятия-сознания доступны только аффекты (чувства), т.е., качественная оценка переживаний (приятно–неприятно). вниманию также, в принципе, легко доступны феномены предсознательного-моторики, находящиеся на полпути между субъективными переживаниями и объективными явлениями. Память-несознательное является синонимом того, что называется долговременной памятью. “Сознательный субъект” академической философии и психологии не имеет долгой памяти, зато несознательная память “имеет” такого субъекта, как и всякого другого, что и травматично. В несознательной памяти запечатлены «памятные следы», они же – следы воспоминаний (энграммы, пиктограммы; Gedachtnispuren, i.e. – Erinnerungsspuren)» объектов (вещей и людей), субъективно переживаемые как зрительные, кинестетические, тактильные, обонятельные, вкусовые «представления (Vorstellungen)» об объектах и объектных отношениях. Для звуковых представлений в несознательном запечатлена только вибрационно-тактильная память о просодии (= мелодии речи), но не память о смысле сочетаний звуков (= слов).

Предсознательная психика в психоанализе является синонимом не только моторики, но и того, что в общей психологии называют научением. В отличие от восприятия-сознания, предсознательная моторика не лишена памяти, именно на этом полюсе хранятся следы смысловой памяти словесных представлений, а также смысла мимики и жеста: ср. с общеизвестным неврологическим “гомункулусом” (созданном на основе данных Форрестера, Пенфилда, Болдри и др. по электростимуляции прецентральной моторной коры) с огромным языком и большим пальцем (Криг, У., 1966).

Память о смысловом значении слов (и жестов) усваивается с запозданием в ходе воспитания, и воспитание первичными объектами (обычно – родителями) абстрактно можно свести к символизации и к развитию мышления, и, таким образом, к минимизации потенциально травматического эффекта объектных представлений. Установление ассоциативных связей между объектными представлениями несознательной памяти и вербальными представлениями предсознательной моторики называется символизацией. Если при этом полюс восприятия-сознания способен обходным путем языковой деятельности ассоциировать воспринимаемые им субъективно аффекты с объективно и субъективно (в разной степени) воспринимаемыми словесными представлениями (= символами), исходящими из полюса предсознательной моторики, то такая ассоциативная связь называется мышлением. Сама несознательная память в таком процессе меняет свой характер: из энграммы, пиктограммы она превращается в знак, запись, код (языком информатики – становится не аналоговой, а цифровой памятью).

Записанные в нейрогуморальном субстрате психики памятные следы (энграммы и пиктограммы) существуют и сохраняются (заряжены и подзаряжаются) благодаря постоянному сохранению некоторого уровня раздражимости этого субстрата, описываемого в психоанализе метафорически как психическая энергия – либидо, уровень которого является одновременно и “побочным продуктом” жизнедеятельности организма и условием поддержания жизни в нервном субстрате психики.

Клиническая психиатрия вместо термина либидо использует аналогичное метафорическое понятие “энергетического потенциала психики”. Нейрофизиология пока что не лучше психоанализа позволяет лишь качественно (больше-меньше) оценивать степень активации (“раздражимости или возбуждения”) нервной системы в целом или ее отделов. В ожидании будущей возможности количественной оценки активации (не в милливольтках мембранного потенциала отдельного нейрона, а в некотором интегративном показателе – таком, как вегетативный индекс в физиологии), психоанализ пользуется термином либидо.

Современный нейропсихоаналитик Марк Солмз (2000) считает, что вероятный количественный показатель либидо должен выражать сложные нейрохимические эффекты гормонов, главным образом половых. Соматическое (нейрогуморальное) происхождение либидо означает также,

что в психоанализе мотивация имеет принципиально соматическую, а не психическую причинность.

«Принцип удовольствия (точнее, “принцип похоти” – “Lustprinzip”)), требует адекватной разрядки либидо на полюсе предсознательного-моторики с использованием адекватных внешних объектов, в первой модели психического аппарата соответствует тому, что называется мотивацией в академической психологии. Впрочем “адекватность” здесь означает только возможность получения удовольствия, поэтому такое прохождение квантов либидо из памяти-несознательного к моторике-предсознательному (с объектных представлений – к представлениям словесным), следует поначалу путями фантастических (“нелепых, смешных, безрассудных, волшебных”) ассоциаций – с объективной стороны выглядит как « первичный процесс мышления », свойственный ребенку и дикарю. Предсознательное научение вносит коррективы, и с учетом логики внешнего мира (мира социального, а не физического) формируется « вторичный процесс мышления », который с субъективной стороны переживается как « принцип реальности », – тот же «принцип удовольствия», но с оговорками.

Принципиальная сложность, предел всякой символизации (и предел терапевтических возможностей – переработки – в анализе, и предел всякого “психического здоровья”, а, кстати – и предел всякого человеческого удовольствия) состоит в «изобразимости (Darstellbarkeit; фр. figurabilite; англ. representability)», – в неполной, ограниченной способности словесных представлений символизировать объектные представления.

Проблема хорошо известна в эстетике (см. «Лаокоон» Готхольда-Эфраима Лессинга, 1766) как непереводаемость образов изобразительного искусства на язык литературы (у Г.Ф.Э. Лессинга – несоответствие вида известной ватиканской скульптуры описанию смерти Лаокоонта и его сыновей в «Энеиде» Вергилия). Тоже и в информатике: потери информации при преобразовании (= символизации) аналогового сигнала в цифровой (каждый D-J знает, что аналоговая запись звука на виниловой пластинке богаче, чем цифровая на CD).

Так что, когда пациент с травматическим неврозом заявляет, что “ Это невозможно себе представить, и что Я об Этом не могу рассказать словами”, то отчасти так Это и есть. (Про “Я” и “ Это ” – смотри ниже во второй модели психического аппарата.)

Травматичное психическое представление при травматическом неврозе – это всегда « объектное представление (Objektvorstellung)» (психическое представление о вещах или людях) об « объектных отношениях (Objektbeziehungen)» (событиях). Представления об объектах (о людях и о вещах) и об объектных отношениях (отношениях с людьми и с вещами) в онтогенезе предшествуют « словесным представлениям (Wortvorstellungen)». Архаичные представления о первичных объектах (обычно – о родителях) носят (увы) ужасающий характер. С каким рёвом, если не в шоке, рождается человек – «травма рождения» (Ранк О., 1924)! Сколько плача, прежде чем появится первая «социальная улыбка»! Самые ранние объектные

представления, основа психики, носят а priori травматичный характер для каждого человека; отсюда – массовый антипсихологизм, неприятие многими людьми самого существования субъективной душевной жизни вообще и несознательной психики в особенности, и, тем паче, – неприятие психоанализа.

В первой модели психического аппарата травматичное представление об объекте становится травматичным по двум причинам. Сначала происходит сбой изобразимости (Ботелла С. и К., 1983), когда не могут быть установлены ассоциативные связи между травматичными объектными представлениями и словесными представлениями (выше мы уже говорили о проблеме изобразимости вообще, – о принципиальных трудностях ассоциирования невербальных и вербальных представлений). Затем кванты либидо не находят адекватной разрядки.

Сбой изобразимости (нехватка психических ассоциаций) затрудняет разрядку квантов либидо, которыми заряжено каждое воспоминание, в том числе травматичное. Субъективно кванты либидо переживаются как аффективные заряды; в случае травмы, – в случае избытка несвязанных с представлениями, свободных квантов – переживаются как аффект тревоги, вторично запускающий целую гамму других болезненных аффектов (от беспомощности до вины).

Отсутствие адекватных психических ассоциаций, направляющих разрядку либидо, вынуждают искать и находить разрядку по чисто нервным проводящим путям, что у человека, существа психосоматического, сопровождается возникновением разнообразных болезненных симптомов. Разрядка кванта либидо, скопившегося на памятном следе от травмы (на энграмме, пиктограмме, языком информатики – на записи аналоговой памяти), в восприятии приводит к галлюцинации, возникновению в сознании характерного эйдетического образа травматического события, и сопровождается субъективным переживанием аффекта не то что тревоги, но «испуга (Schreck; фр. effroi; англ. fright)».

Если либидинозный заряд воспоминания находит разрядку в предсознательной моторике, в том, что З. Фройд называл «агирование (Agieren; фр. agir ou mise en acte; англ. acting-out)», развитие поведенческих симптомов вторично переживается с теми же болезненными аффектами беспомощности > тревоги > вины.

Разрядка энергии либидо внутрь нейрогуморального субстрата (“короткое замыкание” с полным сбоем психической работы) приводит к соматизации (развитию психосоматических симптомов).

Итак, памятные следы о травме накапливают либидинозный заряд, иначе говоря, поскольку речь идет не о физической энергии, – «инвестицию (Besetzung; фр. investissement; англо-греч. cathexis)» либидо. Единственной возможностью бессимптомно «нейтрализовать» кванты либидо, является их инвестиция в следы вербальной памяти. Субъективно такая инвестиция переживается как «связь (Bindung)» между объектными представлениями и словесными представлениями. Адекватная инвестиция, удачная, стабильная

связь, субъективно переживается как обретение « смысла (Bedeutung)». Если такую ассоциацию устанавливает за пациента психоаналитик, то речь идет об « истолковании (Deutung)». Хотя каждое отдельное слово (= словесный памятный след) способно вместить в себя (= связать) очень мало аффективного заряда (= малый квант либидо), языковая деятельность в целом при интактной грамматике и богатом словаре дает некоторый шанс психоаналитическому talking cure.

Либидинозные заряды таких словесно-связанных объектных воспоминаний всегда могут прорваться к восприятию, но при этом в сознании возникнут уже не эйдетические образы, а онирические (во снах, грезах, в творчестве). Таково, в частности, несознательное у “здорового”, alias – хорошо проанализированного, человека.

Словесные представления a priori не бывают травматичными именно из-за малого либидинозного заряда (слабой инвестиции) словесных памятных следов. Когда вполне благополучные особы заявляют: “От Этих слов Я была в шоке!”, или: “ Я была так травмирована Этими словами!”, – речь идет о злоупотреблении метафорой травмы. (Про « Я и Это » - см. ниже.)

Словесные представления могут быть лишены своей потенциальной целительной силы и даже усугублять действие травмы, если в ходе воспитания будущего невротика или психотика первичными объектами (родителями) были применены ложь, запреты на мышление, отрицания, парадоксы и другие «усилия, чтоб свести другого с ума» (Г. Серлз, 1965), всякие «параноидно-перверзные манипуляции» (П.-К. Ракамье, 1992); но эти “профилактические меры” по компрометации языка уже выходят за рамки травматического невроза sensu stricto).

*Психиатрия чрезвычайных ситуаций.
Руководство. Т. 2, глава 21. М., 2004*

Психоанализ и психотерапия людей с гомосексуальной идентичностью

Т.В.Алейникова

*Мораль – это важничанье
Человека перед природой
Фр. Ницше*

Толчком к написанию этой статьи послужило мое знакомство с книгой А. И. Белкина «Третий пол. Судьбы пасынков Природы» – прекрасным, глубоко гуманистическим трудом.

У меня и до прочтения этой книги, но при довольно частом общении с анализандами гомосексуальной ориентации, сложилось свое положительное отношение к людям этой категории, имеющим бесспорно биологические отклонения разной степени выраженности (даже если сегодняшними методами они не выявляются). А на этом фоне – и дивиаии в психосексуальном поведении.

Мое общение с геями и лесбиянками утвердило меня в мысли, что это в большинстве своем – эмоционально и интеллектуально весьма неординарные люди, естественно, в общении привлекающие эмоционально-интеллектуальную человеческую элиту. Однако, в силу недостаточной образованности общества (к тому же отягощенности многих людей предрассудками), эта довольно многочисленная часть человечества чувствует себя в значительной степени, если не изгоями, то, по крайней мере, людьми неполноценными.

В данной статье делается попытка физиолого-психологического анализа поведения людей с гомосексуальной ориентацией и предлагаются способы адекватной и быстрой психокоррекции их эмоционального состояния для принятия себя в том виде, в каком их «сотворила» Природа – не как больных людей, а просто как *других*, имеющих полное право на существование в своем психосексуальном статусе, что, кстати, компенсируется (и это не маловажно) деятельностью мозга в эмоционально-интеллектуальной сфере (а этой сферой в значительной степени, как и регуляцией сексуальности, занимается лимбическая система, представленная в основном «мозгом МакЛина», т.е. старой и древней корой).

С 1996 года в стенах Учебно-научно-исследовательского института Валеологии (УНИИВ) при Ростовском университете ведется психологическая реабилитация эмоционально дезадаптированных людей. В основном это студенты. Проблемы разные: от разлада с самим собой до разлада с социумом. Понятно, что многие проблемы пришли из раннего детства и обусловлены родительским программированием (Т.В. Алейникова [1, 2]).

В данной же статье я бы хотела остановиться на психоэмоциональной реабилитации людей с гомосексуальной идентичностью, т.е. геев и

лесбиянок, которых оказалось достаточно много среди студенческой молодежи: из 360 анализандов, проходивших у меня психокоррекцию, 20 человек (11 мужчин и 9 женщин) обращались по поводу гомосексуальных проблем. Понятно, что это были только те люди, которые сами захотели обратиться по этому поводу, а не все, имеющие подобные дивиаии (таких конечно больше).

Сразу же отмечу, что речь пойдет именно о гомосексуалах, а не о транссексуалах, не о трансвеститах и не о гермафродитах. Разница между этими категориями людей достаточно хорошо отражена в специальной литературе (Г.С. Васильченко [9], И.С. Кон [6], А.И. Белкин [3]). А.И. Белкин этих людей условно относит к третьему полу, куда попадают и гермафродиты, и транссексуалы, и скопцы. Проблемы людей третьего пола серьезны и разнообразны.

Данная же статья – более узкая – о людях с гомосексуальной ориентацией. Их основная проблема связана с затруднениями адаптации в обществе, которое хотя и стало более лояльно к ним настроено, однако, у многих еще сохраняется настороженное отношение к людям с нестандартной сексуальной ориентацией.

Другая проблема связана с первой – принятие себя, вопреки существующим нормам и канонам воспитания.

Третья проблема, также связанная с первой, – отношения с родителями, которые, будучи воспитаны в традициях прежних поколений, часто не могут смириться с «ненормальностью» детей и с тем, что у них никогда не будет внуков, если сын – гей. Эта проблема, кстати, иногда беспокоит и самих геев. И, наконец, проблема общая с так называемыми «натуралами», т.е. гетеросексуалами, – неудачи в любви, психологическое несовпадение в партнерстве, потеря партнера и пр.

И мужчины, и женщины с гомосексуальной идентичностью (по крайней мере те, которые обращались ко мне с тревожащими их проблемами) отличались гуманитарными склонностями, и повышенными способностями и интересами в области музыки, живописи, литературы, особенно – поэзии, а также философии, мягким ранимым характером, часто это были люди неординарные по восприятию, мышлению, интуиции. Объяснение этому лежит на поверхности: это все «игры» архипалеокортекса, структуры которого связаны с сексуальностью, эмоциональностью, интуицией и ярким образным восприятием.

Эти люди, представляя собой достаточно большую группу и различаясь, естественно, между собой по психофизиологической типологии, в то же время имеют немало общих черт особенно в области сексуально-эмоционального поведения, зачастую характеризующегося промискуитетом. Психологи это объясняют повышенной эмоциональностью, гибкостью, беспечностью геев, т.е. выводят одно характерологическое качество из суммы других.

Физиологически же все эти личностные характеристики связаны с одним общим морфологическим субстратом – старой и древней корой с

интегральной гиппокамповой извилиной, имеющей прямые и обратные связи с гипоталамусом.

В опытах на животных было показано, что удаление амигдаллярного (миндалевидного) комплекса и пириформной (грушевидной) извилины приводит к повышению половой активности и возникновению половых извращений у крыс, кошек, обезьян (L. Schreiner, A. Kling [10, 11]).

Раздельное строго локальное электролитическое разрушение определенной области грушевидной извилины, без повреждения миндалевидного комплекса, достаточно, чтобы вызвать у животных гиперсексуальность и половые дивиаии. Локальные разрушения только в миндалевидных телах также вызывают появление гиперсексуальности, но менее выраженной, чем при повреждении грушевидной извилины. Изменения полового поведения после таких операций имеют место как у самцов, так и у самок, но у самок они имеют более сложный характер (J.D. Green [5]).

Поскольку изменения в половом поведении, вызванные повреждением миндалевидного комплекса и грушевидной извилины, устраняются кастрацией и восстанавливаются введением половых гормонов, ясно, что существует нейро-гуморальная связь между этими мозговыми образованиями и гонадами, которая вернее всего осуществляется через гипоталамус и гипофиз.

Удаление у кошек гиппокампа вызывает появление у них гиперсексуальности, которая не устраняется при кастрации, т.е. в основе ее лежат не сдвиги в концентрации гонадных гормонов, а непосредственно механизмы мозга, хотя не исключено, что гиперсексуальность в данном случае может быть вызвана выбросами половых гормонов из коры надпочечников. А поскольку изменения в поведении животных при разрушении тех или иных структур архипалеокортекса не идентичны таковым при введении больших доз половых гормонов, возникает предположение (J.D. Green [5]), что гиперсексуальность и дивиантное поведение, вызванные повреждением структур архипалеокортекса, не обязательно связаны со сдвигом гормонального баланса, а, возможно, возникают под влиянием изменений возбудимости нейрофизиологических механизмов головного мозга, регулирующих половое поведение. Это может привести к появлению гиперсексуальности и половых дивиаций даже при нормальном содержании в крови половых гормонов.

Таким образом, нарушения половой ориентации могут быть напрямую не связанными с гормональным фоном, а определяться отклонениями в функционировании отдельных структур архипалеокортекса и их взаимодействия между собой.

Вообще-то вопрос половой идентификации не так прост, как кажется на первый взгляд. Он безусловно связан с генетически предопределенной половой дифференцировкой, которая обусловлена длинной цепью биологических процессов, завершающихся социальной адаптацией.

Самое первое звено этого длинного эволюционного ряда – генетический, или хромосомный, пол – возникает в момент оплодотворения яйцеклетки и детерминирован X- либо Y-хромосомой сперматозоида, оплодотворившего яйцеклетку (XX – женский пол, XY – мужской), что определяет будущую генетическую программу, в частности, дифференцировку половых желез организма, приводящую к развитию гонадного пола.

Сначала зародышевые гонады не дифференцированы по полу. Дифференцировка возникает на седьмой неделе эмбрионального развития. При этом зачаточные гонады у мужского (XY) плода превращаются в семенники под влиянием H-Y антигена. У женского (XX) плода зачаточные гонады превращаются в яичники.

Клетки мужских гонад начинают продуцировать гормоны – андрогены, обеспечивающие гормональный пол плода. Если почему-либо H-Y антиген не вырабатывается, то развитие изменяется, направляясь в феминную сторону, т.к. при отсутствии H-Y антигена не вырабатывается фетальный андроген. И тогда, несмотря на хромосомный мужской пол (XY) будут формироваться женские гениталии, а при наличии андрогенов, но в случае их недостатка развитие, хотя и пойдет по мужскому типу, но будет незакончено – мужские гениталии будут не полностью сформированы. Это генитальный пол.

Вообще половая дифференцировка протекает так, что на всех критических стадиях формирования пола, если организм не получает каких-то дополнительных специфических сигналов, развитие автоматически идет по женскому типу. Однако при избытке андрогенов у женского плода может нарушиться развитие, и тогда у генетически женского (XX) организма возникает маскулинизация.

Фетальные гормоны оказывают существенное влияние и на половую дифференцировку центральной нервной системы плода, что сказывается в постнатальном периоде, приводя к соответствующему дивергентному поведению: при недостатке андрогенов – по женскому типу (у генетических самцов - XY), при избытке – по мужскому (у генетических самок – XX). Гормонально и люди, и животные бисексуальны, так что речь может идти лишь об удельном весе андрогенов и эстрогенов, а не об их полном отсутствии. Фетальные гормоны определяют конституцию и развитие генитального аппарата как внутреннего, так и внешнего – так называемый генитальный (или паспортный) пол человека.

Далее вступают в силу социально-психологические детерминанты, также играющие немалую роль в половой самоидентификации человека.

И в результате возникает триада: гормоны – мозг – поведение, звенья которой тесно связаны между собой и играют решающую роль в организации сексуальной жизни человека.

Таким образом, вопрос о какой-либо вине, аморальности поведения снимается, если поведение продиктовано гормонально-

психофизиологическими причинами, которые на сегодняшний день (полагаю – и на завтрашний тоже) полностью не могут быть устранены.

Следовательно, надо просто этой категории людей помочь с решением их проблем. Тем более что, как правило, это люди очень интересные в личностном плане.

Для того чтобы помочь им интегрироваться в социуме, прежде всего надо изменить их точку зрения на себя, т.е. принять себя не как патологического субъекта, а как человека вполне нормального, но имеющего либо иной гормональный статус, либо (а возможно – кроме того) иначе организованный мозг. Для этого, кроме объяснения биологических аспектов гомосексуализма, можно рекомендовать использование психотренинга и практик нейролингвистического программирования (НЛП).

Для урегулирования отношений дома желательно работать не только с гомоориентированными клиентами, но и с их родителями, объясняя суть дела, акцентируя их внимание на том, что это они произвели на свет такого ребенка (условно – третьего пола) и теперь просто обязаны, поняв это, не мешать (а лучше помочь) своему сыну/дочери адаптироваться к жизни в однополной семье с любимым человеком (либо – в полигамной однополной семье при выраженном промискуитете). Очень важно убедить родителей в том, что это не распущенность и не болезнь, а такая нестандартная норма, чтобы родители не настаивали на лечении своего гомоориентированного ребенка, ибо известны случаи, когда в результате такого настойчивого поведения матери/отца, поддержанного безграмотными врачами, история заканчивалась суицидом гея.

Также нет смысла родителям винить себя и искать причину в неправильном воспитании. Действительно во время сеансов психоанализа в ряде случаев (но конечно не всегда!) выяснялось, что в раннем детстве воспитание мальчика, ставшего геем, шло по женскому типу, а девочки, ставшей лесбиянкой, – по мужскому (т.е. в связи с несбывшимися ожиданиями родителей мать как бы растила для себя дочку из реально существующего сына, а отец – сына из «обманувшей надежды» дочери). Результат, казалось бы, льет воду на мельницу педагогов и психологов, отдающих пальму первенства в этих вопросах социальному фактору. Однако, такие отклонения в воспитании ребенка встречаются гораздо чаще, чем возникает гомоориентация.

Есть достаточно убедительные экспериментальные исследования (J.V. Brady [4]; J.D. Green [5]; J. Olds [7]; L. Schreiner, A. Kling [10, 11]; Ф.Н. Серков [8]) и большой клинический материал (Г.С. Васильченко [9]; И.С. Кон [8]; А.И. Белкин [3]), говорящие о ведущем значении биологических факторов – изменение гормонального статуса, явления гермафродитизма и т.д.

И хотя у людей с гомосексуальной идентичностью, как правило, нет конституционно-соматических отклонений, и даже гормональный баланс может находиться в среднестатистической норме, их психологический статус не соответствует таковому человека, ориентированного гетеросексуально,

что, естественно, связано с механизмами мозга (в частности, с лимбической корой). И при том, что эти дивиаии могли возникнуть еще у плода, проявляются они чаще всего в пубертатный период.

[Из отчета одного гея в сеансе кататимного переживания образа (КПО): «Мне 15 лет. Я иду по аллее, вдоль которой с обеих сторон растут высокие тополя. Меня очень тянет к ним. Хочется обнять тополь и прижаться к нему, но я почему-то этого не делаю. У меня возникает страх, ощущение, что это предосудительно. Я закрываю глаза и стараюсь быстрее пробежать по этой аллее, но она становится очень узкой, тополя окружают меня и не отпускают, но я все-таки вырываюсь на простор». У этого молодого человека действительно в возрасте 15 лет возник гомосексуальный интерес, который в тот период ему удалось преодолеть. Однако, как говорится, от судьбы не уйдешь, и впоследствии он оказался среди моих пациентов с проблемой – принять себя таким, каков он есть. И сейчас у него, по его словам, «отличный партнер».]

Можно приводить еще немало интересных примеров, но они настолько индивидуальны, что я не рискую их публиковать, т.к. в основном мои клиенты – это люди с психологическими интересами, которые могут прочесть статью, и не исключено, что узнают себя, а это уже нарушение этики.

Если же говорить о роли социального фактора в формировании самоидентификации, то воспитание конечно играет немалую роль, но сказаться на естественном ходе событий может лишь в том случае, если идет вдоль биологии, тогда этот фактор может способствовать более быстрому включению дивиаантной ориентации. В случае же, если воспитание направлено оппонентно биологии, оно лишь несколько изменит поведение ребенка, феминизируя мальчика либо маскулинизируя (при этом часто социализируя) поведенческие реакции девочки, что собственно сейчас мы наблюдаем довольно массово, когда женщины, как бы проснувшись от многовековой спячки, пытаются управлять жизнью общества, подавляя феминизированных мужчин и на работе, и дома, забывая о главной биологической роли женщины – рожать и воспитывать детей, сохраняя человеческий род как биологический вид.

Что же касается общих проблем с неудачами в любви, то здесь нет никаких особых секретов: лучше всего работает гештальт-подход со сменой значимости «фигуры» – «фона», а также техники НЛП с изменением точки зрения на ситуацию и на партнера (это в равной мере подходит и гомо-, и гетероориентарованным клиентам).

В заключение я благодарю всех своих гомоориентированных пациентов/пациенток за откровенность в психоаналитических сеансах, что облегчило нашу совместную работу по их психоэмоциональной реабилитации.

ЛИТЕРАТУРА

- Алейникова Т.В. Современные проблемы психоанализа // Ж. Валеология, 1996, № 2, с. 51-56.
- Алейникова Т.В. Психоанализ. – Ростов н/Д: «Феникс», 2000. – 352 с.
- Белкин А.И. Третий пол. Судьбы пасынков Природы. – М.: «Олимп», 2000. – 432 с.
- Брейди Дж.В. (Brady J.V.). Временные и эмоциональные факторы, связанные с явлением электрического самораздражения лимбической системы (1958) // «Ретикулярная формация мозга», с.603-615. – М.: «Медгиз», 1962. – 664 с.
- Грин Дж.Д. (Green J.D.). Обонятельный мозг, его отношение к поведению и связь с ретикулярной активирующей системой (1958) // «Ретикулярная формация мозга», с.533-544. – М.: «Медгиз», 1962 – 664 с.
- Кон И.С. Введение в сексологию. – М.: «Медицина», 1988. – 320 с.
- Олдз Дж. (Olds J.). Эксперименты по самораздражению и дифференцированные системы подкрепления (1958) // «Ретикулярная формация мозга», с.588-602. – М.: «Медгиз», 1962. – 664 с.
- Серков Ф.Н. Древняя и старая кора мозга высших позвоночных // Общая и частная физиология нервной системы, с.423-454. – Л.: «Наука», 1969. – 555 с.
- Частная сексопатология / под ред. Васильченко Г.С. – Т.1. – М.: «Медицина», 1983. – 304 с.
- Schreiner L., Kling A. Behavioral changes following rhinencephalic injury in cat // J. Neurophysiol., 1953, v.16, p.643-659.
- Schreiner L., Kling A. Effects of castration on hypersexual behavior induced by rhynencephalic injury in cat // Arch. Neurol. Psychiat, v.72, p.180-186.

**Так говорила Заратустра.
Лу Саломе - «совершенный друг» и «абсолютное зло»
в жизни Фридриха Ницше**

Л. Гармаш

*Любовь - единственное лекарство от смерти,
поскольку она ей сродни.*

Мигель де Унамуно

После смерти Ницше две женщины опубликовали свои воспоминания о нем. Первой - Ницше обязан всеми недоразумениями, существующими вокруг его имени. Это его сестра Элизабет Ферстер-Ницше, наследница и распорядительница его архива, слишком произвольное обращение с которым и породило нелепую легенду о Ницше как предтече национал-социализма. Другая - самый противоречивый персонаж в судьбе мыслителя: женщина, чье имя звучанием своим напоминает о библейской танцовщице - Лу Саломе.

Ей по праву принадлежит роль одной из самых исключительных женщин в истории Европы. Во всяком случае немецкий писатель Курт Вольф утверждал, что «ни одна женщина за последние 150 лет не имела более сильного влияния на страны, говорящие на немецком языке, чем Лу фон Саломе из Петербурга».

И в самом деле, такой «коллекции» потерявших голову знаменитостей не встретишь более ни в одной женской биографии: Лу была «Великой Русской революцией» в жизни Ницше, ее боготворил и воспевал Рильке, ею восторгался Фрейд, ее собеседниками были Ибсен и Толстой, Тургенев и Вагнер, с ее именем связывают самоубийства Виктора Тауска и Пауля Рэ, по настоянию Мартина Бубера, известного философа и близкого друга, ею была написана книга под названием «Эротика», которая стала бестселлером в Европе и выдержала 5 переизданий...

Воздержимся от штампа «женщины-музы». Эта роль слишком одномерна для нее. Еще менее точным была бы попытка навязать ей образ непревзойденной гетеры 19-20 веков, ибо ее мало развлекал «список поверженных». Какая же тайная, неутолимая тоска гнездилась в ее душе, гоняя ее «от костра к костру»? Исполняя на интеллектуальных подмостках Европы свой «танец семи покрывал», не свою ли собственную голову стяжала она? Ведь она хотела во что бы то ни стало реализовать на практике ницшевское кредо - «Стать Тем, кто ты Есть» - вскрой свою глубину, извлеки

на свет свою подлинность!.. Она была великим и отчаянным экспериментатором... в режиссуре судьбы - собственной и окружающих.

* * *

Началось это довольно рано, в первые 20 лет ее жизни, которые она провела на родине, в Петербурге. Лу родилась в 1861 году в семье генерала русской службы Густава фон Саломе, прибалтийского немца по происхождению. Младшая сестра пяти братьев, она, наверное, ощущала себя подобно андерсоновской Элизе. «Весь мир казался мне населенным братьями», - писала она в своих воспоминаниях. Не здесь ли - исток ее беспрецедентного успеха у мужчин, тайна всепобеждающей непринужденности ее обаяния?

Первым мужчиной, испробовавшим его на себе, был известный своими проповедями пастор Гийо. Поводом к их знакомству послужило чувство глубокого одиночества, невысказанности и тоски, которое Лу очень остро переживала в свои 17 лет. Рискнув, Лу написала об этом человеку, чьи проповеди привлекли ее своей глубиной. Письмо, очевидно, произвело на пастора приятное впечатление, и они встретились. Эта встреча была первой в череде тех судьбоносных сюжетов, которые круто изменяли ее жизнь. Целый год втайне от семьи Лу встречалась с пастором, чтобы штудировать философию, историю религии, голландский язык... Героями их бесед были Кант и Спиноза. Ее странные мечты и тягостные раздумья Гийо готов был выслушивать очень серьезно, освобождая ее тем самым от мученического утаивания самой себя. Тогда, - вспоминала она, - в Гийо ей виделся Бог, и она поклонялась ему, как Богу. Драма назревала с неизбежностью: чтобы предсказать ее, не требовалось особой проницательности - экзальтированная девичья идеализация должна была натолкнуться на живого человека. Они неуклонно сближались, и это было мучительно для обоих: однажды Лу потеряла сознание, сидя на коленях у пастора. Развязку ускорила смерть отца Лу: Гийо настоял, чтобы она рассказала матери об их уроках, и сам попросил у нее руки дочери. Такой поворот событий поверг Лу в шок...

Был ли это глубинный страх подлинной близости? Горечь от утраты сакральной дистанции? Уже тогда возникшее предчувствие иного, совершенно особого пути? Во всяком случае сексуальная близость для будущего автора «Эротики» была вещью принципиально отклоняемой еще много лет. И хотя нестандартность ее образа жизни была чревата славой о «распушенности», на деле она отменила свое табу только после тридцати лет. Мотивы, стоящие как за первым, так и за вторым решением, остаются для исследователей весьма загадочными. Это обстоятельство интригует тем сильнее, что к этому времени Лу уже давно была замужем за Фредом Андреасом, однако их брачный договор включал непреклонное условие Лу - отказ от интимной близости. В своих воспоминаниях она сама затрудняется дать объяснение многим своим поступкам. Достоверно известно, что к 50-ти

годам, эпохе ее наивысшего женского расцвета, Лу радикально изменила свои убеждения - свидетельством чему стала ее на шумевшая «Эротика».

Становясь «тем, что она есть», Лу предоставляла право «своему близкому окружению» либо уйти с ее пути, либо соответствовать ее жизненному эксперименту. Гийо был первым из длинной череды мужчин, замороженных ее даром творить из ничего целый мир интенсивной духовной близости. Но он же был первым, кто столкнулся с неженской твердостью, с которой она требовала соблюдения «в этом мире» установленных ею законов. Лишь на таких условиях можно было сохранить туда доступ. Впрочем, у нее было врожденное чувство справедливости, и она требовала только тех жертв и ограничений, которые сама уже перенесла. И если бы она не научилась ставить точку в своем потакании «слишком человеческому», посмела бы она требовать этого от других?

* * *

«Она - воплощенная философия Ницше», - говорили современники. «Как искусно она использует максимы Фрица, чтобы связать ему руки. Надо отдать ей должное - она действительно ходячая философия моего брата», - с досадой признавала ненавидевшая ее Элизабет Ферстер-Ницше.

Исследователи предполагают, что именно Лу была прообразом Заратустры. Если это так, то не значит ли это, что именно двадцатилетняя Лу оказалась тем идеалом «совершенного друга», о котором всю жизнь мечтал Ницше - того, кто исполнен бесстрашия всегда быть собой и стремления стать «тем, что он есть». Сам Ницше после мучительного разрыва с ней говорил, что Лу - это «воплощение совершенного зла». Кто знает? Ведь в некоторых головах уже мелькала мысль, что наиболее тонким воплощением идеи Люцифера могла бы стать абсолютно *духовная* женщина - полностью освободившаяся от всяких проявлений женской душевности...

Как бы то ни было, после разрыва, на вершине отчаяния, всего за 10 дней Ницше создает 1-ю часть «Так говорил Заратустра», рожденную, по словам его давнего друга Петера Гаста, «из его иллюзий о Лу... И именно Лу вознесла его на Гималайскую высоту чувства».

Сам Ницше писал, что «вряд ли когда-либо между людьми существовала большая философская открытость», чем между ним и Лу.

Они встретились под апрельским небом вечного города в 1882 году. Фрау Саломе привезла дочь в Рим, не столько следуя программе ее интеллектуальных исканий, сколько для поправки ее здоровья. У Лу были слабые легкие, и любое нервное потрясение вызывало у нее легочное кровотечение. Последним таким потрясением, всерьез напугавшим близких, была история с пастором Гийо, сопровождавшаяся ссорой с матерью и отказом от конфирмации. Гийо помог получить паспорт для отъезда за границу - для человека без вероисповедания это было сделать нелегко.

Судьбоносное знакомство произошло с легкой руки Мальвиды фон Мейзенбух. Это была женщина редкой доброты, гений филантропии,

неустанный поборник освобождения женщин и близкий друг Герцена, воспитывающая его дочь Наталью. В Ницше она принимала неустанное участие; так же деятельно она любила его лучшего друга той поры философа Пауля Рэ. Лу подробно описывает свою стремительно вспыхнувшую дружбу с позитивистом и дарвинистом Рэ, который, хотя и считал женитьбу и деторождение философски нерациональным занятием (о чем и написал ряд этических трудов), тут же сделал Лу предложение.

На этот раз она пошла дальше, чем с Гийо. Предложение Пауля она отклонила бесповоротно, но взамен представила весьма неординарный план: в награду за готовность к риску Рэ получал возможность не только общаться с ней, но даже жить вместе. Общественное мнение ее не волновало. Нарушив принципы своей моральной философии, Рэ принял это предложение. Излишне говорить о том, какую реакцию вызвала идея у окружающих. Даже Мальвида, смело экспериментировавшая в своем салоне над созданием новых «благородных» отношений между полами, считала проект Лу чересчур эпатазирующим.

Единственным человеком, у которого Лу и Рэ вызвали не только полное одобрение, но и веселую решимость примкнуть третьим к коалиции, оказался Ницше.

Вообще-то на уме у доброй Мальвиды были матримониальные планы. Она давно мечтала найти для Ницше подходящую жену. Она не могла без горечи видеть, как нарастает его внешнее и внутреннее одиночество. С тридцатилетнего возраста этот человек был заложником невыносимых головных болей, из-за которых он стремительно терял зрение. Диагноз этой странной болезни до сих пор остается предметом споров врачей и биографов. У Цвейга есть новелла о Ницше, где он с удивительной пронзительностью воссоздает образ этого человека-«барометра», реагирующего на малейшее колебание атмосферного давления, вся жизнь которого была бесконечным побегом от страдания в поисках хоть сколько-нибудь щадящего уголка на этой земле. Его прославленный афористический стиль на деле был «изобретением поневоле»: Ницше старался писать в промежутках между приступами. У такого человека были основания сказать: «Что не убивает меня, то делает меня сильнее». «Amor fati»* - было его магическим заклинанием от болезни. (*»Amor fati» - любовь к року, к той судьбе, которая тебе выпала).

Могло ли не взволновать Лу такое мужество и такой стоицизм? «Это очень суровый философ, - говорила ей Мальвида, - но это самый нежный, самый преданный друг, и для всякого, кто его знает, мысль о его одиночестве вызывает самую острую тоску». Лу захотела познакомиться с Ницше. Нетрудно догадаться, что Лу не вкладывала в это стремление желания «разделить судьбу». Пауль Рэ, дразня своего друга, писал ему, что «молодая русская» была страшно расстроена тем, что он так неожиданно улизнул, прежде чем она смогла познакомиться с ним. Ницше не устоял: «Передайте от меня привет этой русской девочке, если видите в этом смысл: меня влекут такие души...».

В ожидании Ницше Лу и Рэ блуждали по Риму. В одной из боковых часовен базилики Св. Петра Рэ обнаружил заброшенную исповедальню, в которой начал просиживать, работая над своей новой книгой, призванной вскрыть земные корни всякой религии. Лу весьма развеселила такая выходка, и в этой же исповедальне, сидя рядом с Рэ, молодая вольтерьянка помогала ему в подборе аргументов. Здесь же они впервые встретились с Ницше. Лу сразу покорила его. «Вот душа, которая одним дуновением создала это хрупкое тело», - с задумчивой улыбкой поделился он впечатлением от этой встречи. За долгие месяцы уединенных размышлений Ницше совсем отвык от удовольствия говорить и быть выслушанным. В «молодой русской» он обнаружил изумительный дар слушать и слышать. Она говорила мало, но ее спокойный взгляд, мягкие уверенные движения, любое произнесенное ею слово не оставляло сомнений в ее восприимчивости и глубине. Ее же потрясла пылкость Ницшевской мысли: Лу даже потеряла сон.

Ницше читал Лу и Рэ только что законченную «Веселую науку», самую жизнерадостную свою книгу, предвещающую приближение Сверхчеловека. Человек со всей его «слишком человеческой» «человечиной» больше не способен удовлетворить Ницше. «Иной идеал влечет нас к себе, чудесный, искушающий, губительный, чреватый опасностями идеал...», - читал Ницше, внезапно переводя внимательный взгляд на Лу. Осуществляла ли она ницшевский миф на практике? Во всяком случае встреча именно с таким воплощением своего мифа заставила Ницше мобилизовать весь потенциал своего стиля. Так родился безупречнейший стилист среди философов, первым поставивший проблему поиска «Большого стиля» как жизненной стратегии мудреца.

Воодушевленная им, Лу и сама начинает делать пробы в обретении стиля. В знак духовной симпатии она посвящает Ницше поэму «К скорби». Петер Гаст, прочитав эти строки, решил, что их написал Ницше. Эта ошибка обрадовала Фридриха. «Нет, - писал он своему другу, - эти стихи принадлежат не мне. Они производят на меня прямо-таки подавляющее впечатление и я не могу читать их без слез; в них слышатся звуки голоса, который звучит в моих ушах давно, давно, с самого раннего детства. Стихи эти написала Лу, мой новый друг, о котором вы еще ничего не слыхали; она дочь русского генерала; ей 20 лет, она резкая, как орел, сильная, как львица, и при этом очень женственный ребенок... Она поразительно зрела и готова к моему способу мышления... Кроме того, у нее невероятно твердый характер, и она точно знает, чего хочет, - не спрашивая ничьих советов и не заботясь об общественном мнении».

Со всей присущей ей одержимостью и энергией Лу хотела построить маленькую интеллектуальную коммуну, философскую «Святую Троицу». Нашей героине к тому времени едва исполнился 21 год, Рэ было 32, Ницше - 38.

До сих пор все мужчины в жизни Лу проходили через своеобразную «конфирмацию» - получения отказа от сделанного ей брачного предложения. Таково, очевидно, было «причащение» к ее религии «свободных духов».

Подобная участь ожидала и Ницше. 8 мая (не прошло и месяца со дня знакомства!) он уполномочивает Рэ поговорить с Лу от его имени. Матери Лу в Санкт-Петербург было направлено письмо с официальным предложением. Пребывая в лихорадочном возбуждении, Ницше пытается размышлять над устранением главной, по его мнению, помехи: его бедности. Может быть, окажется возможным целиком за значительную сумму продать какому-нибудь издателю все свои будущие сочинения?

В «Опыте дружбы» Лу перечисляет все аргументы, к которым она прибегла, чтобы максимально смягчить свой отказ и сохранить в силе главное - их дружбу и сам проект жизни «втроем».

Как же рассчитывали они превратить столь эксцентричную духовную конструкцию в повседневную действительность? Вполне ли отдавали себе отчет, сколько провокаций для игры чувствами таит в себе подобный замысел? С упрямым романтизмом они уповали на то, что все житейские недоразумения задыхаются «на высоте 6 тысяч футов над уровнем человека», где они собирались существовать.

И все же чреватость этого плана катастрофой была очевидна. Мальвида писала Лу: «...И в конце концов это триединство! Несмотря на то, что я вполне убеждена в Вашей нейтральности, при всем этом опыт моей долгой жизни, равно как и знание человеческой природы, позволяют мне утверждать, что так это долго не может развиваться, что в самом лучшем случае серьезно пострадает сердце, а в худшей ситуации дружеский союз будет разрушен... - естество не дает себя одурачить, а связи существуют только в той мере, в которой мы их осознаем. Однако, если Вы, вопреки всему, это сделаете, я не усомнюсь в вас, я лишь хотела бы уберечь Вас от той почти неизбежной боли, которую Вы уже раз испытали».

Это письмо написано 6 июня 1882 года, в то время, когда, несмотря на все пересуды, ее участники как раз были поглощены выбором места проживания: поочередно обсуждались и отклонялись Вена, Цеплице в Нижней Силезии, Берлин и, наконец, после долгих обсуждений был выбран Париж.

Могло ли поколебать Лу это письмо? Мальвида апеллировала к ее здравому смыслу, человечности и их общей ответственности за репутацию феминизма в Италии, который мог быть скомпрометирован чересчур дерзким экспериментом Лу. В отношении последнего пункта Мальвида обольщалась. Лу не испытывала ни малейших обязательств перед судьбой феминизма. Она не стала феминисткой в Италии, как не была революционеркой в России (хотя всю жизнь хранила у себя фотографию Веры Засулич). Неисправимая упряmica и индивидуалистка, она неизменно шла своим собственным путем. И по этому пути она двигалась уверенно и слепо, как сомнамбула, ведомая своим рафинированным интеллектуальным любопытством и изоощренной женской интуицией. Тем более, что 7 июня развеяло все сомнения. В этот день она получила письмо от Ницше: «В настоящий момент я считаю необходимым, чтобы мы сохраняли молчание на эту тему в присутствии даже самых близких: никто, ни m-me Рэ в Цеплицах,

ни m-Ile фон Мейзенбух в Байрейте, ни моя семья не должны ломать себе голов и сердец над этими вещами, до которых только *мы, мы, мы* доросли и с которыми справимся, для других они могут лишь остаться опасными фантазиями». Через два дня он пишет Лу новое письмо: «Люблю жизнь в убежище и желаю себе всем сердцем, чтобы Вас, как и меня, миновали европейские пересуды. Тем более что я связываю с нашей совместной жизнью такие высокие надежды, что любые обязательные или случайные побочные следствия в настоящее время меня мало занимают: и то, что произойдет, мы будем готовить вместе, и весь этот мешок огорчений мы каждый вечер вместе будем выбрасывать на дно - не правда ли?»

Наконец Мальвида сдается: «Ничем более не могу дополнить Ваш план, совершенство которого вполне признаю, а привлекательность понимаю, Вы выбираете свою судьбу и надо ее наполнить, чтобы она Вам что-нибудь принесла».

* * *

Что же принесла всем троем попытка осуществить свою мечту, одновременно такую невозможную и такую богатую всеми возможностями? Ставки были высоки: на кону стояли самые значимые для каждого из них вещи - Дружба и Истина. После того, как надежды на любовь и матримониальные планы по воле Лу были выброшены за борт их трехмачтового судна, над ним был поднят новый священный флаг - знамя Идеальной Дружбы. Они должны были доказать самим себе, друг другу и миру, что таковая существует. Впрочем, в 20 веке Николай Бердяев проницательно заметит, что в основе любой подлинной дружбы лежит мощное эротическое напряжение.

Лу, которая никогда сознательно не использовала в своем поведении ни женских козырей, ни какого-либо дамского оружия, любила повторять за Титом Ливием: «Дружеские связи должны быть бессмертными, не дружеские - смертными». Ницше в письме к Мальвике со своей стороны подтверждал: «В настоящее время эта девушка связана со мной крепкой дружбой (такой крепкой, какую можно создать на этой земле); долгое время у меня не было лучшего завоевания...». Не менее экспрессивно он высказался и в письме к Петеру Гасту: «Дорогой друг, для нас, безусловно, будет честью, если Вы не назовете наши отношения романом. Мы с нею - пара друзей, и эту девушку, равно как и это доверие я считаю вещами святыми».

Ницше утверждал, что у «всякого имеется свой духовный гранит фатума». Парадоксально, но именно *мистерия дружбы* роковым образом постоянно проигрывалась в судьбе Ницше. Как некий загадочный и настойчивый лейтмотив скользит она над волной всех жизненных перипетий. Похоже, он сам догадывался о некоем тайном предначертании: дружба будет для него полем самых невероятных завоеваний и самых непереносимых утрат. Однажды, когда Ницше высказал свое отвращение к романам с их однообразной любовной интригой, - кто-то спросил, какое же другое чувство

могло бы захватить его? «Дружба, - живо ответил Ницше. - Она разрешает тот же кризис, что и любовь, но только в гораздо более чистой атмосфере. Сначала взаимное влечение, основанное на общих убеждениях; за ним следуют взаимное восхищение и прославление; потом, с одной стороны, возникает недоверие, а с другой - сомнение в превосходстве своего друга и его идей; можно быть уверенным, что разрыв неизбежен и что он принесет немало страданий. Все человеческие страдания присущи дружбе, в ней есть даже такие, которым нет названия».

Все это он пережил с Рихардом Вагнером. Их дружба носила какой-то сверхчеловеческий характер: большинство людей просто не подозревает, что с дружбой можно связывать столько упований, потому оно застраховано от бездн отчаяния, связанного с их крахом. «Такое прощание, когда люди расстаются потому, что по-разному думают и чувствуют, невольно нас опять как бы сближает, и мы изо всей силы ударяемся о ту стену, которую воздвигла между нами природа».

Когда три года спустя после разрыва с Вагнером *мистерия дружбы* вновь разыграется с Лу, Ницше поймет, что терять друзей из-за чрезмерного сходства душ не менее тяжело, чем из-за их разности. Уже в августе 1882 года Лу напишет Рэ: «Разговаривать с Ницше, как ты знаешь, очень интересно. Есть особая прелесть в том, что ты встречаешь сходные идеи, чувства и мысли. Мы понимаем друг друга полностью. Однажды он сказал мне с изумлением: «Я думаю, единственная разница между нами - в возрасте. Мы живем одинаково и думаем одинаково». Только потому, что мы такие одинаковые, он так бурно реагирует на различия между нами - или на то, что кажется ему различиями. Вот почему он выглядит таким расстроенным. Если два человека такие разные, как ты и я, - они довольны уже тем, что нашли точку соприкосновения. Но когда они такие одинаковые, как Ницше и я, они страдают от своих различий».

Ницше хотелось верить в то, что на сей раз все пойдет по иному сценарию: «Вокруг меня сейчас утренняя заря, но не в печатной форме! Я никогда не верил, что найду друга моего *последнего счастья и страдания*. Теперь это стало возможным - как золотистая возможность на горизонте всей моей будущей жизни. Я растроган, думая о смелой и богатой предчувствиями душе моей возлюбленной Лу».

В Люцерне, всего несколько дней спустя после первой встречи с Лу, Ницше показывал ей тот дом в Трибшене, где он познакомился с Вагнером, рассказывая о незабвенных днях веселого настроения Рихарда и припадках его величественного гнева. Подойдя к озеру и показывая Лу тополя, своими верхушками закрывавшие фасад дома, Ницше стал говорить вполголоса, стараясь скрыть от нее свое лицо, потом внезапно замолчал, и Лу, не спускавшая с него глаз, заметила, что он плакал.

Меньше месяца спустя Ницше набрался храбрости сделать Лу предложение, на этот раз лично, а не через посредничество Пауля Рэ. Лу повторила свой отказ, и свое предложение дружбы. Ницше принял предложения Лу и установленные ею границы их отношений. Со своей

стороны он выдвинул единственное условие: «Прочтите эту книгу, - сказал он, протягивая ей свою работу «Шопенгауэр как воспитатель», - и тогда Вы будете меня слушать». Могла ли Лу с ее всезатмевающей жадностью к познанию не попытаться выслушать человека, утверждавшего: «Я вобрал в себя всю историю Европы - за мной ответный удар».

Во время поездки в Байрейт (на ежегодный Вагнеровский фестиваль) Лу обретет непримиримого врага на всю жизнь - сестру Ницше Элизабет. Лу, с присущей ее характеру некоторой наивностью, поначалу верила притворной доброжелательности Элизабет и, не осознавая ее интриг, писала Ницше: «Ваша сестра, которая в настоящий момент является почти что и моей сестрой, Вам расскажет о том, что здесь происходит».

Та действительно рассказала все, но далеко не в тех тонах, которые ожидала Лу. Элизабет привела в ярость фотография, на которой была изображена вся Троица, снятая в Люцерне, на фоне Альп: Ницше и Рэ стоят, запряженные в двуколку, в которой сидит Лу, помахивая кнутиком. Хотя, как пишет Саломе в «Опыте дружбы», и идея композиции, и даже выбор фотографа принадлежали Ницше, Элизабет расценила это как безусловную инициативу Лу, призванную продемонстрировать ее верховную власть над двумя философами. (Любопытную инверсию претерпит идея этой фотографии в дальнейшем творчестве Ницше: не пройдет и года после мучительного разрыва с Лу, как Ницше напишет свое знаменитое: «Ты идешь к женщине? Не забудь плетку!»)

Не меньшую озлобленность, чем фотография, у Элизабет вызвали ухаживания за Лу известного художника Павла Жуковского, сына знаменитого русского поэта, за которым ходила слава дамского угодника, и который на глазах у всех предлагал Лу всевозможные дизайнерские решения относительно ее нарядов, премьерных и будничных, и даже смоделировал прямо по ее фигуре платье.

Словом, Элизабет быстро квалифицировала Лу как вампира и хищницу, которую следует раздавить любой ценой. Понятно, что за этой характеристикой стояла в первую очередь ревность к этой странной русской девушке, которая обладала таким таинственным обаянием. В 1885 г. Элизабет, к ужасу своего брата, вышла замуж за немецкого национал-активиста Ферстера и уехала за ним в Парагвай строить там «новую Германию». Унаследовав после смерти брата его рукописи, она умудрилась организовать в ноябре 1935 г. посещение ницшевского архива в Веймаре Гитлером и подарить ему на память о визите ницшевскую трость. Изданная ею компиляция незавершенных ницшевских рукописей под названием «Воля к власти» полностью дискредитирована историками. Она свела счеты с Лу, натравливая в конце жизни на нее нацистов, обвиняя ее в извращении идей Ницше. Излишне говорить, насколько все это «ферстер-ницшеанство» не имеет никакого отношения к самому Ницше.

Ницше с горечью признавался Мальвиде: «Между мной и мстительной антисемитской гусыней не может быть примирения. Позже, гораздо позже

она поймет, как много зла она принесла мне в самый решающий период моей жизни...»

Но болезнь Ницше и его житейская неприспособленность делали его зависимым от Элизабет, питавшей к нему тираническую любовь, не ведающую деликатного невмешательства. В этом смысле Рэ находился в куда более преимущественном положении в их Троице, поскольку ему достаточно легко и быстро удалось убедить свою семью, что Лу - его наилучший друг в том, что касается духа и образа жизни. Поэтому он мог свободно предлагать Лу жить в его имении, гарантируя ей опеку своей семьи и защиту от необходимости возвращения с матерью в Санкт-Петербург. Ницше же приходилось действовать крайне осмотрительно, с многочисленными оговорками и недомолвками. Вообще, из всех троих Ницше был наиболее обременен условностями - и внутренне, и внешне. Он настолько опасался агрессии и ревнивых козней сестры, что, впервые сообщая ей о Лу, прибавлял к ее возрасту четыре года, многократно ссылаясь на рекомендации Мейзенбух и представляя ее как своего будущего научного ассистента.

Могла ли Лу особо воодушевить такая осторожность, при том, что неделю назад она читала решительные заверения Пауля: «Я хороший рулевой, и Ты пройдешь между всеми трудностями легко и без обиды, нанесенной кому бы то ни было... А следовательно, моя любимая-любимая Лу (Рэ всегда так писал ее имя - Л.Г.), будь уверена, что Ты - единственный человек в мире, которого я люблю, и не думай при этом, что это не о многом говорит, поскольку, быть может, я переношу на тебя всю любовь, которая есть во мне для других людей».

И снова Ницше: «Такие отшельники, как я, должны не спеша привыкать к людям, которые им дороже всего: будьте же ко мне снисходительны в этом смысле!».

Пауль называет Лу своей «любимой улиткой», а себя «ее маленьким домом». Он подписывается «твой братец Рэ», и действительно, к тому времени он уже занял в ее новой жизни место ее прежнего дома, наполненного братьями.

Ницшеведы (например, Рудольф Бинион в своей книге «Фрау Лу - своенравная ученица Ницше») недоумевают, почему самым значимым человеком в своей жизни Лу всегда называла Рэ. Именно его утрату она считала самой болезненной в своей жизни, а 5 прожитых с ним лет - самым полным воплощением своей мечты. Забавный предрассудок: ставить качество человеческих отношений в прямую зависимость от исторического масштаба личности... Тем не менее разве не сам Ницше предупреждал ее: «В любом случае Рэ - лучший друг, чем я есть и смогу быть; прошу Вас обратить внимание на эту разницу!»

Почему же при всем своем культе Дружбы они не сумели стать друг для друга «совершенными друзьями»? Ведь работа у Троицы спорилась: они действительно много читали, обсуждали, писали. Под руководством Ницше Лу делает очерк о метафизике женского начала, пробует писать афоризмы.

Многие ее идеи он, не колеблясь, называет гениальными. Часто они проводят с ней ночи напролет. «Я никогда не забуду тех часов, когда он открывал мне свои мысли; он поверял мне их, как если бы это была тайна, в которой невыразимо трудно сознаться, он говорил вполголоса с выражением глубокого ужаса на лице. И в самом деле, жизнь для него была сплошным страданием: убеждение в ужасной достоверности «Вечного возвращения» доставляло ему неизъяснимые мучения». Потрясенная их ночными откровениями, она написала и посвятила Ницше небольшой гимн. Тот пришел в восхищение от такого подарка и решил отплатить тем же: он задумал положить стихи Лу на музыку и сделать своего рода дифирамб. Восемь лет он намеренно избегал всякого музыкального творчества: музыка взвинчивала его нервное возбуждение до изнеможения. Этого не способен понять тот, кто, подобно ему, «не страдал от судьбы музыки, как от открытой раны». И в этот раз музыка взволновала его настолько, что вызвала физические страдания. Ницше слег в постель и из своей комнаты писал m-lle Саломе записки: «Я в постели. Ужасный припадок. Я презираю жизнь». И все-таки «Гимн жизни», который он отдал на суд своим друзьям-музыкантам, имел большой успех. Один дирижер оркестра берется исполнить произведение. Ницше радостно делится этой новостью с Лу: «По этому пути мы можем придти вместе к потомству, - другие же пути оставить открытыми».

Предложив Ницше быть его другом, Лу, конечно, не предвидела этих страшных эмоций дружбы, более сильных, чем припадки самой страстной и бурной любви. Ницше требовал сочувствия каждой своей мысли. Ему нужна была полная духовная преданность. Лу бунтовала: разве можно отдать кому-нибудь ум и сердце? Ницше обвинял ее в гордыне. Об их ссорах он рассказывал в письме все к тому же Петеру Гасту: «Лу остается со мной еще неделю. Это самая умная женщина в мире. Каждые 5 дней между нами разыгрывается маленькая трагедия. Все, что я вам о ней писал, это - абсурд и, без сомнения, не менее абсурдно и то, что я Вам пишу сейчас». Это написано 20 августа из Таутенбурга. 16 сентября из Лейпцига он пишет тому же адресату: «2 октября снова приедет Лу: через 2 месяца мы поедem в Париж и проживем там, быть может, несколько лет. Вот мои планы». Увы, не пройдет и двух месяцев, как дружба Фридриха Ницше и Лу Саломе прекратится навсегда.

Хотя оба друга - Ницше и Рэ - постановили делить между собой эту девушку духовно, в их отношениях не было недостатка в истинно мужских претензиях и соперничестве. Когда Лу проводила часы, дни и целые ночи в обществе одного из них, у другого начинали появляться навязчивые фантазии, которые в конце-концов окончательно расстроили их дружбу. Ницше мучило тяжелое подозрение: Лу и Рэ - в заговоре против него, и этот заговор говорит против них - они любят друг друга и обманывают его. Все вокруг стало казаться ему вероломным и бесцветным: возникла жалкая борьба вместо того духовного счастья, о котором он мечтал. Он чувствовал,

что теряет свою странную, очаровательную ученицу, своего лучшего, самого умного друга, с которым его связывали 8 лет единомыслия...

При этом он забывал, что у Рэ имеется не меньше оснований для подозрений: к примеру, затянувшаяся прогулка Лу и Ницше на вершину Монте Сакро. Они объясняли свое чересчур долгое путешествие тем, что хотели увидеть заход солнца в Санта Роса, откуда, как утверждают пытливые исследователи, солнца вообще не видать. Позднее Ницше, подразумевая Монте Сакро, благодарил Лу «за самый пленительный сон моей жизни». Эта фраза побудила назойливых репортеров допытываться у Лу (в преклонном уже возрасте), о чем они беседовали и целовались ли... Лу, со свойственной ей иронией, отвечала, что мало что помнит по этому поводу.

Последний удар, положивший конец отношениям Ницше и Лу, нанесла Элизабет. Без ведома Ницше она написала Саломе грубое письмо. Лу всерьез рассердилась. Подробности ссоры малоизвестны. Сохранились черновики ницшевских писем к Лу, с довольно-таки беспощадным приговором: «Если я бросаю тебя, то исключительно из-за твоего ужасного характера. Не я создал мир, не я создал Лу. Если бы я создавал тебя, то дал бы тебе больше здоровья, и еще то, что гораздо важнее здоровья, - может быть, немного любви ко мне».

В его письмах презрительные вердикты соседствуют с неизжитым восхищением, проклятия - с раскаянием:

«Но, Лу, что это за письмо! Так пишут маленькие пансионерки. Что же мне делать? Поймите меня; я хочу, чтобы вы возвысились в моих глазах, я не хочу, чтобы вы упали для меня еще ниже... Я думаю, что никто так хорошо и так дурно, как я, не думает о Вас. Не защищайтесь; я уже защитил Вас перед самим собой и перед другими лучше, чем Вы сами могли бы сделать это. Такие создания, как Вы, выносимы для окружающих только тогда, когда у них есть возвышенная цель. Как в Вас мало уважения, благодарности, жалости, вежливости, восхищения, деликатности... Я не знаю, с помощью какого колдовства Вы, взамен того, что дал Вам я, дали мне эгоизм кошки, которая хочет только одного - жить...

Но Я еще не вполне разочаровался в Вас, несмотря ни на что, Я заметил в Вас присутствие того священного эгоизма, который заставляет нас служить самому высокому в нашей натуре... Прощайте, дорогая Лу, Я больше не увижу Вас. Берегите свою душу от подобных поступков.

Ваш Ф.Н.»

Ницше уехал. Этот его поспешный отъезд скорее напоминал бегство. «Сегодня для меня начинается полное одиночество», - обронил он одному из друзей. Через 6 лет он сойдет с ума. За эти годы он напишет самые сильные и спорные свои книги. Но в то время у «Заратустры» во всем мире найдется только семь читателей. И кто мог предположить, что этой книге уготована участь первого философского бестселлера?

Может быть, если в результате своих отношений люди не могут обрести друг друга, они обретают новых самих себя? Способен ли один человек сделать для другого нечто большее, чем подарить ему его самого?..

Очень многое в этой истории остается за кадром... И насколько глубок шрам, который остался в душе Лу? Как отыскать ту грань, где через ее скрытность и калейдоскопичность биографии проступает ее ранимость?

Говорили, что она похожа скорее на силу природы, чем на человека. Однако Фрейд, с которым ее связывала двадцатипятилетняя дружба, утверждал, что еще ни в ком не встречал столь высоких этических идеалов, как у Лу. Вообще, именно психоанализ позволил ей окончательно найти себя и почувствовать себя по-настоящему счастливой. Правда, Фрейду так и не удалось заставить ее изменить название ее книги «Благодарность Фрейду» на безличное «Благодарность психоанализу». Фрейд ругал ее за непомерно изматывающую работу, говоря, что одиннадцать часов анализа в день - это слишком. Но психоаналитиком она была от Бога - сохранилось множество восторженных свидетельств ее пациентов.

Лу исполнилось 50, когда она познакомилась с Фрейдом в 1911 году. Она вновь начинала все сначала. Он же, не терпевший отступничества в вопросах своей теории, кажется, позволял непозволительное только Лу - ему нравилось, как она дополняла «его анализ своим русским синтезом»: «Я начинаю мелодию, обычно очень простую, Вы добавляете к ней более высокие октавы; я отделяю одну вещь от другой, Вы соединяете в высшее единство то, что было раздельно».

Исследователи удивляются, как все же после близости с двумя величайшими романтиками - Ницше и Рильке - она так легко вобрала в себя суровый реализм Фрейда. Мне же кажется, что именно в этих необычных отношениях закалялась виртуозность ее интроспекции. Сама Лу называла два фактора, повлиявшие на ее выбор в пользу психоанализа: во-первых, то, что она выросла среди русских, - а это люди, особо склонные к самокопанию, а во-вторых, близость с человеком необычной судьбы - немецким поэтом Райнером Мария Рильке.

Действительно, она была для него одновременно любовницей, матерью и психотерапевтом. «Все настоящие русские - это люди, которые в сумерках говорят то, что другие отрицают при свете», - писал Рильке своей матери после знакомства с Лу. Россия была их общей любовью и дверью в сказочный мир: Лу дважды привозила Райнера в страну своего детства. В наиболее известном из ее романов - «Родинка» - одна из частей называется «В Киеве»...

Она была старше Рильке на 14 лет, их удивительная близость продолжалась 4 года, - и потом еще 30 лет она оставалась для него самым большим авторитетом и самым близким человеком.

В подтверждение тому вот строки этого гениального поэта, посвященные Лу.

«Нет без тебя мне жизни на земле.
Утрачу слух - я все равно услышу,
Очей лишусь - еще ясней увижу.
Без ног я догоню тебя во мгле.

Отрежь язык - я поклянусь губами.
Сломай мне руки - сердцем обниму.
Разбей мне сердце - мозг мой будет биться
Навстречу милосердию твоему.
А если вдруг меня охватит пламя
И я в огне любви твоей сгорю -
Тебя в потоке крови растворю.»
1897, (пер. А. Немировского)

* * *

Порой мне кажется, что вся ее жизнь была неким уникальным экспериментом - она словно испытывала на эластичность границу между мужским и женским началом: сколько «мужского» она в состоянии вобрать в себя без ущерба для своей женственности? Или, если угодно, наоборот: сколько «мужского» она должна ассимилировать, переварить в себе, чтобы достичь, наконец, подлинной женственности? Эта неутолимая тоска по целостности на-пол-овину обреченного существа...

Даже если согласиться с Ницше относительно «абсолютного Зла», то это было бы зло в гетевском смысле этого слова: «то, что без числа творит Добро». Она могла разрушать жизни и судьбы, но само ее присутствие побуждало к жизни. «У нее был дар полностью погружаться в мужчину, которого она любила, - вспоминал о Лу шведский психоаналитик Пол Бьер. - Эта чрезвычайная сосредоточенность разжигала в ее партнере некий духовный огонь. В моей долгой жизни я никогда не видел никого, кто понимал бы меня так быстро, так хорошо и полно, как Лу. Все это дополнялось поразительной искренностью ее экспрессии... Она могла быть поглощена своим партнером интеллектуально, но в этом не было человеческой самоотдачи. Она, безусловно, не была по природе своей ни холодной, ни фригидной, и тем не менее она не могла полностью отдать себя даже в самых страстных объятиях. Возможно, в этом и была по-своему трагедия ее жизни. Она искала пути освобождения от своей же сильной личности, но тщетно. В самом глубоком смысле этих слов Лу была несостоявшейся женщиной».

«Расточительность сердца» - так назвал свой роман о Лу польский писатель Вильгельм Шевчук. Угадал ли он? Последними словами, сказанными самой Лу перед смертью, были: «Всю свою жизнь я работала и только работала. Зачем?»

Было ли тайной мукой Лу расточительство сердца или, наоборот, его нерастраченность?

Развитие и сексуальность

Д.В.Глуговский

Проблемы сексуальности стали предметом научных исследований сравнительно недавно.

Этому можно привести множество объяснений. Одно из них заключается в том, что сексуальность, с одной стороны, закрыта от объективного наблюдения высокоструктурированной системой запретов и регламентаций как социального, так и психологического происхождения, с другой, - сексуальность является сверхценной сферой в жизнедеятельности практически каждого человека, независимо от того, что он декларирует по этому поводу. Сюда же можно отнести и исключительную разноплановость сексуальных проявлений, что ведёт к значительным трудностям в определении предмета исследований. Так под сексуальностью можно понимать биологический половой акт и связанную с ним детородную функцию; можно - формирующий элемент психологических взаимодействий или, наоборот, социальных, когда речь идёт о семейных или профессиональных отношениях; можно изучать этнографические контексты и сравнивать этологические проявления гендерных взаимодействий. Вопросы сексуальности, так или иначе, присутствуют во множестве научных дисциплин от биологии и психотерапии до истории и теории эволюции.

Всё это естественным образом ведёт к мысли о совершенно особом значении сексуальности в формировании адекватного понимания действительности. Однако мысль эту можно отнести к разряду пожеланий, так как до сих пор не существует единой комплексной теории сексуальности, которая включала бы в себя все возможные аспекты проблемы и обобщала бы их в единую универсальную, внутренне непротиворечивую научную концепцию. Такой концепции в настоящее время нет, перед нами масса фрагментарных и, чаще всего, прикладных теорий, каждая из которых имеет не только достоинства, но и, увы, недостатки, преимущественно общеметодологического характера. Все они вместе не представляют собой целостного образования.

Но вполне вероятно, единая теория сексуальности, обобщающая все реально существующие аспекты проявления этого феномена, никогда и не будет создана. Более того, эта теория может оказаться просто не нужной, так как она являлась бы всего лишь частным случаем общей теории противоречия. В скобках скажем, что и эта теория также относится к разряду добрых пожеланий. На этом я мог бы закончить свои рассуждения, если бы заявленная тема, независимо от моего скепсиса, не была настолько интересной и актуальной.

Самой продуктивной попыткой увидеть сексуальность как ключевой момент человеческих отношений и даже - исторического развития был, безусловно, психоанализ.

Но, несмотря на исключительную плодотворность, эта теория оказалась, в силу объективных причин не только научного, но и социального характера, недостаточно последовательной и универсальной.

Это привело, с одной стороны, к ожесточённой критике фрейдизма с самых различных позиций, с другой - к редукции, прежде всего её философских обоснований, к растаскиванию её на отдельные, недостаточно между собой связанные профанные постулаты и максимы. Но не будем забывать, что психоанализ и не мог стать мировоззренческим учением, так как с самого своего возникновения он обосновывался как теория, подкрепляющая определённую психотерапевтическую практику.

Широко известно, что сам Фрейд предпринимал попытки глобальных исторических обобщений, но они изначально были обречены на фрагментарность, так как в самом психоанализе не было достаточного инструментария для выводов такого уровня абстракции.

Обращает на себя внимание то, что во всём многообразии взглядов на сексуальность практически отсутствует философская теория сексуальности.

В философии этот предмет либо не рассматривается вовсе; либо рассматривается, но как частная и второстепенная тема; либо иллюстрирует какие-либо закономерности более общего характера; либо и вовсе используется для эпатирования научного сообщества.

Философская теория сексуальности, выстроенная как логическая, обобщённая спекулятивная конструкция, могла бы оказаться способной соединить различные подходы и методы в исследовании сексуальности и послужить основой для создания единой концепции. Однако проблема состоит в том, что философия уже давно перестала существовать как единая наука с универсальным конвенциональным аппаратом, объединяющим все направления и ответвления исследований. Множественность точек зрения и методов построения дискурса приводит к тому, что любые попытки универсальных обобщений могут быть убедительно опровергнуты с позиции каких-либо других, таких же универсальных обобщений, которые, в свою очередь, окажутся неверными с позиции третьих. Из этой ситуации нет приемлемого выхода, так как продуктивная критика возможна только "изнутри" представленного дискурса при обязательном использовании его аппаратных средств. Фактически, мы поставлены перед выбором: либо мы верим выводу и поэтому его принимаем как валидный, либо не верим и поэтому не принимаем.

Также следует иметь в виду, что любое философское рассуждение всегда тяготеет к абсолютизации и описывает тенденции, которые не завершены актуально, но имеют завершение в потенции, описывает их на абстрактном понятийном уровне, и поэтому апелляции к здравому смыслу и очевидности или ссылки на конкретную реальную действительность далеко не всегда оказываются убедительными опровержениями теоретических положений.

Начнём с самых общих вещей. Вся человеческая история может быть представлена как динамическое противоречие двух противоположных функций: функции сохранения и развития человека как биологического вида и функции развития биологического вида в социальное, надбиологическое единство, включающее в себя как биологическую составляющую, так и некое новое качество, выделяющее вид в уникальное явление природы. Это общетеоретическое противоречие отразилось в частной форме и в структуре человеческого индивида в биполярности его психических и телесных функций.

Психику обычно условно разделяют на бессознательную и сознательную компоненты, что интерпретируется в логике как интуитивный и дискурсивный типы мышления, или индуктивный и дедуктивный. Эта парадигма может также быть истолкована как противоположность архаичных, биологизированных форм отражения и форм современных, структурированных как вторая сигнальная система, как знаковость, вербальность коммуникаций и внутриспсихических актов. Бессознательные проявления психики можно отнести к изначально обусловленным биологическими процессами, так как эти процессы жёстко регламентированы системой инстинктивной, генотипической регуляции организма.

Следует с осторожностью относиться к использованию понятий первичности-вторичности в данном контексте, так как бессознательное-сознательное организованы как динамическое противоречие и взаимодействуют как тезис и антитезис." Это означает, что обе составляющие противоречия актуальны в данной системе, и только теоретически мы можем предполагать какая из них относится к прошлому, а какая - к будущему. Впрочем, в обыденной жизни такие вопросы не возникают.

Это внутриспсихическое противоречие реализуется в противоречивом же характере деятельности индивида и в способах её целеполагания. Можно утверждать, что в философском контексте все типы деятельности прямо или опосредованно имеют целью либо сохранение оптимальных условий производства и воспроизводства жизни вида и индивида, либо - экспансию, то есть получение преимущества, улучшение этих условий за счёт подавления внешних по отношению к виду (индивиду), сопредельных ему факторов. Противоречие же в способах деятельности заключено в том, что человек представляет собой одновременно и биологический и социальный организм, поэтому и оптимизация деятельности, и видовая экспансия могут быть направлены как на усиление социальных структур взаимодействий, так и на такое же усиление структур биологического уровня.

Но мы знаем, что две эти формы не совпадают, более того, они противостоят друг другу. Биологическая функциональность, основанная на генотипических закономерностях, имеющих фиксированный, устойчивый характер, присущих всем без исключения особям данного вида, не поддаётся корректировке в процессе жизнедеятельности отдельной особи и может быть

изменена только на уровне вида в целом через механизм мутации. Социально обусловленные функции выстроены на противоположном принципе: основным агентом трансформации выступает индивид, общевидовые же - как биологические, так и, в данном случае, общественные - регламентации являются тормозом для накопления видовой информации посредством онтогенетических изменений. Биологически человек идентифицируется как принадлежащий виду через полное соответствие генетической структуре, социальная же идентификация реализуется противоположным образом - от общего к частному, через индивидуацию.

Такая двойственность внутренних оснований определяет человека как некое промежуточное, переходное существо, уже не вполне биологическое, но ещё и не вполне социальное. Эта незавершённость, противоречивость также определяет характер и интенсивность развития цивилизации.

Подобные рассуждения могут показаться излишне тривиальными и абстрактными, но они имеют самое непосредственное отношение к нашей теме.

Я уже говорил о том, что всякая деятельность может быть сведена в конечном итоге либо к охранной функции, либо к функции экспансии. Эти цели осуществляет любой вид, любой живой организм. Но принципиальное отличие человека от всей остальной живой природы заключается в том, что само понятие производства жизни у человека неоднозначно, оно включает в себя как производство биологических форм, так и производство форм социальных. В первом случае механизм производства осуществляется путём реализации генетических структурных закономерностей, присутствующих как изначально фиксированный видовой код, как, в основном, физиологический механизм межиндивидуальных коммуникаций и взаимодействий индивида с окружающей средой, который может только отражаться в психике, но не может быть продуктивно изменён в результате такого отражения. Этот механизм основан на половом различии всех особей вида, при котором функции каждого из полов строго и однозначно определены. Вне этого механизма производство жизни принципиально невозможно. Поэтому межполовые отношения всех дочеловеческих бисексуальных видов являются основной и самой непреложной из целей любых видов жизнедеятельности. В этом контексте можно утверждать, что любая активность организма в той или иной степени опосредована взаимодействиями полов.

Производство социальных форм жизни не обусловлено генотипическими структурами, оно противоречит биологическим закономерностям. Его субъектом является не физиологическая, а психологическая реализация индивида, так как это производство имеет основанием накопление признаков через индивидуальную жизнедеятельность и закрепление их не в биологическом генотипе, а в социальных структурах, внешних по отношению к индивиду. Половые различия играют в этом случае второстепенную роль и даже оказываются помехой в адаптации и функционировании индивида в социальном

контексте. Таким образом, биологическое и социальное начала в человеке противоречат друг другу не только в теоретическом плане, но и в повседневной жизни. 1

Производство социальных форм жизни постепенно отчуждается от индивида в виде общественных институтов (религия, политика, право, экономика и т.п.), которые приобретают характеристики самодвижущихся, саморазвивающихся подсистем, составляющих основу социума. Индивид становится не только субъектом, но и объектом, страдательным началом этого развития.

Социальные закономерности становятся регламентирующими жизнедеятельность отдельного индивида, они образуют динамическую структуру по форме аналогичную биологическому генотипу. Они превращаются в жёстко фиксированные наиндивидуальные императивные образования, не подверженные коррекции и трансформации со стороны отдельных индивидов. Условно мы можем назвать их социальным генотипом, охраняющим противоположную биологической функциональности вида, или - генотипом наизнанку.

Таким образом, в биологическом и социальном развитии противоречат не цели (они и в том, и в другом случае одни и те же - сохранение и экспансия вида), а формы, условия их достижения. Социальное производство подавляет, нивелирует биологическую (в первую очередь, половую) принадлежность индивида, провоцирует в нём небологические, частные проявления. Производство же биологическое, наоборот, подавляет всяческие фенотипические отклонения и предполагает полную физиологическую унификацию индивида, которая практически невозможна вне единообразия форм жизнедеятельности и, следовательно, - психического единообразия.

Здесь следует оговориться, что это противоречие присуще не только человеку как виду, оно универсально для всей биологической природы. Мы можем отмечать его от едва различимых форм у простейших до весьма развитых форм социального сосуществования у высших видов. Но накопление признака обретает новое качество только у человека.

В определённый момент исторического развития социальность организуется в самостоятельную, автономную, ускоренную по отношению к биологической системность, которая обретает способность к саморазвитию, и тогда человек, будучи изначально принадлежащим к двум антагонистическим формам жизни, теряет свойство субъектности и перестаёт оказывать формирующее влияние на действительность, так как не может отказаться от своих биологических оснований в пользу социальных.

Вспомним прошлые дискуссии о том, насколько отдельная личность может повлиять на социальное развитие. Можно утверждать, что с течением исторического времени такая возможность уменьшается и сходит на нет. Если совсем ещё недавно у нас присутствовала уверенность в том, что прогресс, в самом широком понимании, инициируется нашей активностью, и он есть безусловное благо, то теперь приходит понимание того, что прогресс

есть некая самодвижущаяся ценность, которая развивается по своим законам, которые далеко не всегда адекватно осознаются и с трудом прогнозируются.

Но такое изменение оценок происходит не оттого, что мы стали умнее, а оттого, что изменилась диспозиция конфликтующих сторон описываемого в данном тексте противоречия.

2

Вплоть до последнего времени сексуальные взаимодействия оставались сакральной областью человеческих отношений. Это было закреплено практически во всех этических системах как религиозных, так и светских. Причину этого мы отнесём к степени приоритетности одной формы производства жизни над другой формой, а также к тому, что социальное производство в потенции всегда угрожало производству биологическому. Проще говоря, как бы ни развивались общественные отношения, вид должен биологически воспроизводиться. У дочеловеческих видов сексуальная жизнь совершенно открыта, она не табуируется и осуществляется в ряду всех прочих биологических проявлений. Можно с достаточной степенью вероятности предположить, что и в раннем человеческом обществе сексуальные проявления не подвергались никаким запретам.

Сакрализация возникает вместе с социализацией. Она имеет не эстетическую функцию, как стало казаться в новые времена, а защитную, так как в контексте существования человека как вида социального его общественное функционирование оказывается более важным, чем функционирование биологическое. Кстати, такому же табуированию подверглись и другие биологические проявления. Мы тщательно прячем свои выделения, запахи, предпочитаем не думать о том, что наша пища представляет собой продукт насилия над другими видами и т.д.

Цивилизация возникла и развивалась постольку, поскольку возникли и развивались социальные формы жизнедеятельности. Именно эти формы явились границей, отделившей человека от всего остального мира, именно они закрепили его исключительное положение и обеспечили беспрецедентную экспансию одного вида по отношению ко всем остальным. В биологическом отношении человек, как вид, не имеет ровно никаких преимуществ перед другими видами и представляет собой рядоположное явление. Поэтому совершенно естественно, что производство социальных структур, их расширение и универсализация стали абсолютной ценностью и главной целью развития цивилизации, реально воплощающейся в практике, независимо от её осознания как таковой и независимо от того, насколько адекватно она отражалась в политическом, религиозном или правовом рефлексировании.

Разумеется, при этом незыблемой оставалась необходимость биологической формы производства жизни, так как в случае деградации человечества как биологического вида неизбежна и последующая деградация его как вида социального. Но мы говорим о приоритетности в развитии

одной из форм производства жизни, а не об их фиксированном актуальном соотношении, раз и навсегда данном. Биологическая форма в рамках цивилизации развиваться не может, так как человек, как вид, исключён из общеприродных биологических взаимодействий. Он не противостоит, как биологический вид, другим биологическим видам, но противостоит как вид социальный. Степень интенсивности и успешности противостояния может иметь множество градаций - от вспомогательного значения социальных факторов во взаимодействии человека с окружающей средой до, к настоящему моменту ещё не достигнутой, абсолютной экспансии человека над всеми формами природных взаимодействий.

На фоне закреплённых, относительно неподвижных механизмов биологических форм жизнедеятельности социальная обусловленность человеческого существования возрастает всё ускоряющимися темпами. При этом происходит не только падение абсолютной значимости биологической саморегуляции вида, но и перевод части её функций в область регуляции, а затем и саморегуляции социальной. Изначально находящиеся в контексте биологической функциональности потребности в защите тела от неблагоприятных внешних воздействий, в добывании пищи и прочие уже давно реализуются в рамках социальных механизмов. Конечно же, в такой ситуации витальные потребности человека не могут не социализироваться, не отодвигаться на второй план, их отправление неизбежно приобретает в этических системах характеристики низменности, постыдности. Возникают такие характеристики в интересах не биологической, а социальной составляющей индивида, в подкрепление механизмов социального производства и воспроизводства.

Индивид вынужден мириться с такой редукцией его биологической функциональности, так как его защищённость от окружающего, а также удовлетворение его естественных, биологических потребностей и возникающих сверхпотребностей всё меньше регулируется его физическими и биологическими взаимодействиями с окружающей средой и всё больше - социальными. Ради достижения благополучия в рамках цивилизованного общества индивиду приходится жертвовать частью своей биологической функциональности и физиологической автономности. Эта переориентация происходит медленно, но неизбежно, человек постепенно теряет свойства биологического существа. Это рассуждение, разумеется, не означает что мы уже перестали или вот-вот перестанем подчиняться биологическим законам. Речь идёт о тенденции, которая никогда не осуществится в полной мере, но, тем не менее, явно присутствует в современном развитии и определяет его. Это достаточно просто проиллюстрировать.

3

Базовым свойством, отличающим биологическую и социальную системности в рамках одного вида, является способ активности, направленный на окружающую действительность. Предположим, что существует некое существо, которое может реализовать в чистом виде либо тот, либо другой способы.

Биологические взаимодействия предполагают прямые и непосредственные, неотсроченные контакты между их участниками (под биологическими мы, в данном случае, будем понимать также и взаимодействия, где один из участников биологическое существо, а другой принадлежит к добиологическим, физическим формам материи). Скажем, для удовлетворения голода животное либо убивает другое животное, либо поедает растения. И в том, и в другом случае оно потребляет продукты, данные ему в готовом виде, не требующие предварительной переработки. Спасаясь от непогоды или опасности, животное также использует естественные природные укрытия, минимально приспособивая их к своим потребностям. Однако, основным показателем биологичности является не "естественное потребление", а то, что в таких взаимодействиях индивид выступает абсолютным субъектом отношений и остаётся всегда одиноким в своём противостоянии объекту потребности, так как он потребляет, прежде всего, как представитель вида, и только во вторую очередь - как индивид. Это объясняется тем, что каждая особь данного вида обладает в полной мере всеми возможностями любой другой генетически подобной ей особи, и поэтому кооперация нескольких или многих особей для совместных действий либо не облегчает удовлетворение потребностей вовсе, либо облегчает, но при этом сказывается как количественное увеличение усилий, но не изменяет их качество.

Повторюсь ещё раз: любая биологическая деятельность жёстко регулируется генетически, и индивидуальные, фенотипические приобретения почти никогда не бывают решающими в вопросах выживания и самосохранения вида. К тому же, в биологических взаимодействиях нет механизма их продуктивного накопления и передачи от одной особи к другой, от одного поколения к последующим. Поэтому даже сложные коллективные формы поведения с высокой специализацией индивидуальных функций в рамках сообщества, встречающиеся у отдельных видов в дочеловеческой истории, могут быть отнесены всё же к преимущественно биологическим взаимодействиям, фиксировано ограниченным общевидами генетическими закономерностями. Таким образом, биологические формы жизни определяются, прежде всего, высочайшей автономностью каждого отдельного представителя вида, его самодостаточностью. Каждая особь, независимо от степени успешности её жизнедеятельности, произведёт на свет потомство в известной мере идентичное самой себе, обладающее полноценно всей структурой генетических особенностей данного вида (разумеется, в этом механизме возможны сбои, но мы знаем об альтернативном механизме выбраковки нежизнеспособных мутаций в процессе естественного отбора).

Однако принцип автономности биологического организма всё же нарушается. Таким нарушением является межполовая асимметрия особей внутри вида. Это единственная форма деятельности, в которой одна автономная особь целиком и полностью зависит от другой, в которой кооперативность непреложна. Но и эта деятельность так же, как и все прочие,

обусловлена генетически и в максимальной степени лишена произвольности (причины возникновения этой внутривидовой дихотомии в данном тексте рассматриваться не будут. Это принципиально важная, но отдельная тема).

4

Социальные взаимодействия коренным образом отличаются от биологических. Между индивидом и его объектом появляется посредник. Потребность уже не удовлетворяется напрямую, между субъектом и его целью возникает некое новое пространство, в котором есть возможность выбрать способ достижения цели (в психоанализе это называется принципом реальности). Это принципиально меняет ситуацию, так как жизнедеятельность из плоской и однозначной превращается в многовариантную и объёмную. Человек, оставаясь существом биологически организованным, может, почувствовав голод, поймать курицу, оторвать ей голову и съесть. Но это лишь одна из множества возможностей насыщения, которая, вероятно, иногда используется, но не является ни единственной, ни основной, ни достаточно продуктивной чтобы использовать её чаще.

На определённом этапе исторического развития социальная составляющая взаимодействий возрастает настолько, что из вспомогательной функции она превращается в конкурирующую. В этот момент формируется внутривидовое динамическое противоречие, вследствие чего вид получает то ускоренное развитие, которое позволяет ему осуществлять глобальную экспансию и тотальное доминирование над всем остальным биологическим миром. Возникает совершенно новая конфигурация противостояний. Если до этого момента биологический вид во всех своих проявлениях противостоял окружающей действительности, как биологическим её формам, так и физическим, то теперь к этому противостоянию добавляется ещё одно: в рамках одного вида появляется новое организующее начало, которое противостоит изначальному типу системности, организующему жизнедеятельность вида.

Таким образом, к базовому противоречию прибавляется новое, функционирующее на другом уровне. Можно всё это представить как ситуацию троянского коня, так как вид может либо поглотить новый фактор, либо трансформироваться и приспособить новый фактор к своим потребностям. Но есть и третий вариант, когда новое начало разрушает базовое и тогда вид погибает. Я предполагаю, что человек был не единственным видом, который столкнулся с этим вызовом.

В ситуации возникновения двухуровневого противоречия меняется динамика исторического развития. Здесь прежде всего разрушается биологическая автономность индивида, так как жизнедеятельность в социальных контекстах регулируется не только (а с развитием цивилизации - не столько) непосредственными контактами с объектами потребностей, но контактами отсроченными, опосредованными кооперативными взаимодействиями с другими индивидами. Биологическая автономность становится просто неактуальной (в абсолютном смысле она, конечно же, сохраняется, уменьшается лишь её удельный вес), она уступает место

зависимости индивида в удовлетворении своих потребностей от деятельности других индивидов, а впоследствии - от социального функционирования. С одной стороны, тут происходит интеграция отдельных индивидов в кооперативное сообщество, с другой - к автономности биологической добавляется автономность социальная, то есть, индивид становится субъектом своих выборов, личностью. Это обусловлено тем, что генетическая регламентация жизнедеятельности постепенно уступает место принципиально иной социальной регламентации, где деформации онтогенеза не выбраковываются, как нарушающие жизнеспособность вида, а, наоборот, накапливаются и упорядочиваются, как закрепляющие статус вида и дающие ему всё новые дополнительные возможности для развития.

Опосредованность, отсроченность акта удовлетворения потребности растёт и становится тотальной. Индивид потребляет не столько то, что самостоятельно добыл собственной деятельностью, сколько некий анонимный продукт, результирующий действия многих других индивидов, полученный в ответ на его деятельность, которая также не обязательно служит удовлетворению его личной потребности, но чаще не имеет конкретного адресата и удовлетворяет абстрактную социальную потребность.

Таким образом, человек оказывается окружённым вещами, правилами, идеями, отчуждёнными от его непосредственной деятельности, которые он лишь условно может назвать своими. Он живёт в доме, который построил не он, носит одежду, не им сшитую, читает книгу, не им написанную. Большинство своих потребностей он удовлетворяет с помощью кого-то, с кем он не вступает в непосредственный контакт и о существовании кого он часто и не подозревает. Количество витальных потребностей, удовлетворяемых непосредственно, неуклонно падает и постепенно приближается к нулю. Одновременно растёт зависимость индивида от социальных структур, она, наоборот, стремится к бесконечности. Эта зависимость основана на том, что через посредство социума витальные потребности индивида не просто удовлетворяются, но удовлетворяются избыточно. Более того, социум сам начинает производить потребности, предлагая их индивиду, создавая возможности для удовлетворения потребностей, которых ещё нет, провоцируя индивида к их изобретению. Причём, такая зависимость от социума отнюдь не абстрактна. Я, в принципе, могу отказаться от автомобиля или компьютера, но, будучи помещён в естественные природные условия вне благ цивилизации, вряд ли сумею достаточно защитить и прокормить себя, не потеряв при этом привычную идентичность.

Если на ранних этапах истории приоритетность производства социальной жизни перед производством жизни биологической реализовывалась в деятельности человека как естественная цель, как цель, не просто стабилизирующая положение вида, но - дающая ему преимущества в сверхзащищённости от внешних воздействий и в сверхэкспансии, то в эпохи современные эта приоритетность начинает проявляться в

самовоспроизводстве социума. Уже социум, как самодвижущаяся, саморазвивающаяся система, приобретает свойства субъекта экспансии, и в этом смысле он начинает функционально напоминать некий абстрактный вид, противостоящий в своём развитии виду человек. Потребности человека в контексте саморазвития этого новообразования отодвигаются на второй план, становятся побочными в сравнении с потребностями самого социума.

Социализация витальных потребностей человека происходит не одномоментно и неоднозначно. Некоторые из этих потребностей отмирают, другие приобретают рудиментарный характер, третьи меняют свою направленность и трансформируются в так называемые интеллектуальные и этические потребности. Эти изменения, фактически, означают прогрессирующую редукцию биологических форм регуляции в рамках вида. Биологических функций не становится меньше, но они начинают отправляться неспецифическим образом, не в процессе биологических взаимодействий, но через посредство социальных механизмов регуляции. Посреднические функции социума перерастают в регламентирующие. Все эти трансформации относятся к любым формам биологических взаимодействий человека, за исключением одной - сексуальных отношений. Эта сфера жизнедеятельности подвергается социализации в наименьшей степени. Причиной тому особый, исключительный статус межполовых взаимодействий среди всех витальных проявлений вида.

5

Одним из основных принципов биологического типа системности является принцип конкурентности. Я уже подчёркивал, что любая особь данного вида обладает высокой автономностью и с точки зрения производства и воспроизводства жизни представляет вид полноценно и в целом, а не только себя самоё. Вступая в отношения с окружающей средой, каждая особь самоценна, опять-таки в силу того, что представляет в отношениях не только себя, но и вид. Поэтому интересы особи, её потребности есть абсолютный приоритет в её жизнедеятельности который подавляет все другие возможные приоритеты (например, сострадание к другой особи) и заставляет её противостоять любым проявлениям активности как внешним (деятельность других биологических субъектов или стихийные явления неживой природы), так и внутренним (альтернативные интенции, представляющие не видовые, а частные, фенотипические особенности, снижающие степень однозначности выборов в противоречивых и опасных ситуациях), нарушающим возможность полноценного удовлетворения особью её потребностей.

Доминирующим мотивом жизнедеятельности любого живого существа является установка на самосохранение индивида, которая, одновременно, служит и целям самосохранения вида. Процветание и экспансия вида существуют постольку, поскольку процветают и осуществляют экспансию индивиды, его составляющие.

Принцип конкурентности может быть описан как борьба каждого с каждым. Подобные отношения могут казаться нам жестокими и безжалостными, но

они выглядят таковыми в контексте моральных императивов, то есть социальных закономерностей, в которых почти нет места чисто биологическим взаимодействиям. В дочеловеческой же природе конкурентность не только естественна, но и утилитарна, вне её невозможна эволюция форм жизнедеятельности, их развитие от низших форм к высшим. Поэтому "биологический альтруизм" односторонен и логически непродуктивен. Можно, в конце концов, подойти к вопросу с противоположной стороны, встать на позиции, с которых уже биологический тип взаимодействий будет представляться закономерным, единственно возможным и справедливым, и тогда уже устройство социальной жизни покажется нам жестоким и безжалостным, но с той разницей, что здесь противостоят не физиологические кондиции - масса тела, скорость и автоматизм реакций, а кондиции психические, интеллектуальные. Мир всеобщей социальной справедливости не менее утопичен, чем мир между волком и зайцем. Конечно, социальная этика не поощряет пожирание слабого сильным, но от этого слабых и проигравших не становится меньше, чем в пугающем наше воображение реликтовом лесу.

Особый статус гетеросексуальных отношений в ряду биологических функций определяется тем, что эти отношения, будучи квинтэссенцией биологической организации материи, осуществляющими её важнейший акт - производство жизни, в то же время, содержат в себе нарушение основных законов биологических взаимодействий - принципов конкурентности и автономности. Взаимодействующие в половом акте особи видят друг в друге не столько объект удовлетворения собственной потребности, сколько условие для её удовлетворения, не цель своей деятельности, а - возможность. Потребность удовлетворяется не за счёт другой особи, как во всех остальных случаях, не в конкурентном противостоянии за возможность получения противостоящего объекта, а путём кооперации, путём совместной обоюдодовыгодной деятельности.

Объективным выходом этой деятельности является производство потомства, которое служит целям воспроизводства вида. Но не этот результат мотивирует сексуальную деятельность, так как он может и не находить своё психическое отражение. Субъективно потребность воспринимается как освобождение специфического сексуального напряжения и, одновременно, в получении удовольствия от такого освобождения через совокупление.

Таким образом, межполовые отношения, с одной стороны, целиком и полностью регулируются генетическими механизмами и основаны на автоматизме отправления функции, с другой стороны, они отрицают биологическую автономность особи, делают её зависимой от особи противоположного пола и тем самым, на первый взгляд, ослабляют гарантированность воспроизводства вида. Но в реальности такого ослабления не происходит, так как обратной стороной зависимости является возможность разделения функций, их специализации и связанное с этим повышение качества их отправлений.

Таким образом, наличие качества гетеросексуальности - а это не просто одна из функций, а именно качество - является первичным необходимым основанием для формирования социальной системности, переходным мостиком от чисто биологической обусловленности к кооперативным, а впоследствии и к общественным отношениям. Теряя физиологическую автономность в одной, пусть и важнейшей, биологической функции, индивид вынужден вступать в равноправные отношения с другими индивидами, столь же субъектными, как и он сам, вынужден считаться с их интересами и поступаться частью своих. Эти отношения приобретают характер надбиологических, так как генетическая регуляция охватывает только их часть, и на её месте надстраиваются механизмы регуляции психической, которая проявляется в упорядочении взаимодействий путём создания поведенческих ритуальных структур.

Гетеросексуальность сама по себе ещё не является социальной формой взаимодействий, она целиком и полностью относится к биологическим формам жизнедеятельности, но гетеросексуальность, в то же время, является необходимым материальным условием для развития социальности, вне её никакие общественные формы невозможны в принципе.

Вернёмся к вопросу о том, почему сексуальные отношения при переходе от животного состояния к цивилизованному становятся запретными и формулируются в этическом сознании как низменные и постыдные. Мы уже говорили о возникающей на определённом историческом этапе приоритетности социального целеполагания перед целеполаганием биологическим. Развитие общественных форм жизнедеятельности выводит вид из сферы действия естественного отбора и выживание каждого отдельного индивида, независимо от его физиологической (биологической) адекватности, становится всё более гарантированным. Экспансия вида обогащается ещё одним важным параметром: вид начинает прогрессировать количественно.

Социальный запрет на открытость межполовых отношений формируется прежде всего через механизм запрета на инцест. Никаких биологических оснований для такого запрета нет (достаточно многочисленные попытки их найти так ни к чему и не привели, насколько мне известно). Но есть один очень важный социальный продукт, оправдывающий табуирование сексуальных проявлений: запрет упорядочивает сроки созревания индивида и резко удлиняет период детства. У дочеловеческих видов критерием созревания особи служит её биологическая автономность. Особь становится взрослой в тот момент, когда она оказывается способной полноценно защищать себя, добывать пищу и производить себе подобных, то есть - размножаться.

Человеческий индивид в процессе созревания должен достичь кондиций как биологической, так и социальной адекватности. Оба эти параметра тесно переплетены, но они не коррелируют друг с другом. Если темпы биологического созревания фиксированы и практически не меняются в сроки, сравнимые со сроками жизни одного поколения, то социальное

развитие лишено раз и навсегда заданных сроков и зависит, во-первых, от уровня развития социальных форм, их богатства, универсальности их влияния на жизнедеятельность отдельного индивида, во-вторых, - от существующих механизмов включения индивида в эти формы, от системы социального воспитания. Чем выше уровень цивилизованности общества, тем сложнее способы включения индивида в функционирование социальных механизмов и тем дольше развитие индивида в полноценно ангажированного члена сообщества.

Сроки социального развития индивида постоянно увеличиваются и всё больше обгоняют сроки развития биологического, в какой-то момент вступая с ними в противоречие: индивид уже достиг биологической зрелости и может жить биологически автономно, но он ещё не адекватен социально и включиться в общественные отношения как равноправная личность не способен. Это противоречие частично снимается подтягиванием генетического развития к социальному - биологическое развитие немного замедляется под давлением социальных факторов. Однако выравнивание этих двух процессов не происходит, разница продолжает увеличиваться, прежде всего из-за сопротивления основной биологической функции, производящей - сексуальности. Развитие сексуальности по тем или иным причинам не поддаётся пролонгации в той мере, в какой это возможно с другими функциями. Половая функция оформляется задолго до того, как человек становится полноценным биологически и, тем более, социально.

б

Выше я говорил о том, что только в человеческом сообществе межполовые отношения сакрализируются и выделяются в отдельную форму взаимодействий. Это не совсем верно. Тенденция к сакрализации складывается задолго до появления человеческого вида и в той или иной степени присутствует в любых формах стадной жизни, где есть зачатки надбиологических, кооперативных взаимодействий внутри вида. В таких сообществах складывается определённая иерархия отношений власти и подчинения. Обладающий максимальной властью вождь стаи или стада по праву первенства претендует на наиболее привлекательных самок. Половые отношения регламентируются страхом нижестоящих в иерархии самцов перед наказанием за нарушение первенства вожака. Это, несомненно, ограничивает и упорядочивает свободу проявлений сексуального поведения, что говорит об определённой социальной структуре отношений в рамках сообщества. Но не следует преувеличивать социальный момент в такой ситуации, так как в основе иерархических отношений здесь лежит физиологическое превосходство одной особи над другой и иерархия тут больше биологическая, нежели социальная. Речь здесь может идти не о сакрализации, а о возникновении определённой системы ритуального наполнения, способствующего реализации функции.

В прачеловеческом и человеческом сообществе та же иерархия, но она обусловлена не столько биологической, сколько социальной функциональностью, значимость биологических факторов падает.

В условиях, когда половое созревание обгоняет и общее биологическое и социальное развитие индивида, допущение его полового функционирования перекрывает возможности для его полноценного социального развития и фиксирует его функциональность на биологическом уровне. Малолетний половозрелый индивид, обретший способность производить потомство, теряет значительную часть мотивации к адаптации в социальных структурах и к развитию в социального индивида, в личность. Ранняя половая самоидентификация человека определяет специфическим образом поле жизнедеятельности индивида в окружающем его жизненном пространстве. Общественные закономерности для такого индивида теряют свою актуальность и значимость.

Человеческая сексуальность представляет собой чрезвычайно сложную структуру, лишь в малой степени управляющую биологическими взаимодействиями. Она пронизывает и, в определённой степени, скрепляет все разветвлённые и высокоструктурированные социальные контексты. Мне не известны какие-либо тексты этологов о ранней животной сексуальности, возможно, таких текстов нет вовсе. Подозреваю, что в животном мире даже на самых высоких ступенях исторической иерархии сексуальные ритуалы не представляют собой специфическую проблему, дающую пищу научному любопытству. Человеческий же младенец, с первых дней окутанный небιологическими отношениями - это, в первую очередь, язык и семейная структура, которую в данном контексте можно рассматривать как изоморфную структуре общества в целом, - сталкивается с сексуальностью именно как с проблемой. Ему приходится идентифицировать себя не только как особь женского или мужского рода, но и как социального оператора, изначально обременённого допустимыми в обществе социальными ролями женщины или мужчины.

Много копий сломано по поводу пресловутого эдипова комплекса, но едва ли можно представить подобную проблему в стаде бегемотов. Теория эдипова комплекса косвенно подтвердила, что ведущей компонентой человеческого развития является отнюдь не биологическая. Можно сколько угодно рассуждать о появлении сексуального влечения, обусловленного соответствующим инстинктом, в очень раннем возрасте, но проблема младенца заключается не в том, кто из его родителей, братьев или сестёр станет его первым сексуальным объектом - её-то он решит просто и естественно. Трудность на этом этапе возникает совсем иная: наличие запрета на сексуальные проявления вынуждает младенца перейти на качественно более высоко структурированный уровень взаимодействий - вместо простых диадных отношений он включается в сложные триадные. Эта новая ситуация надолго отодвигает биологические составляющие поведения на второй план и открывает возможности для длительного освоения социальных навыков.

Триадность, как основная качественная компонента человеческих отношений, как раз и вводит базовую составляющую социальных отношений - отсроченность, опосредованность взаимодействий. В любой ситуации перед

действующим субъектом открывается условный веер возможностей. Я говорю об условности выбора потому, что в реальности очень часто выбор объективно не представлен и ситуация развивается по своим собственным закономерностям, которые изменить нельзя. Но нам сейчас важно другое: восприятие внешней действительности как неставшей, как имеющей потенциально больше чем один вариант развития, относится не к этой внешней действительности, а является свойством нашего её восприятия, свойством нашего социально организованного мышления.

Ребёнок в эдипов период вступает в мир множественной реальности, где каждый объект, в зависимости от контекста, может являться восприятию и тем, и другим, и третьим. На этом основывается наше отношение к миру как к потенциально рукотворному, так как в отсутствие раз и навсегда заданных рамок мы можем произвольно менять наше отношение к объекту, манипулируя контекстами.

7

Но вернёмся к запрету инцеста. Изначально сексуальное влечение ребёнка не подвержено никакой социальной коррекции. Ребёнок ещё не знает что хорошо, а что плохо, в нём нет ни сформированных регламентов, ни осознанных целенаправленных желаний. Чего-то хочет или не хочет не личность ребёнка, которой, по существу, ещё нет, но его организм, и ребёнок не может бороться с этим не имеющим для него названия и не соотнесённым ни с какой оценочной шкалой желанием. Собственно, он даже не знает, что с ним надо бороться, его подавить, от него отказаться.

В этот конфликтный момент естественная интенция ребёнка сталкивается с социальными регламентациями. Здесь происходит первичная половая самоидентификация. Одновременно, происходит первая и самая крупная социализация биологического влечения: сексуальная мотивация поведения подвергается строжайшему запрету со стороны взрослых. Но запрет восходит к социальному табу, по отношению к которому и сами взрослые такие же подчинённые и бесправные объекты, как и их дети.

Общество можно рассматривать как некую иерархическую пирамиду социальных ролей, в рамках которой имеет возможность эволюционировать каждый индивид. Помимо биологических кондиций иерархичность включает в себя также и шкалу психических и поведенческих отличий. Сексуально полноценных, но ещё неадекватный социально индивид, получив статус автономной взрослой особи, не сумеет органично включиться в социальную иерархию, не сможет подчиниться её законам и, одновременно, извлечь из этого для себя выгоды. Он останется функционером только на биологическом уровне, а в системе социальных взаимодействий будет представлять собой деструктивный элемент. Результатом такого инвалидного развития оказывается исключение индивида в той или иной форме из общественных отношений, либо его насильственная - а потому и неполноценная - социализация через различные репрессивные воздействия.

И тот и другой выходы означают, в конечном итоге, потерю для вида, а в случае массовости подобных исходов - и его деградацию. Запрет инцеста,

как бы он ни отражался современным сознанием, имеет совершенно утилитарное назначение: повышение выживаемости как отдельного индивида, так и вида в целом. Иными словами, развитие индивида должно соответствовать уровню развития вида. Существующие на уровне вида в каждый данный момент социальные структуры должны подкрепляться индивидуальными формами жизнедеятельности.

Запрет на ранние проявления сексуальности не имеет достаточных оснований не только в глазах ребёнка, на которого он направлен, но и сами родители не отдают себе отчёт в том, что их действия продиктованы требованиями социальных структур, а не их собственной разумной волей или страхом перед предполагаемыми биологическими последствиями кровосмешения. Запрет формулируется императивным "нельзя" и закрепляется в сознании как не подвергаемая сомнению аксиома.

Таким образом, сексуальная полноценность ребёнка как бы консервируется вплоть до момента достижения социальной зрелости, когда индивид будет признан полноправным субъектом социума. Но к моменту достижения этого статуса сексуальная заторможенность не сохраняется в виде одного лишь запрета на инцест, но, как правило, иррадирует на всю область половых отношений. Ведь смысл запрета не заключён был только в нежелательности инцестуозных взаимодействий, он преследовал цель предупредить раннюю сексуальную активность. Поэтому недозволенность инцестуозных отношений постепенно распространяется на всю сексуальную сферу по мере включения индивида во всё новые социальные структуры и увеличения массы контактов с индивидами противоположного пола.

Когда внешние запреты наконец снимаются и достигнутая социальная адекватность уже позволяет ему сексуальную активность, возникает другая проблема: запреты тесно вплетены во внутреннюю мотивационную структуру индивида и представляют собой важнейший функциональный момент его личностной организации. Сила этих запретов заключена, прежде всего, в их изначальной немотивированности. Индивид не может преодолеть их ни путём логического осмысления, так как ему неизвестны в полной мере причины их возникновения; ни путём прямого сексуального действия, так как ему уже социально позволено такие действия совершать легально.

Здесь мы подходим к окончательным выводам о причинах и следствиях сакральности сексуальных отношений. Причины нам уже ясны, все они восходят к растущей приоритетности социального развития перед развитием биологическим. В этой же плоскости лежат и следствия: камуфлирование сексуальных отношений служит подкреплению этой приоритетности. Но такие выводы не отражают специфику именно сексуальных отношений в ряду прочих биологических, как переходных к социальным формам жизнедеятельности.

С одной стороны, сексуальность в значительно меньшей мере, чем другие биологические функции, поддается социализации, с другой же стороны, социализация сексуальности в большей степени необратима. Если человек, привычный к значительной предварительной обработке продуктов

питания, всё же может, в случае необходимости, перейти на потребление естественных необработанных продуктов, то вернуться к изначальной животной, доисторической функциональности в межполовых отношениях принципиально невозможно.

К социальным трансформациям сексуальности следует отнести, прежде всего, круглогодичную половую активность человека. На первый взгляд может показаться, что социальные отношения здесь ни при чём или играют в этих изменениях второстепенную роль, что связаны эти перемены с естественным биологическим развитием, лишь отчасти ускоренным развитием цивилизации. Но это не так. Прежде всего, обратим внимание на то, что изначальная целенаправленность функции ничуть не сузилась и даже, наоборот, расширилась. Любые другие виды, обитающие в естественноприродных условиях, могут зачинать и производить на свет потомство в строго определённые сроки в основном потому, что этому способствуют природно-климатические условия среды. Увеличение сроков половой активности было бы не оправдано, так как часть особей, родившихся в "неудобное" время была бы обречена на гибель, к тому же, вынашивание плода в такое время увеличивало бы степень риска и для самой родительской особи. Для человека эти сложности становятся всё менее и менее актуальными, он может и накормить и защитить себя в любое время года избыточно. Но это ещё не объясняет нам причин деформации, а только указывает на её необходимые материальные условия. Мы знаем почему она произошла но не знаем для чего, в чём её утилитарный смысл.

Вспомним об объективном и субъективном значении сексуальных отношений. С одной стороны, они служат интересам вида в целом, производству жизни. Но при этом каждый отдельный индивид, осуществляющий половой акт, вовсе не обязательно осознаёт такое его предназначение. Более того, производство жизни осуществляется независимо от психического развития особи и её социального статуса. Субъективно половая активность, как мы уже говорили, определяется необходимостью разрядки специфического физиологического напряжения, а также желанием получить опять же специфическое удовольствие в процессе и в результате такой разрядки.

В результате увеличения сроков половой активности интересы вида не стали удовлетворяться лучше, так как потомство, как и прежде, появляется на свет примерно раз в год (видовые интересы получили преимущество, но не в этом аспекте, а в повышении защищённости и комфортности жизнедеятельности, в том числе и связанных с производством потомства). Зато значительно изменилась субъективная сторона сексуальности. Отдельный индивид стал круглогодично испытывать неудовлетворённое напряжение и, соответственно, получать удовлетворение от его разрядки. Тем самым половые отношения стали занимать примерно равное положение с другими биологическими функциями, такими как, скажем, принятие пищи, в то время как у животных они представляют собой, пусть и важнейший, исключительно яркий, но всего лишь эпизод в их жизнедеятельности.

Человек становится постоянно вовлечённым в половые взаимодействия, сексуальность становится фактором его повседневности.

8

Теперь снова вернёмся к запрету инцеста и связанной с ним тотальной закрытостью сексуальности. Молодой, но уже взрослый индивид, получая статус самостоятельного полноправного субъекта, сталкивается со своей функциональной беспомощностью в области межполовых отношений. Принципиальные формальные запреты сняты, но остаются интернализированные строгие внутренние рамки, которые практически невозможно снять (в процессе развития они из внешних, привнесённых запретов превращаются в существенную часть личности индивида), их остаётся лишь раздвигать, пытаясь выработать компромисс между биологической автономностью и социальной зависимостью индивидуального поведения. Дело в том, что и внешний запрет полностью не снимается никогда. Половая функция весьма жёстко регламентируется социальными нормативами и сексуальная активность допускается в той мере, в какой она не противоречит функционированию социальных механизмов.

Молодой индивид, вступление в половые отношения которого социально одобрено, не только не может преодолеть стойкие немотивированные запреты в себе самом, но и сталкивается с точно такими же внутренними запретами у своих возможных партнёров противоположного пола. Таким образом, проблема преодоления и упрощается, так как есть обоюдное стремление к преодолению, и, одновременно, удваивается в силу того, что физиологический статус и связанное с ним оформление запрета отличны у особей противоположных полов. Простейшее решение вопроса путём перевода полового контакта в чисто биологическую плоскость также труднодостижимо, потому что такое решение предполагает уже преодоленность социального запрета, либо его изначальное отсутствие.

Решение проблемы лежит в парадоксальной плоскости: для преодоления социальных запретов нужна дальнейшая социализация биологической функции. Запреты снимаются путём ритуализации сексуального поведения. Биологическая функция в этом случае подвергается регламентации социальными нормативами, которые, с одной стороны, замещают инстинктивные структуры, а с другой - позволяют приспособить внешний запрет к конкретному взаимодействию конкретных индивидов.

Ритуальные игры, которыми постепенно обрастают межличностные гетеросексуальные взаимодействия, имеют самоценную значимость только с субъективной точки зрения. В более широком контексте их смысл заключается в создании и развитии иерархических отношений в сообществе. Похожий смысл мы можем видеть и в сексуальных ритуалах дочеловеческих видов. Разница состоит в том, что там иерархия выстраивается на преимущественно биологических основаниях, у человека - на преимущественно социальных.

Конечно, и человеческое поведение включает в себя всевозможные биологические детерминации, но они чаще бывают второстепенными,

побочными, не определяющими. Можно спорить о том, сколько в человеке животного, а сколько цивилизованного. Эти споры периодически возникают и в научной среде, но они обычно ни к чему не приводят, так как почти никогда не учитывается, что соотношение биологических и социальных начал нефиксированно, подвижно и находится в постоянном развитии. Мы в этом смысле можем говорить только о тенденции, которая, впрочем, вполне очевидна.

Приведём банальный пример. Животные самец и самка подбирают себе полового партнёра в основном по физиологическим признакам. Сюда входят и телесная полноценность, и сила, и повадки, и запах и ещё множество других подобных компонентов. Иерархические отношения - если они вообще обозначены у данного вида - играют заметную роль в выборе партнёра только на относительно высоком уровне развития. Но даже в этом случае вожак, имеющий право выбирать первым лучших самок, доказывал это право всё той же биологической адекватностью - силой, повадками...

Если мы посмотрим на ту же ситуацию в человеческом сообществе, то увидим, что такие же точно критерии отбора присутствуют и здесь, но они сплошь и рядом перекрываются другими критериями, социальными, такими как положение в обществе потенциального партнёра, его образованность, профессиональная успешность, богатство и тому подобными.

В каждом конкретном случае отношений индивидов противоположных полов ритуализация может происходить уникальным образом, но всегда в этом взаимодействии есть и общий момент. Он заключается в том, что снятие запрета осуществляется через выработку совместной социальной мотивации сексуальности (при обязательном наличии обоюдной биологической мотивации). Это означает, что сексуальность из субъективного плана переходит в объективный, то есть, индивидуальная интенция к действию включается органичным элементом в социальную практику и из частного побуждения превращается в момент общесоциальных взаимодействий. Фактически, в подобных ситуациях, когда двое ищут взаимоприемлемый компромисс, в отношения вторгается третий участник. Чтобы прийти к соглашению надо соизмерить две антагонистические точки зрения и, найдя их взаимонеприемлемыми, найти третью, которая будет означать потерю обеими сторонами части своей автономности, но при этом даст возможность полноценно или частично выполнить задачу, к которой стремятся оба субъекта. Третий участник - это язык в самом широком понимании этого понятия. Он является инструментом компромисса, но он же обладает своей собственной автономностью и не принадлежит ни одному из участников. В этом смысле можно говорить о том, что язык сам является субъектом, активно влияющим на строительство взаимодействий. При этом и язык есть результат компромисса и его автономность зависит от его конвенциональности.

Социальный запрет снимается потому, что он из немотивированного, статичного становится подвижным, начинает включать в себя общественный

норматив и таким образом превращается в осознанный, допускающий действия в рамках известных субъекту правил.

И опять обратим внимание на различия в субъективном и объективном значениях социализации сексуальности. Преодолевая тотальный запрет на сексуальность, каждый взятый в отдельности индивид преследует свои собственные интересы. Для него цель разрешения этого конфликта заключена в достижении биологической автономности, в растормаживании и задействовании в жизнедеятельности сексуального инстинкта. Достижение этой цели опосредовано обязательным компромиссом. Чтобы удовлетворить свою потребность он вынужден внести в свою цель значительные коррективы, обогатить её связью с социальными контекстами. Таким компромиссным дополнением может быть формулирование желания создать семью, воспитывать потомство, но могут быть и другие варианты мотивации. В любом случае, даже если индивид явно декларирует только свою биологическую потребность, он почти всегда вынужден вступать со своим партнёром в те или иные вербальные взаимодействия, а уж вербальность никак не отнести к биологическим функциям.

Социальные ритуальные взаимодействия в тех или иных формах присутствуют в любых межполовых взаимодействиях, избежать социализации половой функции невозможно. Но будем иметь в виду, что социализации подвергается не одна лишь эта функция, но индивид в целом, его ценностно-этические ориентации, поведение, реактивность, целеполагание и т.п. прежде чем вступить в половой контакт на биологическом уровне, индивид участвует в общении, в контактах социальных, причём, и продолжительность и интенсивность последних обычно многократно превосходит продолжительность непосредственного удовлетворения потребности. Можно говорить о социобиологическом сценарии сексуального поведения, о том, что витальная потребность обогащается социальными контекстами, меняется при этом качественно и в конце концов начинает представлять собой сложный конгломерат различных неразделимых составляющих, из которого уже невозможно вычленивать в чистом виде отдельные первоначальные основания, так как они перестали существовать вне этого конгломерата.

Индивид, добиваясь возможности удовлетворения биологической потребности, становится индивидом социальным. Потребность удовлетворяется через свою противоположность, парадоксальным образом, путём редукции иницирующего её биологического начала. Основная цель отодвигается и на этом месте образуется последовательность промежуточных целей, которые оформляются в систему ритуалов, создающих контекст безопасности для достижения основной цели.

Одновременно происходит и более обширный процесс. Выработка околосексуальных ритуалов распространяется постепенно на все сферы жизнедеятельности, так как сексуальные взаимодействия становятся, в некотором смысле синонимом взаимодействий как таковых. Дело в том, что до определённого момента исторического развития межполовые отношения

остаются единственной областью индивидуальной реализации, где требование кооперативности, взаимодействия с другим индивидом на паритетной основе непреложно.

Любая особь, даже самого развитого вида, пусть и с некоторыми потерями, но может прокормить и защитить себя самостоятельно, вне всяких отношений с другими особями этого же вида. Но ни одна из особей не может в одиночку зачать и произвести потомство. Поэтому сексуальные взаимодействия изначально являются материальной основой социальности, единственной устойчивой базой её развития. Они провоцируют надбиологическое сообщение индивидов, стимулируют их психическое развитие, способность к продуктивному содействию, к решению возникающих противоречий вне генетических регламентов. Они снимают принцип автономности каждого отдельного индивида, и тем самым инициируют создание способов сохранения и накопления онтогенетической информации, придание им свойств общезначимости, общедоступности.

Мы уже описывали иррадиацию инцестуозного запрета на все межполовые взаимодействия. Точно так же и ритуализация сексуальных действий распространяется на все формы жизнедеятельности. В процессе развития ритуал оформляется в самостоятельный социальный организм, отчуждается от сексуальности и в каждом отдельном случае развивается самостоятельно. Первоначальная сексуальная направленность ритуала утрачивается, снимается, его целенаправленность изменяется. В момент своего зарождения околосексуальный ритуал имеет универсальный характер, но впоследствии его целостность раздробляется и от него отпочковываются всевозможные специализированные ритуалы, обслуживающие и упорядочивающие отдельные специфические формы жизнедеятельности, порой очень далёкие от сексуальности. Примером может служить ритуал пожатия руки при встрече, который изначально регулировал отношения между сексуальными соперниками. Остаточное значение сохранилось в восточнославянских культурах, где до сих пор не принято пожимать руку женщине.

Таким образом, ритуал из средства удовлетворения потребности превращается в средство и цель одновременно, так как его раздробление и обогащение обогащает также и самоё жизнедеятельность, даёт возможность удовлетворения всё более частных потребностей. Иерархия особей в рамках одного вида постепенно дополняется иерархией потребностей и способов их удовлетворения. Эта вторая иерархия в процессе своего развития интегрируется в самостоятельную систему взаимодействий, но уже не индивидов непосредственно между собой, а индивидов через посредство инструментов и информационных значений, а в дальнейшем - и самих этих инструментов и значений вне их отношения к отдельным индивидам, вне зависимости от них.

Последнее есть социальность в чистом виде, та социальность, которая уже не имеет обратной связи с индивидуальными потребностями и их удовлетворением, которую я в начале этой работы назвал социальным

генотипом, генотипом наизнанку, имеющим для человека то же жёстко регламентирующее значение, что и генотип биологический. Эта система начинает оформляться как самоценная, самодостаточная и самодвижущаяся. Целью её развития является уже не человек, а она сама, её собственные разветвлённые потребности, которые со временем всё чаще вступают в непримиримое и неразрешимое противоречие с интересами человека и как индивида, и как вида.

9

Сексуальные отношения, их ритуализация, положили начало, с одной стороны, тотальной социализации индивида, с другой - становлению и развитию самой социальной системности. Изначально индивид был и субъектом и целью своего развития. Социальные отношения закрепляли численность вида, его растущую экспансию и способствовали повышению жизненного уровня, так как избавляли человека от непосредственного биологического (материального) противостояния всей остальной природе. Именно материальная сторона социальных отношений, их инструментальность, предметность были абсолютным благом для человека, который через возникшее общественное материальное производство стал опосредованно воздействовать на природу, избегая необходимости в поисках удовлетворения своих витальных потребностей каждый раз рисковать своим телом, своей жизнью.

Но этому этапу развития цивилизации предшествовала длительная эволюция биологического типа системности, которая привела в конце концов к революционной смене полярности взаимодействий, к переходу от примата биологичности к социальным формам детерминации. В этом контексте (и только в этом) можно утверждать, что первичным был не материальный фактор, а идеальный, так как вне развитой системы надбиологических социальных взаимодействий совместное материальное производство невозможно и никакое количественное увеличение и совершенствование биологической функциональности не могло привести к инструментальному отношению индивида к объекту своей деятельности. Только возникновение ритуального, а впоследствии и знакового сообщения индивидов между собой создало предпосылки к появлению и развитию материальной предметной сферы социально организованной жизнедеятельности вида.

Сексуальность и лежащая в её основе межполовая асимметрия внутри вида первоначально дали толчок к переходу от биологического принципа автономности каждого отдельного индивида к более высоко организованному принципу кооперативности. Это утверждение вполне естественно может вести к выводу о глобальной роли сексуальных отношений в развитии цивилизации вообще, к выводу о том, что сексуальность есть краеугольный камень и движущая сила исторического процесса. Однако, на мой взгляд такие выводы неверны в принципе. Ошибка здесь заключена в том, что, рассуждая подобным образом, мы пренебрегаем логическими принципами развития. Один, пусть крайне важный и показательный момент переоценивается и экстраполируется в неизменном

виде на всё последующее историческое движение. Это омертвляет реальный процесс, выхолащивает его и достигнутая таким образом картина мира оказывается статичной и неполноценной.

Особенное значение сексуальной функции заключено не в ней самой, а в том, что она, в силу своей исторически сложившейся специфичности, стала материальным носителем процесса перехода живой природы из одного качества в другое, стала его передаточным звеном. Сразу же, как только переход совершился, приобрёл свойства ведущей функции исторического развития, сексуальность стала терять свой исключительный статус и приближаться к положению одного из рядовых свойств живых организмов. Она тоже изменила свою качественную направленность, но уже никогда с тех пор не находилась на острие главного противоречия эволюционных процессов. Её значимость постепенно угасала вместе с напряжённостью самого этого противоречия, которое теряло актуальность, уступая место новому историческому противостоянию более высокого уровня. Поэтому представляются наивными попытки придания сексуальности особенного тайного или мистического смысла. Они нисколько не проясняют вопрос, скорее наоборот, выводят его из сферы научного внимания.

10

Для адекватной оценки современного состояния сферы сексуальных отношений как биолого-социальной функции необходимо не выделять её в отдельный, самостоятельный объект изучения, но, наоборот, как можно более широко включать её в общий контекст развития социума, выявлять связи сексуальности с механизмами общественного функционирования, которые в настоящее время и определяют роль и значимость сексуальных отношений в сложной и разветвлённой иерархии тенденций и направлений современного общества. Необходимо выводить её специфику не из неё самой, но из её связей с внешними феноменами как социального, так и биологического порядка, которые и определяют её реальный статус и перспективы дальнейшего развития.

В момент перемены полярности противоречия и возникновения нового качества развития (этот период мы называем условно, он мог длиться и тысячи лет) сексуальная функция инициировала надбиологические кооперативные взаимодействия, которые в течение долгого времени не имели собственной системности и носили эротический характер. Попутно примем предположение, что этот этап развития социальности был построен на матриархальной иерархии отношений (тема и размеры данного текста не позволяют рассмотреть этот вопрос подробно).

Если в начале этого периода социальная регламентированность регулирует только сексуальные взаимодействия, то в дальнейшем ритуальность постепенно распространяется на все сферы жизнедеятельности, всё более далёкие от межполовых отношений. Она растёт и количественно и качественно, она начинает производить сами формы жизнедеятельности, которые, будучи порождёнными вне биологических регламентов, изначально имеют социальную ориентацию. Накопление таких форм приводит в

конечном итоге к интеграции их в специфическую систему взаимодействий, которая относится к подобной ей биологической системе как к внешней, вступает с ней в динамическое противоречие.

С этого момента начинается развитие цивилизации, статус гуманоидности становится необратимым. С этого же момента сексуальность перестаёт быть абсолютной функцией, порождающей социальность. Она постепенно меняет свои формы, превращается во второстепенный фактор эволюции, так как социальность приобретает свойство саморазвития. Меняется сфера её влияния. Если до сих пор сексуальные взаимодействия определяли развитие живой материи в целом, то теперь это глобальное значение сужается и регламентация распространяется только на отношения индивида и социума. Это происходит потому, что социум, обретая собственную системность, теряет непосредственную связь с биологической организованностью жизни, генетические законы становятся внеположными по отношению к социальности, а носителем биологических закономерностей становится в большей мере индивид, чем вид в целом, так как видовая самодостаточность определяется не столько его биологической, сколько социальной организованностью. Связь социальности с биологическими закономерностями осуществляется через индивида, вид же, как целостное природное образование, становится пассивным по отношению к социальной системности.

Вид может продуктивно противостоять только другому такому же виду. Социальность таковым не является, она организована по совершенно иным правилам и представляет собой уже не антагонистическую по отношению к виду единицу, а надстройку над ним, ему не противостоящую, но его снимающую.

Ограничение сексуальных взаимодействий рамками отношения индивид-социум ведёт к их интенсификации, так как освобождает их от неспецифических функций переходного периода. По всей видимости, именно с этим связано окончательное закрепление круглогодичной половой активности человека. Здесь происходит своеобразный возврат к изначальному состоянию. Так как межполовые отношения перестают явно играть консолидирующую общество и определяющую его статус роль, они становятся частными, мединдивидуальными. Но полного возврата нет, так как сексуальность уже перестала быть функцией, ограниченной только производством жизни. Вовлечённый в половые взаимодействия постоянно индивид, независимо от того, как он осознаёт и оценивает эту свою деятельность, занимается не столько производством жизни, сколько производством отношений, а в конечном итоге - производством социальности. Околосексуальные ритуалы не только упорядочивают на социальной основе межполовые связи, не только ограничивают их и, фактически, выхолащивают, лишая их изначальной биологической целесообразности, но и позволяют индивиду полноценно функционировать в рамках социума, дополнять свой статус биологического организма качеством личности.

Переход вида в цивилизованное состояние имеет результатом возникновение тенденции к абсолютной экспансии по отношению ко всей остальной живой природе. Человеку не может противостоять ни один другой биологический вид. Это означает исключение человека из сферы регуляции его жизнедеятельности механизмами естественного отбора и, как следствие, появление некоторых деформаций в биологической эволюции вида.

Невыбраковка физиологически неполноценных особей приводит к определённой деградации, к потере уровня выживаемости каждого отдельного индивида в условиях естественноприродной среды. Но деградация избыточно компенсируется развивающейся ускоренно средой искусственной, так называемой второй природой. Эту ускоренность следует рассматривать не только применительно к данной ситуации, но и относительно любых биологических эволюционных процессов. Рост и продуктивность экспансии человека определяется прежде всего этим. Но её осуществление следует относить не к виду в целом, а только к его ускоряющейся функции - социальности и порождаемому ею материальному инструментальному миру.

Социальное не столько подавляет в человеке биологическое, сколько обгоняет его, делая биологическую функциональность малоэффективной, заменяя её новыми специфическими механизмами. Человеку становятся ненужными острота зрения, слуха, физическая выносливость и другие подобные качества. Биологическое вырождение вида, безусловно, происходит, но этим вполне можно пренебречь, так как абсолютные показатели этого процесса многократно уступают относительным. Вид в целом, обогащённый социальными преимуществами, интенсивно развивается. Поэтому правильнее говорить не о деградации, а о переориентации вида, о смене полярности направления его развития. Такая ситуация логически ведёт, в тенденции, к новому качественному изменению в развитии вида, к полному замещению биологической регламентации жизнедеятельности регламентацией социальной. (К этой последней я отношу не только и не столько гуманитарные формы регулирования, сколько материальные инструментальные следствия цивилизации - медицину, строительство, транспорт, энергетику и т.д.)

Длительное преобладание одной из парных, дополнительных функций в какой-то момент омертвляет другую, превращает её в малопродуктивный излишек, тормозящий дальнейшую эволюцию. Однако в реальности этот процесс не может воплотиться до конца, прежде всего потому, что единственным (и единственно возможным) материальным носителем функциональности человека - и биологической и социальной - является его собственное тело, которое только в очень узких пределах позволяет инструментальное к себе отношение. Оно навсегда останется самоценным для личности, так как сама по себе личностная организация индивида строилась как дополнительная к организации биологической. Можно предположить, что личность, как социальная эманация, способна в перспективе существовать вне биологического тела, на каких-либо иных

основаниях, но в этом случае мы будем говорить уже не о виде человек, а о какой-то другой форме существования, пока неизвестной. Но уже никогда телесность не будет ведущей функцией индивида, так как никогда биологическое развитие не догонит и, уж тем более, не превзойдёт развитие социальное. Поэтому человек обречён на постоянно прогрессирующее отставание своей биологической сущности от своей же сущности социальной.

В этом ракурсе отчётливо видна эволюция сексуальной функции. Основная её роль заключается в преодолении этого отставания на индивидуальном уровне. Ни одна другая биологическая функция не способна сколько-нибудь значительно его компенсировать.

11

Я уже говорил о том, что особь в дочеловеческом состоянии только через половую асимметрию может преодолеть биологический принцип автономности и перейти к кооперативности. Вне межполовых взаимодействий она целиком и полностью самодостаточна и особи одного вида удерживает вместе только идентичность их индивидуальных отношений с окружающей средой. Такую совместную жизнедеятельность можно назвать псевдосоциальной, так как в ней наличие внешних признаков социума не подкреплено функционально обусловленной кооперативностью.

Точно такое же явление, но с обратным знаком, мы можем наблюдать в цивилизованном сообществе, встречая социально высокоадаптированных индивидов, жизнедеятельность которых полностью выстроена на принципах кооперативности. Формально они остаются биологическими особями, но биологическая функциональность в них настолько редуцирована, что, по сути, они таковыми уже не являются. Смысл и цель их жизни исчерпываются отправлением только социальных функций. Рассмотрим это подробнее.

Современный социум даёт индивиду возможность удовлетворять свои витальные потребности, не вступая при этом ни в какие межиндивидуальные биологические контакты. Разумеется, такой индивид не может избежать контактов с другими индивидами вообще, но он может выступать в них в роли только лишь социального оператора. Он перестаёт в этом случае выглядеть для своих партнёров индивидуумом, обладающим уникальными биологическими особенностями, перестаёт быть автономным субъектом своей деятельности. Витальные потребности он может удовлетворять как социальное существо, то есть - анонимно.

Между индивидом и его потребностью, между индивидом и другими индивидами стоит нечто, регулирующее деятельность индивида, его контакты с себе подобными, его потребности и даже его мировоззренческую ориентацию. Этим нечто выступают неперсонифицированные социальные закономерности, которые материально проявляются то как юридические, политические или экономические правила и запреты, то как транспортная пробка или вызвавшая волнение телепрограмма, то как и вовсе незаметные бытовые мелочи, создающие определённый жизненный фон и никогда не

ассоциирующиеся с социальными механизмами, хотя в реальности напрямую с ними связанные.

Социум становится абсолютным посредником между индивидом и всем остальным миром, посредником, гарантирующим определённый жизненный стандарт, но взамен отнимающим у индивида его биологическую автономность. Чем выше гарантии, тем уже сфера выбора, степень индивидуальной свободы. Логически продолжая эту тенденцию, нетрудно представить себе некую утопию, где индивид может удовлетворить любую свою потребность, вплоть до мельчайших, не прилагая для этого никаких усилий, не совершая никаких действий, но при этом удовлетворение окажется полностью вынужденным, его возможность заблаговременной и гарантированно избыточной, а индивид будет лишён всякой возможности желать непредусмотренного, неучтённого, и этим - возможности реализовать себя уникально, автономно.

В этом, собственно, и заключалась великая мечта человечества об "обществе всеобщей справедливости". Рождение такой фантазии оправдывает только то, что в те времена, когда она вынашивалась и формировалась, составляющие её негативные тенденции находились в зачаточном состоянии и были совсем не очевидными. Очень многие великие социальные мыслители, от Платона до Маркса, переоценивали и возможность и необходимость полной социальной адаптации индивида в условиях абсолютной социализации вида.

Однако, неверно было бы прогнозировать историческое развитие именно таким образом. Никакие, даже самые яркие и очевидные тенденции не достигают своего полного развития. Эволюционный процесс всегда и обязательно прерывается возникновением нового антагонистического качества, нового противоречия. По крайней мере, до сих пор было так, и у нас пока нет оснований предполагать в будущем кардинальные перемены мировой схематики.

12

В философской литературе разных направлений достаточно подробно обсуждался вопрос об отчуждении работника от продукта своего труда. Гораздо меньше внимания уделялось другой форме отчуждения межличностной. Этой темой интересовались, в основном, социологи и социальные публицисты.

Проблемы отчуждения в науке дробятся на множество различных и практически не связанных между собой тем. Однако все виды отчуждения имеют под собой единое основание, вне связи с которым невозможно адекватное отражение частных видов в рамках единой научной концепции. Этим единым основанием, по моему мнению, является отчуждение биологических форм жизни от форм социальных. Относительно ускоренное развитие социальности неизбежно ведёт к её примату над любыми биологическими проявлениями. Если в начале человеческой истории эти две тенденции количественно были достаточно уравновешены, а фактор большей интенсивности социальной системности компенсировался

экстенсивной распространённостью биологической и был объективным благом, так как не подавлял биологическую системность, а дополнял её, давал человеку преимущества, не сравнимые с его потерями от такой неравномерности и разноускоренности обеих полярных тенденций, то в настоящее время ситуация складывается обратным образом: убытки либо вполне сравнимы с прибылями, либо заметно их превышают.

Пределы возможной социализации человеческого индивида уже практически достигнуты. Эти пределы определяются возможностями биологической системы отдельного индивида, системы, осуществляющей конкретные процессы восприятия, хранения и обработки информации, а также регулирующей на основании этих процессов жизнедеятельность. Человек как материальный носитель информационных процессов уже сейчас во многих видах деятельности не может конкурировать с новыми материальными носителями небиологической природы, рождёнными не эволюционным развитием, а революционно. Субъектом этих качественных перемен является не биологическая системность и не человек, а социум. И нет никаких оснований надеяться на благоприятное изменение ситуации, на то, что человек сможет сохранить контрольную и управленческую функции по отношению как к развитию материальных информационных процессов, так и к развитию социума в целом.

Подобные теоретические экскурсы в общие проблемы могут показаться не имеющими отношения к данной работе. Прямого отношения - действительно не имеют, но развитие сексуальности происходит на фоне именно таких глобальных процессов, которые в тех или иных формах оказывают императивное воздействие на любые проявления жизнедеятельности, от самых общих до самых частных. Поэтому, вырывая проблему сексуальности из контекста всеобщего развития, сужая тему до исследования полового акта и его нарушений или рассматривая сексуальность только в ракурсе воспроизводства вида, мы будем изучать либо её медицинский аспект, либо психологический, или какой-нибудь ещё, но только не философский.

Мы уже определили, что через сексуальность осуществляется связь между биологической и социальной формами движения материи, сексуальность делает их взаимообусловленными. В сексуальности, как мы видели, изначально заложена двойственность, противоречивость. Ни одна другая биологическая функция этим свойством в достаточной мере не обладает, в достаточной для того, чтобы служить провокацией качественного скачка в развитии природы. Чтобы это понять, нам нужно отмежеваться от наших собственных субъективных, личностных, заинтересованных суждений о половом вопросе и рассуждать не о сексе и нашем к нему отношении, а о сексуальности в самом абстрактном её понимании, видеть в сексуальности прежде всего функцию, сводящую две противоположные закономерности - биологическую и социальную - в единство динамического противоречия. В этом смысле сексуальность не имеет никакого самостоятельного бытия и в каждый данный момент служит воплощением конкретного уровня

приоритетности одной закономерности перед другой, объективным критерием соотнесённости частей этого подвижного взаимодействия.

13

Мы уже описывали роль сексуальности в социализации мотивации индивидуальной жизнедеятельности. Через околосексуальные ритуалы индивид включается в систему общественных взаимодействий, становится её элементом и оператором и, одновременно, в процессе поисков оптимальной личностной включённости тем самым и создаёт эту систему, конструирует её, дополняет, обогащает своим вкладом. Проще говоря, через сексуальность индивид осваивает социальность, сопоставляет материальное биологическое и идеальное социальное начала, находит результирующий компромисс этой противоположности в создании собственной личности, комплексной социобиологической частной системы.

Этот результат большей частью не есть следствие целенаправленных и осмысленных поползновений индивида, но - следствие его присутствия в движущемся, разворачивающемся мире, так как осознанность и целенаправленность могут быть свойством уже-личности, но, едва ли, свойством неоформившегося нечто, каковым человек является на свет, имеющим только потенциальные возможности, актуально зависящие целиком и полностью от окружения (разумеется, речь идёт только о социальных кондициях). Обретение собственного Я и оформление личности есть в значительной степени тавтология, два разных ракурса в оценке одного и того же предмета.

Человек приобретает свойство субъектности тогда, когда его вид становится внутренне противоречивым. Сама по себе субъектность - это возможность в определённых ситуациях поступать так или иначе, то есть решать то, как будет развиваться ситуация. На личностном уровне это означает ещё и ответственность за свой выбор. Максимальных значений свойство субъектности достигает тогда, когда обе стороны противоречия становятся одинаково эффективными. В этот момент ситуация представляет собой неустойчивое равновесие и любой выбор в пользу одной или другой тенденции может изменить историческое развитие в глобальном масштабе. (Конечно, это утрированное представление). В нашем случае новая тенденция, социальность, преодолела состояние паритетности в свою пользу и стала развиваться ускоренно. В результате человечество получило те преимущества, которые представлялись желательными. Но на этом развитие не остановилось, тенденция продолжала своё становление как доминирующее начало. Если раньше целью такого развития представлялось развитие вида - носителя противоречия, то теперь, когда противоречие уже почти снято, становится понятным, что в дальнейшем, при возникновении нового движущего противоречия, человечество будет участвовать в историческом развитии в качестве статиста, а не в качестве носителя противоречия.

Ритуализация жизнедеятельности по-прежнему остаётся фактором конструирования социальности, но в условиях, когда социум развивается в

основном за счёт собственной внутренней напряжённости, этот фактор становится второстепенным, побочным. Имеет место прямо противоположный процесс: ритуализация жизнедеятельности превращается в способ защиты индивидов и групп индивидов от полной, тотальной регламентации жизнедеятельности социумом, от абсолютного примата социальной функциональности над биологической.

Тотальная социализация индивида приводит к невозможности любых социально не одобренных межличностных, межиндивидуальных взаимодействий. Утрачивая полностью свою биологическую (не физиологическую!) автономность, становясь однополюсным только социально ориентированным функционером, человек, одновременно, перестаёт быть и личностью - самостоятельной субъектной единицей. Он растворяется в социальной функциональности, и сам начинает представлять собой элемент этой и только этой функциональности, анонимную составляющую социума.

Общий процесс отчуждения завершается на максимально конкретном уровне отчуждением биологической составляющей индивида от социальной, разрушением его личностной целостности и, одновременно, утратой возможности сообщения с себе подобными вне социального контекста. Но и такое возможное развитие представляется вполне утопичным, опять же в силу того, что никакие тенденции никогда не реализуются в чистом виде. Здесь снова решающее значение будет иметь сексуальная функция. В момент становления социальных форм сексуальность была единственной функцией, которая объединяла два противоположных принципа - биологической автономности и социальной кооперативности. Более того, для её реализации необходимым было осуществление одновременно обоих. В описанной выше ситуации противоречие сменило субъект-объектную полярность, но его элементы остались теми же, изменилось только их взаиморасположение. Поэтому и функция сексуальности остаётся той же: материальное опосредование двух закономерностей. Меняется направленность функции, она из прогрессирующей в контексте общего развития превращается в деградирующую. Социальное развитие, в силу своей относительной ускоренности и её материальной подкреплённости результатами саморазвития, необратимо и поэтому отсутствует принципиальная возможность возвращения биологической функциональности на новом эволюционном витке значения субъектности.

Однако есть другая гипотетическая возможность: отторжение биологической функциональности в самостоятельную системность в рамках развития цивилизации, её самоконсервация. В этом случае она окончательно потеряет значение одного из факторов развития, но при этом не подвергнется полному уничтожению, так как будет существовать как параллельная маргинальная системность в рамках социальности. Таким образом, сексуальность превращается в двигатель охранного регрессивного процесса.

Расширение запрета инцестуозных отношений до запрета сексуальности вообще идёт одновременно с оформлением этого запрета в систему этических нормативов. Можно даже предположить, что первые вербальные проявления человека, зарождение второй сигнальной системы связаны не столько с трудовыми процессами и формированием инструментального отношения к миру, сколько с этим запретом, поскольку трудовая деятельность предполагает своей основой уже сложившийся принцип кооперативности, который, как мы видели, невозможен вне ритуализации сексуальных взаимодействий и вне распространённости ритуалов, регулирующих сексуальные отношения.

Мораль всегда в формальном отношении носит императивно-запретительный характер. Любой поведенческий образец декларирует потенциальное свойство, достижение которого предполагается возможным только через преодоление актуально существующей реальности, которая этим свойством заведомо не обладает. В этом заключается и основное отличие нормативной функции в поведении человека от такой же функции любых других биологических видов, где поведенческие реакции закрепляют существующую систему отношений и не предполагают никакого развития. То есть, на этом уровне морали как таковой нет и она невозможна, потому что поведенческие механизмы не прогностичны, нормой в них является то, что уже есть, уже существует, а не то, что может или должно быть. Это объясняется опять-таки непреодолимостью биологических, генетических оснований жизнедеятельности у дочеловеческих видов.

Первоначальное оформление морали происходит как возникновение запретов, распространяемых на сферу межполовых взаимодействий. В дальнейшем система моральных нормативов разветвляется и распространяется на все виды жизнедеятельности, и, в силу множественности опосредований становится неочевидной изоморфная связь каждого и всякого морального постулата с его первоначальным основанием, с сексуальностью. Но такая связь всегда существует. Она заключается не в том, что каждое поведенческое действие человека в конечном итоге сводится к межполовым взаимодействиям, а в наличии функционального единства всех видов деятельности.

Повторюсь, запрет инцеста на субъективном уровне никак не мотивирован. У него нет никаких логических оснований, и в индивидуальном сознании он отражается как некоторая внешняя по отношению к жизнедеятельности индивида аксиома, которой он вынужден подчиняться независимо от своих желаний и потребностей. Поэтому запрет реализуется по форме сходно с генотипическими регламентами. Но мы уже видели, что запрет имеет совершенно другие, неочевидные цели - через него вводится нарушение принципа биологической автономности, так как он предполагает не прямое, отсроченное, опосредованное удовлетворение потребности и тем самым служит строительству социального контекста взаимодействий. Можно предположить, что, расширяясь и распространяясь на всю сферу межполовых взаимодействий, запрет приобретает личностную мотивацию, становится

логически понятным, так как одновременно с этим развиваются социально иерархизированные формы отношений и их вербальное отражение в языковых, а в последствии и в теоретических формах. Однако этого не происходит, если не считать достаточными ложные рационализации этического, религиозного или юридического характера.

В любых, вплоть до современных, этических системах присутствует конструкция множественного табуирования сексуальной активности по возрастным половым или культурным мотивам, которая существует в виде некоей само собой разумеющейся данности, изначально до всякой систематики всем понятной и потому не требующей никакого специального обоснования. Наличие и актуальность такой конструкции в немотивированной или недостаточно мотивированной форме указывает на то, что запрещаемая сфера отношений постоянно присутствует в психологическом контексте индивидов.

Фактически, сексуальная окрашенность поведения и есть та актуальная реальность, которая требует своего преодоления для достижения потенциально возможных, но гипотетических образцов поведения, сформулированных в этической системе как высокоморальные. В обыденном сознании эта проблема отражается в декларируемом достаточно часто отношении к сексуальности как к животным проявлениям, постыдным и осуждаемым. Это же относится и ко всем другим витальным проявлениям, но сексуальность, в силу своей особой значимости, порицается моралью более строго и явно. Парадоксальность такого осуждения тем более понятна, если учесть, что сексуальность в тех или иных формах неизбежно присутствует в жизни каждого индивида, независимо от того, насколько нетерпимы к её проявлениям его теоретические убеждения. Возникает естественный вопрос: для чего человек отрицает то, что заведомо не подлежит его контролю?

Но нелогичность здесь кажущаяся и ответ вполне очевиден. Он заключён в соотносённости приоритетов развития социальных и биологических форм развития. Примат социальности в общественном сознании (в индивидуальном его присутствии необязательно) носит утилитарный характер и поэтому социально опосредованное целеполагание одобряется моралью и предполагает соответствующее одобрение только тех сторон жизнедеятельности индивида, которые подтверждают эту утилитарность. Мораль и возникает и развивается как общественная, небиологическая форма отражения, поэтому она по определению не может быть объективной и представлять социальные и биологические тенденции как равноправные и равнозначимые в развитии. Биологические формы жизнедеятельности будут терпимы до тех пор, пока они не будут противоречить реализации социальных закономерностей.

Сексуальность не исчезает в морали полностью. Рассуждая об отсутствии мотивированности запрета, следует разделить проблему. Запрет немотивирован, если вопрос стоит так: почему запрет возник? Но зато есть достаточная мотивация относительно целей запрета, то есть - для чего он нужен? (речь, разумеется, идёт не о мотивации, присутствующей в

обыденном сознании) сексуальность в этических формах сознания никогда не запрещается полностью, как таковая. Запрещаются лишь те её формы, которые уходят корнями в биологическую функциональность (исключение составляет всё, что связано с детородной функцией), запрещается то, что принято называть сексом, физиологическая сторона половых взаимоотношений. Но запрет был бы недействительным и он вообще вряд ли возник бы, если бы табуируемый физиологический аспект не был в морали компенсирован соответствующим увеличением противоположного. Кроме негативного императива в морали есть и позитивный образец, так называемая "любовь в высоком смысле".

Понятие любви выводит сексуальность из плоскости непосредственных физических контактов в более абстрактный контекст психологических взаимодействий, опосредованных прежде всего социальными знаковыми и ритуальными смыслами. Сексуальность перестаёт быть формой удовлетворения только витальных потребностей индивида, она становится важнейшим средством межиндивидуального общения и, одновременно, стимулом к усвоению социальных закономерностей. Сексуальная функция приобретает форму противоречия, так как уже ни одна из альтернативных форм отправления функции - физиологическая или психологическая - в отдельности не удовлетворяет потребность полноценно.

В этическом сознании это разделение не представлено, и понятие любви определяется индуктивно, как некий нерасчленимый ценностно-этический комплекс, не имеющий мотивации и существующий в форме аксиоматического императива, предполагающий не рефлексирование, не анализ, а действие, направленное на стремление к достижению образца. Понятие любви получает значение критерия жизнедеятельности индивида и личностной ориентации сознания.

В объективном смысле понятие любви присутствует как некоторая культурная фикция. Этот своеобразный ноумен декларируется как адекватная и сверхадекватная замена запрещённого физиологического сексуального совокупления, как единственная цель межполовых взаимодействий. Конечно, секс присутствует и в этой образцовой норме, но, во-первых, он здесь объявляется второстепенным, неопределяющим моментом, а, во-вторых, за такой, разрешённой нормой секс, приходится слишком дорого платить, так как в реальности достижение идеального норматива любви практически невозможно - он ведь конкретно никак не сформулирован, а без такого достижения физиологическая сторона сексуальности всегда будет восприниматься как ущербная и аморальная. Окончательно разделаться с биологической составляющей функции сексуальности мешает лишь то, что без этой стороны невозможно производство жизни. Пока невозможно.

15

Мораль как форма общественного сознания иницируется развитием социума, который только и может быть субъектом морали. Освободиться от моральных нормативов индивид способен только парадоксальным образом,

приняв нормативные ограничения, подчиняясь им и жертвуя своей индивидуальностью. Таким образом, мораль продуктивна только в отношении социальности. Отсюда можно сделать вывод о том, что этическая система, регулирующая взаимодействия индивидов, враждебна по отношению к человеку и реализует цели, вопреки его интересам. Однако это неверно. Мораль направлена не против индивида и его личностной организованности, как это может показаться. Деструктивному воздействию подвергается только биологическая составляющая жизнедеятельности, шире - биологическая системность живой природы. Индивид в этом противостоянии страдает в силу своей внутренней амбивалентности, принадлежности одновременно и к биологическому, и к социальному миру, в силу невозможности полной адаптации к социальному развитию, к интенсивности, ускоренности этого развития.

Развитие морали коррелирует с развитием противоречия между биологической и социальной системностями и является, в определённой мере, его следствием. Неоднозначно поэтому и соотношение негативных и позитивных последствий для человека этической нормативизации жизнедеятельности. На ранних этапах цивилизации в морали отражалась недостаточность развития социальных механизмов и необходимость их строительства как структур, облегчающих и обогащающих жизнедеятельность. Это делало приемлемыми и достаточно мотивированными строгие этические ограничения с точки зрения отдельного человека. Мораль представлялась основательным и разумным компромиссом между биологическим и социальным началами. В дальнейшем, как мы уже видели, социум обретает собственное автономное развитие, свою субъектность, начинает интегрироваться и усложняться независимо и часто вопреки возможностям и целям человека. Вместе с этим меняются и функции морали, которая перестаёт быть средством субъектного воздействия человека на условия своего существования и становится средством адаптации человека к социуму, как к системе более цельной и обширной, чем он сам. То есть, мораль постепенно становится способом защиты человека от общества. Традиционные этические системы при этом ветшают и разрушаются. В качестве примера можно привести христианские Десять заповедей. Они по-прежнему могут восприниматься как непреложные, но ни их количество, ни содержательность, ни универсальность уже не удовлетворяют современным, качественно отличающимся от библейских времён, условиям жизни.

Сексуальные запреты объясняются тем, что, будучи изначально двойственной, сексуальная функция не может принципиально быть приведена к единству, не может стать однополярной, ориентированной на развитие только социального контекста. Она постоянно вмешивается в социальные взаимодействия, нарушает их системность и сдерживает развитие. Все остальные биологические функции в этом смысле нейтрализуются гораздо проще. Удовлетворение связанных с ними витальных потребностей возможно через социум, то есть, минуя непосредственные, неотсроченные контакты и субъект-объектные

взаимодействия с предметом потребности. Заложенный в них принцип автономности не противоречит социальности, но, наоборот, снимается и способствует её развитию.

Эти потребности могут удовлетворяться опосредованно, через социальные механизмы. Чтобы удовлетворять постоянно голод и жажду индивиду не нужно охотиться и рыть колодцы, ему достаточно просто быть участником экономических отношений и производить нечто, что ему самому чаще всего не нужно, что он сам потреблять не будет. Таким образом, занимаясь воспроизводством своего биологического тела, человек, одновременно, занят производством социума. Результат такого опосредованного обмена многократно выше результатов непосредственного обмена в рамках биологической системности. И только лишь отправление сексуальной функции осуществляется всегда без социального посредничества, непосредственно. Индивид выступая в сексуальном контакте в роли биологического организма, взаимодействует со своим партнёром как с биологическим же организмом. Социум оказывается бессильным в утилизации этой биологической функции.

Но это вовсе не означает, что социальность никак не вторгается в сферу интимных отношений. Мы уже видели, что на уровне этического сознания осуществляется попытка подмены целенаправленности функции и сведения её к однозначности, к ориентированности на социальную составляющую и элиминации противоположной, биологической. Межполовые взаимодействия ритуализируются в результате запрета первоначально на инцест, а затем и на всю биологическую часть сексуальных отношений. Удлинение сроков раннего онтогенетического развития особи приводит к выравниванию биологической и социальной составляющих сексуальной функции, а впоследствии и к растущему преимуществу последней. Однако, это не единственная причина возникновения околосексуальной ритуальности, вернее, только один аспект проблемы.

Повышение требований к социализации индивидов есть следствие интеграции общества в самостоятельную системность. Усложнение взаимодействий на уровне социума усложняет способы адаптации индивида к обществу, усложняет также и его внутреннюю личностную структуру. Растущая множественность внутрисоциальных связей приводит к специализации социальных функций, а это предполагает изоморфную ей специализацию ролей индивидов как социальных операторов. Биологически обусловленная жизнедеятельность индивидов становится специфическим фрагментом их жизненного пространства, который уже не является определяющим и единственным, но - дополнительным по отношению к более обширной и структурированной системе социальных связей.

Если в биологической части адаптация индивида к сообществу гарантирована видовым генотипом и осуществляется вне зависимости от качеств индивидуального опыта, то интеграция в социальные взаимодействия почти целиком зависит от его онтогенетического развития и осуществляется через обучение, которое большей частью сводится к

освоению ритуалов социального, кооперативного поведения. Усложнение социальных структур ведёт к усложнению ритуалов, их обеспечивающих, а это последнее - к удлинению сроков обучения, его интенсификации и к ужесточению запрета на биологические проявления сексуальности. К изучению ритуалов можно вполне отнести и освоение конкретных знаний как гуманитарных, так и естественнонаучных, ведь освоение подобных навыков, в конечном итоге, ведёт к более полноценной адаптации в обществе.

Созревший физиологически индивид становится полноценной и автономной особью, имеющей возможности самостоятельно и продуктивно отправлять свои витальные потребности, в том числе и сексуальные. Но социальное созревание человека значительно (и прогрессирующе) отстаёт от биологического. Необходимость искусственного выравнивания этих сроков объясняется особенностями личностной организации, которая опирается прежде всего на амбивалентность индивида, на его ориентированность одновременно на обе системности - биологическую и социальную. Только это делает человека субъектом волеизъявления: в каждом конкретном случае он может предпочесть решение ситуации, основанное либо на биологических, либо на социальных закономерностях, сообразно его представлениям о выгодности того или иного решения. Но в обыденной жизни человек очень редко сталкивается с выбором такого высокого уровня, почти всегда выбор очень конкретен и веер возможностей лежит в одной плоскости. Нам важно здесь то, что сама возможность выбирать появляется тогда, когда возникает внутривидовое противоречие и изоморфное ему противоречие внутриличностное.

Экспоненциальное развитие социальной системности относительно биологической в какой-то момент должно привести к разрыву между двумя принципами, к утрате человеком его амбивалентности, обеспечивающей его собственное развитие. Человек предстанет перед глобальным выбором: либо полностью отказаться от биологической функциональности, которая мешает его развитию, либо, наоборот, отказаться от заведомо проигранной гонки и попытаться сохранить именно биологическую функциональность, как более органичную в такой ситуации. Но оба выхода оказываются практически невозможными.

В первом случае, в силу ограниченности биологического, телесного носителя обменных и информационных процессов человек принципиально не может стать небиологическим или надбиологическим существом. Во втором - из-за того, что в процессе социальной истории сбалансированность и единство биологических функций человека было в значительной степени нарушено и вне социума он существовать уже не может. Логическая же невозможность заключена в том, что, лишаясь своей двойственности, которая и предопределила когда-то особый статус человека в ряду прочих биологических видов, человек потеряет этот статус, свою личную системность на уровне индивида, а вместе с ней - возможность выбора способов взаимодействия с окружающим миром.

Постепенно ритуальная основа жизнедеятельности индивида, обеспечивающая связи между двумя системностями, позволяющая существовать одновременно в двух противоположных контекстах, становится чрезвычайно громоздкой, затрудняющей ориентацию индивида в жизненном пространстве. Возможность выбора по сути утрачивается, становится фиктивной, а сам выбор - вынужденным, предопределённым. Специализация индивидов как социальных операторов сужает жизненное пространство каждого из них, так как зона компетентности индивида распространяется только на сферу деятельности, определённую его социальной ролью. Этим же исчерпываются возможности сообщения с себе подобными: индивид может вступать в продуктивные кооперативные контакты только с теми индивидами, которые отправляют ту же, что и он социальную функцию или функции, сопредельные ей. Возникает проблема отчуждения индивидов друг от друга, проблема одиночества.

16

Можно бесконечно описывать негативные тенденции в современном обществе, возникающие в результате растущих требований к социализации жизнедеятельности индивида, но сами по себе эти темы достаточно широко и подробно освещаются в литературе. Нас же они интересуют в специфическом ракурсе развития сексуальной функции. Сексуальность, в отличие от всех остальных биологических функций, так до настоящего момента и не была утилизирована в пользу социальной системности. Принцип кооперативности взаимодействий не подавил в этой области принцип биологической автономности. Сексуальность по-прежнему, как и в начале человеческой истории, остаётся сферой жизнедеятельности, реализующейся через своё собственное локальное противоречие двуполости биологического вида. Но при этом меняется внутреннее соотношение составляющих сексуальности. Ритуальное наполнение межполовых взаимодействий усложняется и биологические контакты затрудняются, несмотря на то, что именно эта сторона функции в процессе эволюции приобрела неспецифический статус и стала важнейшим фактором жизнедеятельности индивида. Я имею в виду круглогодичную половую активность, конечно же. То есть, сексуальная функция в целом остаётся на неизменном уровне, подавляется лишь её часть - биологическое основание, а за счёт этого гипертрофируется противоположное социальное основание.

Социализация всё же происходит, но не социализация функции как таковой, а её внутренняя переориентация. Однако полное перерождение невозможно до тех пор, пока через сексуальность будет, во-первых, осуществляться производство биологической жизни - это объективный момент, а во-вторых, индивид, совершая половой акт, будет получать специфическое физиологическое удовольствие, не достижимое никаким другим способом - момент субъективный. И то и другое пока что недостижимо в рамках любых социальных институтов, поэтому сексуальность остаётся амбивалентной функцией, оплотом защиты

личностной организации человека, его уникальности в качестве биосоциального явления природы.

Современное развитие сексуальности подошло к той критической точке, когда стороны противоречия поляризованы максимально и дальнейшая эволюция оказывается невозможной, так как противоречие начинает терять своё качество, становится непродуктивным антагонизмом. Проблема заключена, конечно же, не только и не столько в сексуальности. Теми же точно словами мы можем описать и состояние более общего противоречия между биологической и социальной системностями, но мы сужаем ракурс до рассмотрения отдельной функции, так как её развитие отражает в достаточной мере общую историческую проблематику. Исследуя эту функцию мы остаёмся в рамках антропоморфного контекста, выход за которые может и дал бы более полноценные результаты, но он связан с риском потери устойчивых ориентиров и критериев, обладающих достаточной валидностью, многократно усложнил бы исследование. К тому же, мы знаем, что человек постепенно теряет качество субъектности в историческом развитии, и можем предположить, что в нарождающемся новом противоречии более высокого уровня организации субъектная функция будет принадлежать качественно иному, в отличие от человека, явлению, описать которое правильно мы не сможем в силу объектности, страдательности нашей позиции по отношению к этому новому субъекту.

Утверждение о том, что развитие сексуальной функции подошло в настоящее время к критической точке, можно проиллюстрировать на примере феномена так называемой "сексуальной революции". Наличие реальности, описываемой этим понятием, не вызывает сомнений, однако сам термин следует признать крайне неудачным, так как он описывает процессы, если и революционные, то направленные не в сторону развития, а, наоборот, деградации - рекуррентно-защитные реакции биологической системности. Но я буду пользоваться этим термином как общепринятым.

Под сексуальной революцией обычно понимают как стихийное разрушение системы этических нормативов, регулирующих межполовые отношения, так и отказ индивидов от ритуального оформления сексуальных контактов. Причины этих деформаций чаще всего видят в частных перекосах экономического, политического или религиозного развития в данном конкретном обществе, или просто без всяких логических обоснований обвиняют молодое поколение в распущенности, объясняя это растущим материальным благополучием, лёгкостью жизни и т.п. мы не будем рассматривать такие точки зрения как наивные.

Революционность сексуальной революции заключена не в раскрепощении сексуальной функции, как принято считать, а в реакции на степень поляризации составляющих противоречии внутри сексуальности, при которой функция теряет своё единство, интегрированность, прекращает развиваться и перестаёт быть самодостаточной системой. Сексуальность утрачивает своё особое значение в ряду факторов развития биосоциальных взаимодействий, перестаёт быть связующим звеном между биологической и

социальной реальностями и фундаментом личностной организации человека. Она разделяется на две самостоятельные подфункции, каждая из которых уже не представляет собственной системности и подчинена системности более общего порядка - либо биологической, либо социальной.

Но даже не в этом заключается причина тех изменений, которые мы называем сексуальной революцией. Внутренняя противоречивость сексуальной функции лежит в основании амбивалентности личностной структуры психики индивида. На уровне личности происходит точно такая же поляризация форм сознания, направленности мотиваций, целеполагания, интуитивных довербальных и дискурсивных способов мышления. Структура личности становится всё более антиномичной, оценочный аппарат "чёрно-белым", и тем самым затрудняется её субъектная деятельность, редуцируется осознание собственного самодетельного Я. Возникает ситуация, когда возможность выбора не допускает никаких компромиссных решений, и выбирать можно только из двух абсолютов, каждый из которых заведомо не адекватен ситуации в реальной действительности. Расстояние между биологическим и социальным становится непреодолимым, и потому само наличие выбора - фиктивным, так как, выбирая один из абсолютов, индивид отрицает абсолют противоположный и тем самым разрушает единство противоречия, отрицает сам этот выбор и основанную противоречии же структуру собственной личности. Личность становится внутренне бесконфликтной, ненапряжённой, теряет самостоятельную системность, функцию субъектного целеполагания.

В реальности это проявляется в виде невротизации индивидуальной психики, возникновения шизоидной расщеплённости сознания, дробности, фрагментарности в отражении окружающего мира. Личность перестаёт быть моделью вселенной и представляет собой обрывочную и незакономерную её проекцию. Снижается уровень адекватности оценок и основанных на них актов деятельности. Индивид в такой ситуации не может вполне полагаться на собственное осознание действительности и поэтому попадает в зависимость от внешних, заведомо неизвестных ему закономерностей, не подтверждённых его индивидуальным опытом. Предлагаемая ему социальная роль почти всегда имеет высокую степень специализации, в силу чего сужаются как его внутренний мир, так и представления о внешнем. Развитие социальной системности начинает представляться ему хаотичным, незакономерным и поэтому угрожающим, потенциально катастрофичным.

Сексуальная функция может служить индикатором этих процессов. В сложных переплетениях общественных связей, в которых задействован каждый индивид, далеко не всегда очевидна их опосредованность глобальным противоречием между социальной и биологической природой, жизнь чаще представляется множественной, а не единой. В сексуальности это противоречие диагностируется достаточно легко.

Отправление сексуальной функции становится всё более опосредованным и сложным. Ритуальная оформленность полового контакта разрастается до труднопреодолимых размеров, а область непосредственного

физиологического взаимодействия, соответственно, снижается и сходит на нет. Сексуальные отношения постепенно превращаются в комплексную многоступенчатую процедуру. Их биологическая целесообразность отступает на задний план, основную же регулирующую роль начинает играть критерий реализованности социально опосредованных околосексуальных ритуалов. При этом деградирует не биологическая сторона внутреннего противоречия сексуальной функции, но сексуальность в целом, так как на уровне индивидуального сознания биологическая сообразность межполовых отношений никогда не может быть полноценно замещена сообразностью социальной.

Сексуальная революция возникла как реакция на возрастающую социализацию сексуальной функции. Её лозунгами были отказ от пуританской морали и свобода сексуальных контактов. Но за этими декларациями стояли более глубокие и общие процессы, не нашедшие адекватного словесного воплощения. Сюда прежде всего нужно отнести попытку - возможно, отчасти удавшуюся - восстановления биполярности сексуальной функции.

Оценка хода и результатов сексуальной революции была в основном отрицательной. Это можно объяснить реакцией обывателя на её пугающие экстремистские проявления. Однако и более серьёзный анализ приводит примерно к таким же выводам: сексуальная революция так и не состоялась, её возможные, хотя и не продекларированные цели достигнуты не были.

Сексуальная революция не имела глобального характера. Этические нормы отрицались не как таковые, но только те их комплексы, которые затрудняют реализацию биологической составляющей сексуальной функции. Определённое раскрепощение нравов и трактовок сексуального поведения, достигнутое в процессе революции, не привело и не могло привести к восстановлению равновесия во внутреннем противоречии сексуальной функции, результат был, скорее, обратный. Каждый отдельный индивид получил формальную возможность в конкретных ситуациях межполовых контактов отказываться от тех или иных социально опосредованных правил, затрудняющих отправление биологической потребности. Сексуальные отношения благодаря этому могут значительно упрощаться. Но это достигается за счёт отказа индивида от полноценного освоения социальных связей, так как мы уже видели, что через околосексуальные ритуалы в основном и происходит социализация индивида и адаптация его к обществу. Частичный или полный отказ от ритуального оформления полового акта не только упрощает этот акт, но также упрощает восприятие индивидом окружающей действительности, а на фоне экспоненциального усложнения социальных связей это упрощение означает снижение глубины мировоззренческой ориентации личности.

Возникшие изменения в отношении к сексуальности имеют устойчивый характер. Они нашли подтверждение в изменении этических нормативов, в трансформации и частичном снятии общего запрета на сексуальность. Такие перемены можно было бы отнести к положительным

результатам сексуальной революции, но эта победа эфемерна, так как современный уровень развития социума характеризуется уже прямым императивным воздействием на индивида, минуя любые существующие моральные кодексы. Современное общество имеет уже собственные цели развития, противостоящие целям развития человека как вида.

Главным же результатом сексуальной революции было то, что социализация сексуальной функции, как это ни парадоксально, поднялась ещё на одну ступеньку. Дело в том, что ослабление общего запрета открытости сексуальных проявлений было очень скоро материально воплощено в эротизации и порнографизации проявлений массовой культуры. Порнография даёт индивиду образцы облегчённого сексуального поведения, лишённого ритуальности и направленного на отправление только биологической составляющей сексуальной функции. Это значительно упрощает межполовые взаимодействия, но, одновременно, лишает индивида возможностей для уникальных проявлений, стандартизируя половой акт, выхолащивая его до удовлетворения одной лишь витальной потребности. Массовое тиражирование таких образцов приводит индивида к необходимости воспроизводства этих и только этих моделей. У индивида исчезает необходимость в нестандартном поведении, так как в его распоряжении находится неограниченное число моделей, превосходящее его возможности воспроизведения. Тем самым сексуальность из биосоциальной потребности становится сначала просто биологической, а затем превращается в биологическую сверхпотребность. Навязанную индивиду социумом.

17

Общественные формы сознания, несмотря на свою большую, по сравнению с индивидуальными, степень обобщённости, также постепенно специализируются и теряют адекватность и универсальность отражения. Существование всеобщей модели развития, включающей одновременно все его элементы, становится всё более проблематичным. Здесь достаточно упомянуть факт наличия в настоящее время множества даже философских систем, каждая из которых в той или иной степени претендует на концептуальную всеобщность, но каждая из которых противостоит всем остальным. Причём, принципиальность различий состоит уже не только и не столько в отношении к основным глобальным вопросам философского дискурса, которые во многих теориях даже не упоминаются, а в праве произвольно выбирать темы для систематизации. Такой плюрализм заставляет усомниться в самом статусе философской картины мира.

Человек оказывается между двумя типами системности и, одновременно, вне их обеих. Он принадлежит и к той и к другой, но при этом не может полноценно осуществлять ни одну из них. Сохранение уникального статуса для человека возможно только в условиях относительной сбалансированности двух противоположных закономерностей. Когда одна из них начинает явно преобладать в противоречии, человек не в состоянии оставаться материальным носителем и воплощением противоречия, так как само оно получает новое качество, и более ускоренная системности,

развиваясь, переходит в состояние нового противоречия, порождая из себя новое, ещё более ускоренное начало, отрицающее её самоё.

Принцип автономности, отнесённый мной к характеристике биологической системности, на самом деле универсален. Он описывает динамику объектной функции любого и всякого противоречия. Точно так же, как и принцип кооперативности распространяется на любую субъектную функцию. Предмет нашего рассмотрения есть лишь частный случай развития, его антропоморфный аспект. Сексуальность интересует нас только в той мере, в какой в ней проявляется всеобщее свойство противоречивости. В этом смысле сексуальность представляет собой чрезвычайно удобный объект изучения, так как в антропоморфном контексте никакая другая биологическая или социальная функция не привязана так показательным образом к обоим типам системности и не представляет собой достаточно автономное противоречие, которое остаётся таковым на всех этапах противостояния человека как биологической природе, так и социуму. Поэтому разрушение заключённой в сексуальной функции противоречивости может служить критерием видовой функциональной целостности человека и говорить о том, что эволюционный ресурс вида в случае дальнейшего развития актуальных в настоящий момент тенденций либо уже исчерпан, либо близок к этому.

Такой вывод подтверждается и результатами сексуальной революции. Собственно, основным, если не единственным, её лозунгом был призыв к разрушению социальных запретов на открытые сексуальные проявления. Апологеты этого движения ссылались на ханжество пуританской морали и неспособность обывателя отказаться от уже умерших пустых традиций. Но всё это демагогия, и позиции сторонников сексуальной раскрепощённости так же неосновательны, как позиции её противников. Они отражали не осознанную мировоззренческую концепцию, а стихийную реакцию на внешний порядок вещей, сложившийся независимо от того, как он отражается и в индивидуальном и в коллективном мышлении, и, более того, это отражение регулирующий.

В этике никогда не было аналитического обоснования запретов на сексуальные проявления. Запрет существовал как объективная необходимость и вынуждался общими тенденциями развития. Он всегда формулировался на основании частных закономерностей - религиозных, политических, экономических, вплоть до медицинских. Можно проследить его развитие, начиная от полигамии, когда он существовал, по всей вероятности, только в форме зарождающегося запрета на инцест, до средневековой ортодоксальности, когда запрету подвергались любые проявления сексуальности вне брачных отношений, а затем и до настоящего момента, когда запрет вновь размывается и теряет свою императивность. Мы можем отметить цикличность процесса, которая свидетельствует о прекращении его развития. Разрушение запрета не приводит к восстановлению значимости сексуальной функции, а, наоборот, фиксирует возникший внутри неё устойчивый антагонизм. То же можно сказать и об искусственном его воссоздании.

В современном обществе две эти тенденции присутствуют равноправно, а это указывает на то, что сексуальная функция перестала быть регулятором взаимодействий биологической и социальной системностей.

Примечания

1) Это противоречие активно используется в идеологии движения эмансипации. Здесь справедливо указывается на то, что распространение социальных ролей в актуальных сообществах в большей или меньшей степени строится на смешении социальной и биологической компонент, вернее, на подмене социальной составляющей биологической. Однако в реальной жизни чрезвычайно сложно разделить две эти структуры. Выходом из тупика могло бы стать радикальное изменение социального института семьи, однако пока что мало кто готов им пожертвовать, хотя очевидно, что современное общество эволюционирует именно в этом направлении.

*Журнал практической психологии и
психоанализа, 2005, № 1*

Психопатология героического прошлого и будущие поколения

М.М.Решетников

Как известно, психическое развитие ребенка зависит не только от его морфолого-генетических особенностей, но и от воспитующего окружения, которое в значительной степени создается родителями и предшествующими поколениями семьи. Я сразу уточню, что сегодня речь пойдет только об относительно молодых родителях - ветеранах афганской войны, и детях, выросших или растущих сейчас в их семьях.

Традиционная для России героизация военного прошлого в последние годы подверглась существенным трансформациям, как в связи со спецификой политической и нравственной оценки афганских и чеченских событий, так и в связи с более полной и гораздо более объективной информацией об ужасах Гражданской и Второй мировой войн.

Не вдаваясь в подробное обоснование, я хотел бы сразу отметить, что героизация - это, обычно, удел победоносных войн, и всегда имеет в значительной степени компенсаторное значение. Поражение, в том числе - моральное, даже при реальном успехе всей кампании, создает для ее участников принципиально иную социально-психологическую ситуацию, проекция которой простирается на всю оставшуюся жизнь.

В 1989 году, на основании афганского опыта и, вначале - недоверчивого, а затем - все более потрясающего меня сопоставления его с опытом участников Второй мировой войны, по аналогии с известным определением Н.И.Пирогова, я назвал войну «эпидемией аморальности». Основанием для этого вывода послужили не «отдельные случаи» маргинализации языка и быта, о которой периодически вспоминают режиссеры и писатели, и даже не безусловная аморальность (с точки зрения нравственных императивов XX века) такого способа разрешения конфликта как физическое уничтожение противника, в большинстве случаев принимаемое и оправдываемое как необходимое зло, а реальная криминализация и психотизация поведения личности в боевых условиях.

Проведенный на протяжении последних лет анализ позволил сделать очень непростой для меня вывод, что наряду с реальным героизмом, взаимовыручкой, боевым братством и другой относительно позитивной атрибутикой войны, грабежи и убийства (как исход «разборок» среди своих), средневековые пытки и жестокость к пленным, самое извращенное сексуальное насилие в отношении населения (особенно - на чужой территории), вооруженный разбой и мародерство составляют неотъемлемую часть любой войны и относятся не к единичным, а к характерным явлениям для любой из воюющих армий, как только она ступает на территорию (особенно - в случае иноязычного) противника. Уже затем и, обычно, много позднее, война начинает (в сознании ее непосредственных участников) идентифицироваться со страхом смерти, унижением плена,

непростительностью вины и неизбежностью возмездия за все содеянное. Но все это приходит потом - и, в отличие от публично провозглашаемых героических воспоминаний, молчаливо проецируется на все межличностные, в том числе, и прежде всего - внутрисемейные отношения, составляя часть их эмоционального поля, а иногда - и весь их эмоциональный фон, когда немой ужас дня сменяется криками, доносящимися из ночных кошмаров.

Сейчас уже известны и многократно описаны некоторые поведенческие и психопатологические эквиваленты этой неизбежной тревоги (страх нападения сзади, бредовые идеи идентификации себя с убитыми, навязчивые идеи самобичевания и т.д.). Но это лишь наиболее очевидные, крайние, и потому легко идентифицируемые специалистами проявления, в «анамнезе» которых скрываются мучительные воспоминания прошлого.

Казалось бы самый простой способ - забыть обо всем, но память не отпускает. Мы совершенно не учитываем, что, как правило, эти воспоминания глубоко персонифицированы друзьями юности, которые остались там навсегда, и вычеркнуть погибших из памяти, для большинства участников этих событий - это все равно, что еще раз убить их, теперь уже окончательно. Чаще всего это оказывается невозможным. Они живут в каждом из оставшихся в живых, которые чувствуют себя обязанными не только помнить, но и мстить за обманутые надежды, оплеванную боевую славу, поруганную честь и униженное достоинство. Поэтому любые действия окружающих, затрагивающие именно эти болезненные струны, вызывают столь неадекватные реакции, нередко потрясающие своей немотивированной жестокостью.

Я могу привести несколько подробно изученных мной случаев, когда «обычное» - по современным меркам - оскорбление личности «афганца» незамедлительно «каралось», в том числе - смертью: случай с осужденным М. убившем 17-летнего юношу только за то, что тот назвал его «козлом»; случай с осужденным Ф., задушившим в процессе ссоры своего знакомого, пренебрежительно отозвавшегося о его боевых наградах; случай с Л., бросившим гранату в ничем не повинных людей лишь за то, что они не проявили к нему должного (по его представлениям) уважения; случай с В., нанесящим тяжелые увечья своему знакомому только потому, что тот, спускаясь по лестнице, предпочитал идти немного позади и, казалось, что от него исходит угроза и др.

Наблюдая семьи афганцев, я обратил внимание, что в одних из них родители, на первый взгляд, охотно делятся пережитым с детьми, при этом всегда (более или менее) приукрашивая и позитивируя свое боевое прошлое. В других - полностью отрекаются от этого прошлого, что вызывает у детей достаточно специфическое его восприятие: это прошлое предстает как нечто настолько ужасное, что не имеет права на упоминание в семейном кругу. Уместно отметить, что аналогичные реакции в свое время наблюдались в Германии у детей нацистов, и сейчас, в некоторых случаях отмечаются в последующих поколениях бывших чекистов.

Основным и общим во всех этих ситуациях является то, что реальные участники боевых (или других - позднее квалифицированных как преступления против личности) действий не имеют никакой возможности вербализовать (и тем самым - отторгнуть) их криминальный опыт и мучительные переживания, о которых даже в собственной (афганской или др.) среде, как правило, не принято вспоминать. И даже в тех единичных случаях, когда бывшие боевики попадают на прием к психиатру или психотерапевту, большинству из них не удается перешагнуть барьер и по собственной инициативе рассказать о том, как живьем зажарил на костре пленного афганца-снайпера, перед тем убившего его друга и односельчанина, как сбросил с вертолета захваченного в горах мальчишку, как целым взводом насильовали малолетнюю девчущку-афганку, как десятками расстреливали мирных жителей или бомбили их поселки только от неукротимого чувства мести и отчаяния (я привел лишь несколько случаев подобного рода, достоверность воспоминаний о которых не вызывает у меня сомнений). С годами, воспоминания о подобных «боевых» ситуациях, казалось бы, бледнеют, развиваясь по давно известному закону и сценарию: «Я сделал это, говорит мне память. Я не мог этого сделать, говорит мне совесть. И постепенно память отступает». Но это все же лишь красивая метафора. А на самом деле - именно на этом зловонном бульоне «не подлежащих вербализации воспоминаний» начинает прорастать вирус будущей психопатологии. Даже в процессе длительной терапии «обнажение» таких тем, нередко избегается по негласному соглашению врача и пациента, что делает их межличностный контакт исходно лицемерным и, порой, столь же невыносимым для последнего, как и со всеми другими.

Привести к этим, глубоко скрытым в темноте подсознания, воспоминаниям, может лишь тот, кто действительно знает - где и что искать. Поэтому терапией этого поколения могут сколько-нибудь эффективно заниматься лишь те, кто сам прошел через эти мерзости войны, или, во всяком случае, знает, что и это было тоже. Давно и почти общепризнан факт, что психиатрическая и психологическая помощь при состояниях, лежащих далеко за пределами собственного чувственного опыта терапевта, чаще всего - малоэффективна. Не знающие о таком специфическом (боевом) опыте врачи и психологи неизбежно столкнутся с чем-то неизвестным и непонятным, а обратившиеся к ним, безусловно, страдающие люди - с тем, что их не слышат и не понимают, и никогда не смогут принять их криминальный опыт, груз которого с годами будет становиться все более невыносимым. Может быть именно здесь кроется одна из причин того, что количество бывших «вьетнамцев», покончивших жизнь самоубийством, уже давно превышает количество погибших за весь период «непопулярной» войны. Растет количество самоубийств и среди «афганцев».

Анализ многочисленных источников о прошедших войнах показывает, что этот специфический опыт всегда оказывается вне исторической памяти. Завеса умолчания выживших последовательно трансформируется в глухоту

следующих поколений, так как то, что одни не могли рассказать, другим - не дано услышать. Отрицание памяти на реальные события войны во всей их омерзительной полноте и все более усиливающаяся с годами продукция компенсаторных воспоминаний о героизме - вечная дилемма выживших, определяющая как их амбивалентность по отношению к прошлому, так и все варианты их послевоенного поведения, включая художественное и научное мифотворчество о минувших событиях. Но груз мучительных воспоминаний от этого не уменьшается. Традиционная для России сакрализация такого (криминального и полукриминального) опыта (в том числе, например, блокады) сказывается не только на бывших участниках событий, но и на моральном состоянии общества в целом.

Самое мучительное здесь - это безысходность (вернее - неотторжимость), потому что, если бы они стали говорить правду о насилии, убийствах, грабежах, пытках и т.п., их отказались бы не только понимать, но даже слушать. Таким образом, между теми, кто был реальным участником подобных событий и всеми остальными (- потенциальными социокорректорами, включая членов семьи, и даже квалифицированными терапевтами) всегда лежит пропасть непонимания. Поэтому, единственными, кто мог бы помочь им, остается очень незначительная количественно группа военных врачей - косвенных участников этих событий, все еще лишенная возможности профессиональной коррекции таких состояний в силу известной экономической ситуации и типично чиновничьего непонимания того, что несколько десятков тысяч людей, чья память отравлена криминальным и полукриминальным опытом, составляют реальную угрозу не только для самих себя, но общества в целом.

Я хотел бы особо отметить, что медикаментозные методы терапии не оказывают здесь сколько-нибудь позитивного эффекта, а скорее загоняют болезнь вглубь, откуда она прорывается в виде ужасающих общество преступлений и негативных аффектов. Общая тенденция к деперсонализации отношений в медицине, когда между врачом и пациентом планомерно возводится стена из огромного количества лабораторно-диагностической и прочей техники, а малейшие щели в этой стене заполняются таблетками, не обошла и психиатрию. Другим, возможно, даже более точным, образным сравнением, могла быть бездонная пропасть, которая разделяет типичные представления врача и, пусть даже изуродованный до неузнаваемости, но все равно - духовный мир пациента. В эту бездонную пропасть в огромных количествах сваливается продукция химико-фармацевтических заводов, но перейти через нее таким путем не удастся, и пациент навсегда остается взывающим на отвесном крае своего обрыва.

Точно такая же пропасть лежит между выжившими и их детьми. Мы знаем, насколько дети интуитивно чувствительны к неискренности. Мы знаем также, что нельзя убедительно учить: «не укради», «не убий» и т.д., если сам грабил, убивал и насиловал. В таких случаях приобретенное знание, в силу пока мало известных нам законов межличностной коммуникации, хотя и усваивается, как некий присутствующий в обществе норматив, но не

становится убеждением. Но это лишь одна сторона переноса на следующие поколения.

Мы уже говорили вначале, что психическое развитие детей зависит не только от их морфолого-генетических особенностей, но и от воспитующего окружения, которое в значительной степени создается родителями и предшествующими поколениями семьи. При этом родители передают детям не только традиционные внутрисемейные установки, культивируемые системы ценностей, но и преобладающий эмоциональный фон, и чувство вины (даже если оно присутствует в скрытой форме), и - очень часто - присущее ветеранам развенчанных войн ощущение, что многое в этой жизни было и есть напрасно. Одновременно с этим, компенсаторно к собственной судьбе, от этих детей (особенно - в обеспеченных семьях) всегда жаждут исполнения всех несбывшихся надежд и желаний, нередко вообще лишая их права на самостоятельный выбор. Забалованность детей в этих семьях составляет обычное явление, и это еще одна компенсация - родителей самим себе - той части жизни, которой они сами были лишены.

Дети становятся сверхценными и сверхопекаемыми, утрачивая самостоятельность и обретая прежде всего тяжелейшую тревогу от невозможности жить в состоянии «непрерывного счастья», которое им пытаются навязать. Естественные колебания настроения детей в таких случаях вообще не принимаются родителями, как не имеющие никаких (по сравнению с их собственным опытом) оснований или достойных внимания причин. В итоге у ребенка формируются представления о черно-белом мире, где нет места естественной амбивалентности.

Характерной особенностью таких семей является «культивируемое» в них пренебрежение к проблемам здоровья, за которым скрывается вина за то, что выжил, что и так уже получил гораздо больше, чем те, кого уже нет («ну, а годом раньше, годом позже - не имеет значения»). Ценность этой, как бы второй, доставшейся по счастливому жребию жизни, оказывается гораздо меньше. И эта установка переходит к последующим поколениям, окрашивая все моральные эталоны и общее отношение к действительности, тем самым делая их будущее исходно трагическим, так как если ценность жизни невелика, то что же тогда ценно?

Отсюда же идет и та легкость, с которой бывшие боевики уходят в криминальные и полукриминальные структуры, без особых затруднений вновь и вновь перешагивая уже однажды преодоленный барьер запрета на убийство.

Пролонгированная угроза смерти, которая слишком долго стоит за спиной, качественно изменяет ментальность людей и формирует специфическое мироощущение, где неочевидны грани между добром и злом, геройством и преступлением.

Культура - это не только прекрасные произведения искусства, архитектуры или литературного и научного творчества, которыми мы восторгаемся, но и то, что налагает запреты. Рождаясь, мы не знаем их, и лишь в процессе социализации, мы подчиняемся этим запретам - вначале

родительским (усваивая наряду с первыми словами такие отвлеченные понятия как «нельзя», «некрасиво», «некультурно», «стыдно»), а затем и всем остальным - писанным и неписанным - общественным законам. Вопреки паранучному тезису о некой природной моральности человека, мы не любим эти запреты, хотя и вынуждены подчиняться им. И это гораздо больше возвышает Человека, который становится таковым - в высоком смысле этого слова - не столько благодаря, сколько вопреки своей природе, подчиняясь законам общественной морали и нравственности.

Война дезавуирует эти законы, и прежде всего - запрет на убийство и сексуальное насилие.

Человек отличается от большинства других живых существ не только способностью мыслить, прямохождением и речью, но - даже более - гиперсексуальностью и гиперагрессивностью. Ни одно другое живое существо не прилагает столько усилий к созданию все новых и новых способов уничтожения представителей своего же вида, и даже самые кровавые внутривидовые столкновения в животном сообществе (как правило, по общим для нас с ними поводам - за самку, власть или территорию) завершаются первой кровью и бегством противника. Убийство представителя своего вида, как биологическая цель - вообще не задано природой. Ни один другой вид, также не чуждый стремления к сексуальному наслаждению, не смог перешагнуть через естественные барьеры, ограниченные периодом течки и спаривания.

Гиперсексуальность и естественная агрессивность составляют типичные компоненты именно человеческого поведения, но в обычных условиях нам приходится подавлять их, скрывая эти властно побуждающие влечения не только от окружающих, но и от самих себя.

Именно поэтому война, отменяющая эти запреты, нередко оказывается слишком привлекательным занятием. До 12% бывших участников боевых действий в Афганистане (выборка 1991 г. - 2000 чел.) хотели бы посвятить свою жизнь военной службе по контракту в составе любой воюющей армии, относительно независимо от страны, предоставившей им такую возможность.

Таким образом, война - это в равной степени преступление и против личности, и против культуры, так как она обнажает нашу глубинную (и если мы остаемся дарвинистами - животную) сущность.

Общество и сейчас стыдливо отворачивается от этой проблемы, ссылаясь на определенный кризис морали, обусловленный специфическим характером афганской войны или чеченской «операции», или современной ситуации в целом, и все еще пытается увидеть в этой феноменологии частный и потому - нехарактерный случай. Наиболее остро даже косвенные попытки затронуть эту проблему встречает старшее поколение, как правило, отмечая или «личную извращенность» исследователей, или то, что в Отечественную «этого не было». Я, естественно, не могу апеллировать к адресным свидетельствам моих респондентов, поэтому в заключение (традиционно для отечественной науки) приведу зарубежные данные: в 1992 году на Берлинском кинофестивале был представлен документальный фильм

и свидетельства очевидцев о том, как в 1945 году солдаты Советской Армии изнасиловали более 2 миллионов женщин в Польше и Германии. Некоторые свидетельницы, которым было тогда по 15-16 лет, рассказывали, что были изнасилованы до 100 раз. В некоторых случаях, чтобы не попасть под трибунал, после надругательства девочки тут же расстреливались.

Это было то поколение, которое затем воспитало мое. Мы не знаем, через какие угрызения совести, какое чувство вины и личные трагедии прошла их жизнь и родительская мораль. Я не могу поверить, что через 15-16 лет, глядя на своих подрастающих дочерей, они не вспоминали о тех несчастных польках и немках. Но мы не знаем об этом. И сейчас, в большинстве случаев, мы можем лишь предполагать те мучительные коллизии, которыми наполнены души многих из участников современных боевых действий. Нет никакой хоть сколько-нибудь методически обоснованной реабилитационной деятельности, а моральные девиации оказались вообще вне российской психиатрической науки. А значит - и следующее поколение не защищено от прямой или косвенной трансляции скрытого криминального и полукриминального опыта.

В заключение я хотел бы сделать два существенных, как мне представляется, вывода:

1. Достаточно распространенный сейчас методический подход к изучению техногенных катастроф и стихийных бедствий как модели войны - с точки зрения психиатрии - не может быть признан адекватным, так как в этих ситуациях отсутствуют два существенных компонента боевых действий - снятие запретов на убийство и сексуальное насилие.

2. Проблема социально-психологической помощи и психотерапевтической реабилитации бывших участников боевых действий должна рассматриваться не с точки зрения гуманизма, а с точки зрения предотвращения исходящей от этой категории лиц общественной опасности, в том числе - для них самих, их семей и последующих поколений.

2000

Эдипов комплекс и Эго. Психология власти

В.Д.Попов

Эго-психология рассматривает инстинкты, влечения, вожделения как доминирующие в мотивации поведения личности. Она изучает эгоцентризм - сосредоточенность на собственных интересах и непонимание, непризнание других. Яркий пример - клановые власти, или власти кланов, в ряде республик СНГ.

Эдипов комплекс возник в связи с психоаналитическим толкованием Зигмунда Фрейда греческого мифа о царе Эдипе и одноименной трагедии Софокла, в которых фивский царь Эдип вопреки своей воле убивает Отца, женится на Матери и становится Отцом Детей, которые в то же время являются его братьями по материнской линии. Эдипов комплекс - это имманентное бессознательное эротическое влечение ребенка к родителю противоположного пола и связанное с ним агрессивное чувство к родителю собственного пола (1).

Фрейд на множестве примеров доказал проявление этого комплекса на уровне семьи, рода. Но это общий психоанализ. В социальном психоанализе этот комплекс практически не исследован по причине якобы его отсутствия на уровне социума. На наш взгляд, это не совсем так. Родовые, семейные, клановые, корпоративные и т.п. отношения, особенно в сфере власти, включают в себя этот комплекс. Особенно он очевиден в стыковке социального психоанализа с эго-психологией, где проявляет себя другой комплекс - эгоцентризм (клановый, семейный, коррупционный, кастовый). Эти комплексы 'бушуют' в бессознательном и определяют сознательную жизнь. Эдипов комплекс и комплекс эгоцентризма имеют коммуникативную природу, они формируются на базе коммуникации, обмена соответствующей информацией.

История свидетельствует: особенность России состоит в том, что каждый руководитель страны ('Отец') имеет власти больше, чем в любой другой стране, а сам оказывается во власти своего окружения, в эпицентре борьбы и смены элит (например, властвование Никиты Хрущева и Леонида Брежнева). И часто становится их жертвой. Причина, как правило, лежит в забвении властью во главе с 'Отцом' 'коллективного бессознательного' - нужд населения, а в итоге - в отчуждении власти от народа. И отчуждение, и завоевание авторитета в глазах народа осуществляется с помощью информации и коммуникации. Нет искреннего диалога - нет доверия. Нет доверия - у власти появляется комплекс, в частности эдипов комплекс и эго-комплекс. Особенно это проявляется в революционных ситуациях и в борьбе за власть в мирное время. Действующая власть, по Фрейду, - это ее лидер, 'Отец', и его окружение, а единомышленники - 'братья' или 'пассионарная группа' (по Гумилеву). И есть 'Мать' - Россия. Большевики - это 'братья',

'пассионарная группа' (например, ленинское окружение). Рядом с 'Отцом' бывают 'мини-отцы' (какими были члены Политбюро). И все они действовали по законам 'коллективного бессознательного в политике' (2).

Народившиеся новые 'мини-отцы' и новые 'братья' лишили на закате царской монархии власти 'Отца' (прежнюю власть в лице Николая II и Керенского) и овладели 'Матерью' (Россией) с ее 'детьми' - народом. Дети всегда объект воздействия, чаще манипулятивного. Побеждает новая элита лишь потому, что имеет популярную идею и популярного лидера, способного спасти 'Мать'. Победа 'мини-отцов' и 'братьев' - это результат проявлений их политических 'вожделений' и властных инстинктов. Власть и богатство - два самых глубинных, часто скрытых мотивов человеческой натуры. От них и эгоцентризм власти. Вместе с эйфорией победы развивается и комплекс страха: боязнь того, что поверженный 'Отец' - царь Николай II - воскреснет и накажет их. После революции в бессознательном победителей нарастает тревога, она лишает их покоя, в сознание врывается инстинкт самосохранения. Они 'ломают' свою решетку ('Сверх-Я'), которая соткана из совести, нравственности и этики, и дают свободу агрессии как проявлению инстинкта сохранения власти.

Новые 'отцы' и 'братья' убивают 'Отца' (Николая II), организуют террор, всячески запугивают 'детей', овладевают 'Матерью', подчиняют ее своей любви к власти. В результате вспыхивает гражданская война. Победа на время успокаивает всех. Но новые 'мини-отцы' готовятся к новой схватке за овладение 'Матерью' и 'детьми'.

Из среды 'пассионариев - братьев' выдвигается новый тип лидера - вождь, обладающий 'визионерским творчеством' (по Юнгу), то есть талантом, соединяющим запросы бессознательного с запросами современности, с состоянием наличествующего общественного сознательного. Он обожествляется 'детьми', становится 'Отцом-вождем', а остальные - 'мини-вождями' (Ленин и его окружение). Роль 'мини' их впоследствии не устраивает, у них появляется 'тайный' мотив подсидеть, дискредитировать в глазах 'детей' своего 'вождя'. Это общий закон российской власти. Так было, например, с Хрущевым, когда 'мини-вождь' - Брежнев с помощью 'братьев' (Подгорного, Шелепина и др.) сместил действующего 'Вождя-Отца' и стал новым 'Отцом'. Затем новый 'Отец' освободился от 'мини-вождей' (Шелепина и др.).

Завоевав власть и приведя в покорное состояние 'детей', 'мини-вожди' вместе с 'братьями' делятся на группы окружения 'Отца'. Одна защищает действующего 'Отца-вождя', другая начинает тихо, латентно готовить к власти нового 'Отца'.

Ленинское окружение - сторонники западной модели экономики и политики (Бухарин, Троцкий, Каменев и др.) пришли в революцию из Европы. Сталинские 'братья' вышли из ссылки, из очагов подпольной борьбы в самой России, они были 'почвенниками'. И, забегая вперед, надо сказать: они несли российский менталитет, потому им впоследствии удалось с помощью бессознательного 'детей' победить 'западников', отменить НЭП,

провести раскулачивание и осуществить коллективизацию. И все это делалось с помощью коммуникации в форме пропаганды, агитации и политической информации.

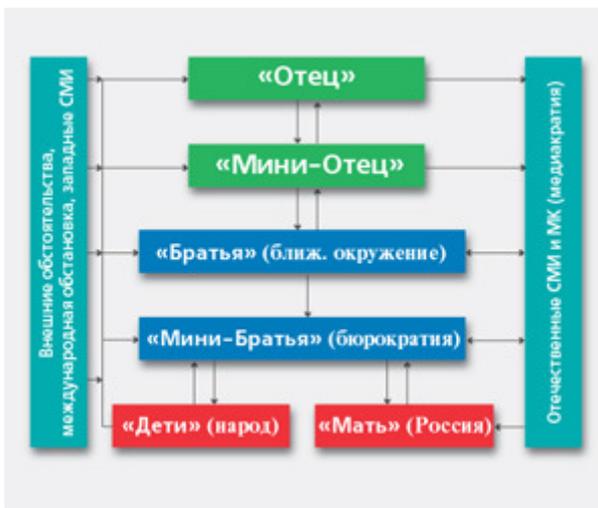
Ленин был первым 'Отцом-вождем' социализма. И все 'братья' его слушали, подчинялись ему, 'дети' не только поверили, но стали боготворить Ленина, несмотря на жертвы Гражданской войны. В итоге появился новый символ - 'Вождь'. Его победа и популярность обеспечивались тем, что: 1) он предложил популярную идею, идентичную, по заключению Николая Бердяева, православию; 2) реализовал 'коммуникативную природу власти' и 'власть как средство коммуникации' (Никлас Луман). Ленин был активнейшим и мудрым коммуникатором (по оценке Бердяева), создателем системы агитации и пропаганды, на чем долгое время удерживали власть последующие 'Отцы' нескольких поколений 'детей'.

Как только Ленин заболел, Сталин (как 'мини-вождь') формирует вокруг себя свое сословие 'братьев-окруженцев' и идет на завоевание роли нового 'Отца' и 'обожествленного вождя'. И основное средство опять - коммуникация. На уровне сознания, в своих речах, высказываниях он следует Ленину, а скрыто начинает постепенно отстранять от реальной власти Ленина. Обретая силу власти, он ломает в себе 'Сверх-Я' - ничем не гнушаясь, даже оскорблениями жены Ленина, Надежды Крупской, - кует образ нового 'Вождя'. И завоевывает 'детей' и их 'Мать-Россию'.

После смерти Ленина Сталин уничтожает 'братьев', сформировав в общественном сознании имидж 'предателей' прежнего 'Вождя', и создает свою команду преданных 'братьев'. А что 'дети'? Вначале они скорбят об ушедшем 'Отце-вожде', но у них, по законам российского бессознательного, появляется потребность в новом 'Отце' - ранее в обожествленном Царе, сейчас - в обожествленном Вожде. Архетипический вакуум в психике 'детей' должен заполниться. И он заполняется с помощью пропаганды и агитации. 'Детям' надо в кого-то верить, без веры им жить невозможно. Они (посредством механизма трансферта) с помощью политической коммуникации переносят эту потребность с Ленина на Сталина, и он становится 'Отцом всех народов'.

Но Сталин как будто знал зловещую сторону могущества законов 'политического бессознательного' (Гарольд Лассуэл), он патологически боялся появления новых 'братьев', которые могли снять его с престола. Потому он их менял, держал в страхе, уничтожал.

Отсюда возник такой вид коммуникации, как доносы. 'Мини-вожди' и 'братья' жили в страхе и на инстинкте самосохранения верно служили 'Отцу'. В страхе держались и 'дети'. Комплекс страха на долгие времена осядет в бессознательном 'детей', будет доминантой их психологии, благодатной почвой для манипулятивных технологий, для управления 'массами', для придания 'Вождю' божественных качеств. Именно поэтому для народного большинства вождь Сталин стал родным и непогрешимым 'Отцом'. О нем сочинялись стихи, пелись песни, таким образом народ кодировался. Кодом

был образ 'любимого Вождя'. За него, с его именем на устах солдаты шли в бой. Коды власти и медийные коды были идентифицированы.

Систему коммуникативного взаимодействия государственной информационной власти (медиакратии) представим на схеме.

На этой схеме линии со стрелками - коммуникативные связи субъектов и объектов власти, иерархия ее системы с позиции политического психоанализа.

Каждый 'этаж' власти идентифицирует коды власти и медийные коды. Коды - это своеобразные комплексы. В глубине психики человека лежит один из кодов, который благодаря Фрейду получил широкую известность и признание, - это либидо. Либидо 'совершенно аналогично голоду, обозначает силу, с которой проявляется влечение' (Фрейд). Определенная часть либидо влияет на выбор партнера по любви и дружбе. И по власти. Либидо позднее рассматривается Фрейдом как синоним влечения к жизни, как психическая энергия, проявляющаяся в социально приемлемой форме благодаря 'сублимации' (от лат. *sublimare* - возносить). Это один из механизмов психологической защиты, снятие напряжения в случае конфликта обозначает переключение активности субъекта на более высокий уровень (все внимание 'братьев' - на возвеличивание 'Отца', его политическое долголетие).

Либидо как психофизиологический код поведения человека сливается с социально-психологическими кодами, с властными и медийными кодами. Дело в том, что определенная часть либидо, согласно Фрейду, в результате выбора объекта (то есть выбора партнера по любви и дружбе, добавим - партнера по власти, бизнесу) направляется на этот объект или объекты, другая же часть - на собственное 'Я', на формирование эго-психологии.

В качестве социально-психологических кодов выступают, например, 'модусы поведения': жажда власти и тщеславия, гордость, алчность, стяжательство, ревность, зависть, 'создающая фанатиков и мучеников' (3). Александр Антоновский в послесловии к книге Никласа Лумана 'Власть' заключает: 'Власть, истина, деньги, собственность, право, религия, искусство, любовь - суть коммуникативные коды, то есть принципы упорядочения (редукции) необъятного в своей комплексности социального и психического. Этот мир регулируется смыслом (последним обобщением кодов:) (4).

Если сюда присовокупить социальную часть либидо, в особенности когда частным случаем сублимации является переключение психической энергии на процесс творчества, то получается, что мы имеем 'генерализацию особых кодов' (Луман), синтез кода-либидо, кода-сублимации, кода-власти, кода-массмедиа. Сплав таких кодов и дает, очевидно, человеку способности 'визионерского творчества', политику - 'Отцу' нации - талант управления на грани зомбирования 'детей'.

Изучение психоаналитических оснований в портрете Сталина говорит о том, что он, во-первых, владел психоанализом, поскольку учился в духовной семинарии. Он умело играл на русском бессознательном. Вспомните его обращение к русскому народу в трагический момент начала Великой Отечественной: 'Братья и сестры!' Ничего не скажешь, талантливое включение механизма идентификации себя с народом. Во-вторых, жестокость, тирания Сталина - продукт его воспитания, проявление его либидовского комплекса. Этот комплекс зарождается в детстве.

Приведем для подтверждения слова Даниэла Ранкур-Лаферриера. Опираясь на психоаналитическую теорию в анализе политического портрета Сталина, он пишет: 'Из двойственного отношения к отцу, который, будучи пьяным, нередко избивал сына и жену, и большой близости с матерью, безумно любившей Сосо и зародившей в нем бессознательные чувства восхищения самим собой, выводятся многие особенности формирования у Сталина защитных механизмов, будь то проекция собственных страхов и агрессивных желаний на других людей (политических деятелей, включая Ленина, Бухарина и Троцкого), своих детей, многообразных 'врагов народа' (5).

Словом, Сталин в отличие от других руководителей (предшественников и последователей) страны, пусть на интуитивном уровне, владел психоанализом и часто жестоко его использовал. Всегда в своих властных целях. Он умело поднял дух 'русского бессознательного' на индустриализацию, не считаясь ни с чем, не жалея жизни миллионов, создал из России символ сильной державы. Последнее отвечало запросу менталитета народных масс. Сильной России - сильный лидер, это тоже ментальный запрос народа. И Сталин на него ответил - создал символ Вождя, божественный культ личности.

Он глубоко вошел в историческую память народа, в российское бессознательное и там продолжает (как показывают социологические исследования) жить и делать выбросы в сферу сознательного до наших дней. Сколько бы его ни осуждали политики, ни уничтожали политически репрессированные люди за его кровавые дела, каким бы политическим уродом его ни показывали в современных фильмах (например, в картине 'Дети Арбата'), образ его почему-то воскресает. Хотя ясно - почему. Усиливается запрос на 'сильную руку' как олицетворение порядка в стране, и сильную Россию. Тем не менее много еще непознанных тайн душ наших 'Отцов', 'мини-отцов' и 'братьев'.

Если бы политики и народ осознали, что 'архетип представляет то бессознательное содержание, которое изменяется, становясь осознанным и воспринятым', что 'выражением архетипов являются мифы и сказки' (например, пушкинская 'Сказка о золотой рыбке'), что архетипы определяют 'мифологизированные' процессы, 'символические выражения внутренней и бессознательной драмы души' (Юнг), то мы бы не имели душевных драм от репрессий Сталина, 'кукурузных реформ' Хрущева,

'застоя' Брежнева, 'перестройки' Горбачева, 'суверенизации' и 'рыночной реформы' Ельцина.

Культ личности Сталина настолько был глубоко 'вмонтирован' в психику народа, что стал своеобразным архетипом и мифом одновременно. Но он, в сущности, продолжал глубинную традицию монархической власти, он кое в чем был похож на Петра I и Ивана Грозного, коих он, как известно, почитал.

Этой традиции не избежали Хрущев, Брежнев, Горбачев, только с другим эффектом. Законы политических отношений латентно и открыто продолжают действовать при их правлении. Культ личности в политической жизни России - это продукт российского бессознательного. Это новое название 'Отца'. И потому вновь и вновь повторяется по закону циклов судьба новых 'Отцов' и 'братьев'. Вновь и вновь жертвами являются 'Мать' (Россия) и 'дети' (народ).

Вот почему важно понять для будущих поколений необходимость познания причин появления психопатологии в политике (например, по работам Лассуэла), законов проявления своего бессознательного, своего менталитета и их эксплуатации в корыстных целях новых 'Отцов' и 'братьев'. Но кому из политиков и олигархов это выгодно? Без ответа на этот вопрос всегда можно найти оправдание политическому манипулированию.

Большевики рушили храмы, Хрущев - памятники Сталина, Ельцин - памятники и Ленина, и Сталина, и Дзержинского. Борьба с реальными символами - это утверждение нового 'Отца', формирование новых 'братьев', каждый раз обещающих достойную жизнь 'детям' и каждый раз не выполняющих обещания. Борьба с храмами - несмыслимый религиозный и социальный грех. Борьба с символами и пичкание народа дешевыми зрелищами - это увод социального бессознательного в виртуальный мир. Вот поэтому-то и остается неразрешенным вечный парадокс России: богатое государство и бедный народ, самая большая свобода для действия одного только закона, названного сегодня 'законом четырех 'Б' - богатые богатеют, бедные беднеют. И все почему? Оказывается, 'плохой менталитет народа' не дает 'хорошим' государственным 'братьям' осуществить реформы во благо этого народа. На самом деле первопричина - в менталитете власти.

Видимо, у России действительно своя 'особенная статья', своя парадигма власти. В новой России появился новый феномен 'Семья' - это союз 'Отца' с 'экономическими братьями' ('семибанкирщиной', медиакратией), образование власти государственно-олигархического капитализма. Чем не эдипов комплекс власти? При господстве 'Семьи' - народовластие стало не более чем словесной рекламой. 'Дети' отчуждались от власти, ибо они ей мешали.

Особую роль стали играть 'слуги власти', или государственные служащие, иначе - чиновничий аппарат, бюрократия. Они постепенно сделались 'младшими братьями' 'братьев' из окружения 'Отца'. У них при попустительстве 'Отца' стали нарастать свои властные амбиции, в итоге они создали свой мощный политический класс - бюрократию, создающую угрозу старшим 'братьям' (олигархам, правительственным чинам), как пиявки

присосавшимся к телу 'Отца' и высасывающим молоко 'Матери'. 'Младшие братья' с позволения 'Отца' создали свои партии (например, 'Наш дом - Россия'), которые стали выдавать на-гора 'правильные' законы. Потребность в гармонизации отношений между властью и откликами бессознательного отпала. Власть заболела эгоцентризмом, цинизмом, самодовольством, а большинство 'детей' стали бедными. 'Отец' начал терять рейтинг доверия, 'дети' и 'братья' - искать нового 'Отца'.

'Архетип Старого Мудреца'

Один из законов 'Архетипа Старого Мудреца' гласит: народ бывает послушным своим властям до тех пор, пока их деятельность согласуется с запросами народного бессознательного. Лидер популярен до тех пор, пока его деятельность отвечает требованиям менталитета своего народа, его национальному характеру, историческим традициям страны и с этих позиций формирует ее будущее, ее 'общественный идеал', проводит в жизнь принцип социальной справедливости.

Игнорирование 'Архетипа Старого Мудреца' приводит к периодам застоя, стагнации, социальной апатии. Они возникают, когда 'Отец' дряхлеет, а окружение - 'братья', чтобы сохранить себя, манипулируя 'детьми', всячески пытаются продлить его политическую жизнь. Однако со временем в 'детях' возникает чувство тревоги и сомнений в дееспособности 'Отца'. Все это вместе с комплексом страха вытесняется из подсознания в сознание, поначалу выражаясь в разговорах на кухнях. Так бывает накануне бури.

Вспомним август 1991 года.

Игнорирование закона 'Старого Мудреца' приводит к тому, что бессознательное начинает искать нового 'Отца'. Разочаровавшись в перестроенном 'Отце' (Горбачеве), народ сменил его на нового 'Отца' (Ельцина), это всегда приводит к серьезным социальным конфликтам (октябрь 1993 г.). Такой конфликт - это всегда раскол бессознательного у 'детей': у одних по отношению к старому, у других - к новому 'Отцу' и их 'братьям'.

Закон циклов популярности власти

Всякое развитие идет по законам циклов. Длительность циклов в разных областях жизни социума разная. Циклы этногенеза у Льва Гумилева - 300 лет. А вот длительность цикла популярности 'Отца', естественно, меньше. Теория цикла строится на исторических, политических, экономических, социальных законах, включая и законы психоанализа.

Ученые выделяют семилетний цикл популярности в народе той или иной политической кампании, того или иного лидера. Плюс-минус один год.

Если бы политики знали об этом, они бы своевременно обновляли свою политику и идеологию.

В самом деле: Ленин руководил 7 лет, у Сталина через 7 лет начался кризис власти, приведший к разгрому ленинских 'братьев', Хрущев правил 7 лет, Горбачев - 7 лет, Ельцин - 7 лет, Брежнев был популярным лидером тоже в течение 7 лет. А что же власть? Она при каждом 'Отце-Вожде' 'отклики' бессознательного либо игнорировала, либо они пресекались 'братьями' и партией. Разрушалась коммуникация доверия, формировалось отчуждение. Отчуждение всегда есть продукт кризиса коммуникации, взаимоотношений власти с народом. В итоге - стагнация партийной власти, ее паралич.

Революция 1991 года. Распад СССР.

Цикл эффективной политической жизни лидера протекает следующим образом: вначале и 'Отец', и 'братья' пытаются завоевать доверие, воздействуя на сознание и бессознательное 'детей', выдавая адекватные и неадекватные обещания. 'Дети' наивно верят, поддерживают власть, она вершит задуманное ('перестройку', 'рынок', 'реформы', 'приватизацию' и т.д.). Частично ей это удастся, правда, не без обмана 'детей' и не без манипуляций обещаниями (как это было с приватизацией). У 'Отца' и 'братьев' начинается 'головокружение от успехов', приводящее к эйфории. Это состояние психологи называют 'точкой наслаждения', когда наступает самоуспокоение, власть заболевает самодовольством, эгоизмом и цинизмом. После 'точки наслаждения' - резкое скольжение по траектории падения популярности, рейтинга доверия. Потеря 'инстинкта самосохранения' приводит к ослаблению силы воли и духа, игнорированию и даже измене душе и сердцу своего народа. Далее - слепое подражание иноземному цивилизованному народу.

А тут еще вступает в силу закон смены элит, при котором начинается поедание друг друга. Старые 'братья' правдой и неправдой пытаются сохранить старого 'Отца' во имя своего сохранения у власти. Дряхлеющее Политбюро неумолимо вело к одряхлению общества. В то же время надо отдать должное Борису Ельцину: он через семь лет добровольно ушел в отставку, не послушав 'братьев'. В интуиции ему не откажешь. Тем не менее ему понадобился наследник.

При выборе президентом России Владимира Путина 'дети' были удовлетворены тем, что был услышан их ментальный запрос на молодого, энергичного, понимающего их проблемы 'Отца'. Начался этап политической стабилизации и экономического роста на основе гармонизации действий власти с потребностями народного бессознательного.

После выборов Путина на второй срок власть попадает в опасную 'точку наслаждения', в эйфорию, вызванную ростом стабилизационного фонда и золотовалютного резерва, отсутствием оппозиции и т.д. Власть перестает нуждаться в коммуникации с народом. В этот момент 'прилежные братья' предлагают 'Отцу' провести комплекс непопулярных реформ: дескать, момент удобный - доходы граждан растут, покончено с невыплатой зарплаты

и пенсий. Вроде все логично. Но не учли, что суть реформ надо объяснить 'детям'. Не учли 'братья-либералы', что действует закон: непопулярные социальные реформы проходят спокойно только в странах с преобладанием богатого населения. И еще: отнимать что-то у человека, чуть поднимающегося с колен, труднее, чем у бомжа. Бомжу нечего терять, кроме последней своей одежки. Вышедшему только что из бедности 90-х годов терять нажитое равносильно раскулачиванию. Поэтому-то и получили социальный бунт. Пока только пенсионеров.

Политический и социальный цинизм 'братьев' из числа министров в итоге дал обратный эффект, он нанес удар по имиджу и рейтингу популярного в народе 'Отца'. 'Отец', кажется, вовремя заметил опасность и одернул, особенно 'младших' братьев, сказав открыто 'детям', что наше чиновничество представляет собой агрессивную и надменную касту, власть и народ разделены. Пока только 'Отец' охраняет в стране политическую стабильность, но и она в последнее время покрывается 'тенью'. Все разговоры о продлении его президентства могут иметь смысл лишь при условии вливания в работающие меха мощной струи чистого воздуха, а в социальный организм - свежей, здоровой крови. Нужна стратегия, нужен 'общественный идеал', будущий образ страны и сила воли в борьбе с коррупцией и бюрократизмом - этих язв на теле 'Матери'. Опасные болезни, которые надо срочно лечить.

Для того чтобы продлить семилетний цикл, сохранить популярность власти, необходимо обратиться к архетипам российского бессознательного и сформировать 'общественный идеал' России. У нас нет стратегии развития общества, есть только 'квазиполитика' (Виталий Третьяков). Если народ и дальше останется в неведении, какое общество власть строит в его стране, он перестанет верить власти окончательно. Элвин Тоффлер сделал вывод о том, что одной из причин развала СССР является то, что КПСС не обновляла свою идеологию и символы.

Все 'цветные' революции в странах СНГ осуществлялись с применением психоаналитических технологий, с воздействием на менталитет и национальный характер, на архетипы с помощью символов ('розовых', 'оранжевых'). Коррупция властей, бизнеса и бедность большинства - благоприятная почва для произрастания революционных цветов. Глубинная причина - в игнорировании закона ментальной идентичности. Согласно результатам социологических исследований ИКСИ РАН, 41% граждан России - 'традиционалисты', 26% - 'модернисты' и 33% - 'промежуточные'. Но в совокупности - около 70% граждан придерживаются традиционных российских фундаментальных ценностей. С этим нельзя не считаться. Другое дело - некоторые ценности надо корректировать. Но грамотно! А не 'чехом', не с мотивацией - 'авось'.

Другим важным направлением превентивной политики является знание 'закона духовного единства толпы', гуманное проникновение в 'душу толпы' (Гюстав Лебон) с тем, чтобы уметь упреждать ее формирование и проявление. Перерастание митинга в толпу (как это было в Карачаево-

Черкесии) - это всегда взрыв бессознательного ('Оно') и поражение сознательного ('Я'), разрушение перегородки 'Сверх-Я' и полная свобода действий механизмов 'вытеснения' и 'сопротивления' (по Фрейду). Например, освобождение от совести инстинкта собственности привело к дикому соотношению богатого меньшинства и бедного большинства. Кстати, действие механизмов 'вытеснения', 'сопротивления' и перегородки 'Сверх-Я' (совести) считается самым существенным открытием Фрейда. Эрих Фромм применил их при анализе 'социального бессознательного' и вскрыл механизмы эффективной власти и социальной политики.

Без ответов

Если бы наши политологи занимались исследованием законов политических отношений, а власть - выстраиванием адекватной системы сознательного управления, включая глубинные законы российского бессознательного, то системный кризис мы бы давно одолели. Правда, при одном условии: если бы власти имели потребность в результатах научных исследований в целом, и в особенности - исследований в области политического и социального психоанализа. Политологи же ушли в изучение и применение пиаровских технологий, им, похоже, не до изучения фундаментальных законов. А в итоге провалы политтехнологов в предвыборных кампаниях во многом происходят по причине игнорирования законов политических отношений и политического психоанализа. Провалы на Украине, в Грузии, в Молдавии, в Киргизии. Ранее в Абхазии. Не много ли провалов?

Политтехнологи заразили невежеством и власть. И 'мини-вожди', и 'братья' сегодня вновь находятся во власти 'русского обскурантизма' (недооценки образования, науки и культуры), свидетельством тому проекты реформ в этих областях. Опасная позиция.

У нас в политике девальвированы такие понятия, как 'демократия', 'свобода', 'либерализм'. Причина - в неразвитости 'коммуникативной теории психоанализа' (Юрген Хабермас) в новой России. Власть не разъясняет народу ни этих понятий, ни целей реформ. Если хочешь обратить народ в свою веру - занимайся агитацией и пропагандой своих идей и решений. У нас же, как водится, метания из крайности в крайность: либо тотальная идеологизация, либо тотальная деидеологизация. Никак не остановимся на 'золотой середине'!

Эта ситуация для России не нова. Вот рассуждение одного из героев 'Идиота' Федора Достоевского: 'Я ничего не говорю против либерализма: Я не на русский либерализм нападаю, и опять-таки повторяю то, за что собственно и нападаю на него, что русский либерализм не есть русский либерал. Дайте мне русского либерала и я его сейчас же при всех поцелую: Мой либерал дошел до того, что отрицает самую Россию, то есть ненавидит и бьет самую Россию - свою Мать'.

Сегодня чрезвычайно важно, чтобы ученые всерьез взялись за разработку политического психоанализа, а политики применяли на практике результаты этих исследований. Например, сколько тайн можно открыть, применяя фрейдовские механизмы 'сопротивления' и 'вытеснения' во взаимодействии бессознательного, предсознательного и сознательного, особенно в 'информационную эпоху' (Мануэль Кастельс), когда резко возрастает потребность в развитом 'коммуникативном разуме' (Хабермас), когда власть поймет, что она - 'средство коммуникации' (Луман).

Самый опасный для власти кризис - кризис общения власти с народом, кризис доверия. Он предвестник революций. Революцию готовит элита: новые претенденты на роль 'Отца', новые 'братья'. Они поднимают народ на революцию, превращая его часть в толпу. А далее события развиваются под давлением стихии толпы, но уже от имени 'народа' и в защиту новых 'народных любимцев', новых 'отцов и братьев'. Старые, совершив перед народом грехопадение - игнорирование принципа социальной справедливости, расширенное воспроизводство коррупции, личное обогащение, - спокойно сдают власть (Шеварднадзе, Кучма) или бегут из страны, бросая и 'детей', и 'братьев' (Акаев).

'Для того чтобы улучшить этот мир, - пишет Арнольд Миндел, - необходимо разработать новый метод, который соединяет все предыдущее, успешно действует в реальном мире и соответствует духу времени'б. Пока же 'никакая философская история, словянофильская или западническая (добавим сюда и современную политологию. - В.П.), не разгадала еще, почему самый безгосударственный народ создал такую огромную и могучую государственность, почему самый анархический народ так покорен бюрократии, почему свободный духом народ будто бы не хочет свободной жизни' (7). Эти вопросы Николая Бердяева до сих пор остаются без ответа.

Для науки и политической практики открывается перспектива новых исследований и новых идей, новых управленческих решений. Сегодня практически не исследуется экономическая власть с позиции политэкономического психоанализа, наметились лишь некоторые подходы (8).

Фундаментальной и весьма актуальной остается проблема идентичности: политической, экономической, национальной, культурной. Сегодня ни одна партия в стране не отвечает по большому счету критерию политической идентичности. Парадоксально, но факт: в СПС и 'Яблоке' вроде неглупые 'братья', но они не сделали выводов из своего поражения на выборах 2004 г. даже после откровенных признаний в СМИ (например, Коха и Ходорковского) о том, что идеология реформ не идентична менталитету народа. 'Единая Россия' (читай - Госдума) в едином порыве с правительством роет себе политическую яму, изменив своим обещаниям защищать интересы народа.

Россия нуждается в просвещенной власти. Власти совестливой, нравственной. Иначе нас всех погубят метастазы коррупции. Если власть - товар, то в стране - безвластие. Если власть продается и покупается -

наступает 'конец социальному' (Жан Бодрийяр). Если знания продаются на рынке власти - во власти господство серости, цинизма и меркантилизма. Власть, купленная за деньги, быстро забывает безденежный народ. Он ей мешает. Хотя источник обогащения один - труд народа. Остальное - спекуляция. Россия нуждается в наращивании интеллектуального капитала.

P.S. В качестве заключения

Прочитав этот материал, читатель может задать вопрос: так есть ли на самом деле 'тайна русской истории и русской души' (по Бердяеву) и 'тайна русской власти' (в концепции нашего коммуникативного и социального психоанализа)? Эти две 'тайны' существуют, когда власть и народ разделены, что сегодня был вынужден признать президент России.

Многие 'тайны' - истинные и ложные - исчезают, когда власть прозрачна и открыта перед народом; когда между властью и народом ведется искренний и регулярный диалог; когда есть эффективная государственная информационная политика; когда достигается опережающий информационный эффект в проведении реформ; когда общество имеет не только популярного лидера, но и популярную национальную идею; когда медиакратия защищает не исключительно свои корпоративные эго-интересы, а прежде всего национальные интересы России.

Но главное - победить бедность на основе торжества архетипа социальной справедливости, выраженной в идее 'сбережения народа' Александра Солженицына. Пока все наоборот. ИКСИ РАН задал опрашиваемым вопрос, что они в первую очередь приобрели бы, если б у них вдруг появилась соответствующая сумма денег? 50% опрошенных - купили бы одежду. Только 6,6% удовлетворены материальной обеспеченностью, питанием - 24,6%, одеждой - 14%; лишь 5% россиян имеют сбережения, достаточные для того, чтобы прожить на них не менее года, 19% - небольшие сбережения, куда входят 'гробовые' пенсионеров. Заключение социологов: 'Такое положение дел свидетельствует о том, что при любом серьезном потрясении не менее трех четвертей россиян могут оказаться в очень плачевном состоянии' (9). Я бы поменял здесь местами причину и следствие: плачевное состояние большинства населения может оказаться причиной потрясения. Президент поставил задачу борьбы с бедностью, но кто-то, вероятно либеральные министры, ее не решает. Здесь есть 'тайна'? Может, им не известно, что половина населения испытывает нужду в самом необходимом - в одежде?

В свете сказанного постановка Германом Грефом вопроса о 'модели экономической политики с позиции патернализма или либерализма' на IX Петербургском экономическом форуме представляется некорректной. В государстве, стремящемся быть социальным, патернализм в социальной сфере - обязанность и политической, и экономической власти. Поэтому президент в своем выступлении справедливо пытался сбалансировать либерализм с патернализмом, произнеся эти понятия через 'и'.

Будем оптимистами, будем жить надеждой, что все-таки у нас 'совершается незримое возрождение в зримом распаде' (Иван Ильин).

Как может свершиться это возрождение? Только благодаря возрождению силы духа народного и силы государственности, замешенных на дрожжах коммуникативного разума. И тогда все 'тайны' раскроются.

Примечания.

1 См. Шевченко В. Психоаналитический глоссарий. - Мн., 1994. С. 236.

2 О 'коллективном бессознательном в политике' см., например: Ольшанский Д. Основы политической психологии. - Екатеринбург, 2001. С. 67 - 70.

3 Гумилев Л. География этноса в исторический период. - Л., 1990. С. 33 - 34.

4 Луман Н. Власть. - М., 2001. С. 229 - 230.

5 Ранкур-Лаферриер Д. Психика Сталина: психоаналитическое исследование. - М., 1996. С. 11 - 12.

6 Миндел А. Лидер как мастер противоборства. Часть 1. - М., 1993. С. 11.

7 Бердяев Н. Судьба России. - М., 1991. С. 18.

8 См.: Проблемы экономической психологии. Том 1, 2. Отв. редакторы Журавлев А., Купрейченко А. - М., 2004, 2005 гг.

9 Аналитический доклад 'Собственность в жизни россиян: домыслы и реальность'. - М., 2005. С. 50, 58, 80.

Слово о Поле Розене

А.М.Кантор

Пол Розен (1936-2005) (31), почетный (emeritus) гарвардский профессор, известный западный историк психоанализа, автор не менее 700 печатных работ по психоанализу, включая 17 книг, не раз переизданных на многих европейских языках. Он также являлся редактором сочинений Фрейда и других крупных аналитиков, публикатором неизвестной ранее переписки Фрейда с его сподвижниками и оппонентами, неоднократно участвовал и выступал на крупнейших мировых психоаналитических и психотерапевтических форумах.

В России только что вышла книга Розена– «Фрейд и его последователи» (имелась в виду ее презентация в Санкт-Петербурге, на III-м Конгрессе ЕКПП "Современные психоанализы» летом 2006, совпавшем по времени со 150-летним юбилеем З.Фрейда и 70-летием самого П.Розена; к сожалению, не пришлось).

П.Розен, подобно Фрейду, также имеет российские (имперские) корни; в начале прошлого века родители его отца эмигрировали в США из небольшого городка близ Киева, семья матери, еще ранее прибывшая в Америку, происходила из Риги и Германии (сам Пол бывал в России, с интересом читал в переводах Л.Толстого и Ф.Достоевского). Розен успел опубликовать мемуары о своем научном поприще, назвав их «On the Freud Watch: Public Memoirs», что-то вроде «На посту (или «На службе») у Фрейда», далее подчеркнув их открытый («public») характер. Последнее обстоятельство связано, что не скрывает автор, с его «еретической» позицией в отношении ряда острых и нередко скрываемых или ретушированных аспектов психоаналитического движения и личности Фрейда. В некрологе, опубликованном в британской «Индепендент», исследования Розена названы «ниспровергающими» ортодоксальные мнения об окружении и последователях основателя психоанализа (32).

Только самому Фрейду Розен посвятил 7 (!) солидных, фундированных и, во многом, новаторских монографий. (33) Лично я был свидетелем

---

³¹ Текст, подготовленный для Мемориальных чтений П.Розена в Гарвардском Университете 6 мая 2006 г.

³² Professor Paul Roazen. Historian of psychoanalysis whose 'subversive' research upset Freud's family and followers. By Morton Schatzman // The Independent .16 November 2005.

³³ Freud: Political and Social Thought (1968, 1986, 1999); Brother Animal: The Story of Freud and Tausk (1969, 1990); Freud and His Followers (1975); Encountering Freud: The Politics and Histories of Psychoanalysis (1990); Meeting Freud's Family (1993); How Freud Worked: First-Hand Accounts of Patients (1995); The Trauma of Freud: Controversies in Psychoanalysis (2002).

блестящего доклада Пола «Что за человек Фрейд? Был ли он добрым малым?»(What sort of person was Freud? Was he a nice guy?) на международной конференции «Фрейд на пороге XXI века», в Иерусалиме (1999); об идеях которого скажу особо.

П.Розен был не только высококомпетентным, эрудированным специалистом в области истории и теории психоанализа (а также политической и социальной мысли), но также знатоком клинической практики психоанализа, изучать которую он начал, будучи еще студентом политических наук (у нас говорят «политологии»), посещая Бостонскую клинику «Psycho» и присутствуя на консилиумах психиатров. Именно тогда студент-гуманитарий осознал недостаточность только письменных (в широком смысле слова) источников.

Так, позднее (1964-1967 гг.), Розен разыскал и лично проинтервьюировал более 70 человек, лично знавших Фрейда, среди которых было 25 его пациентов, а также около 40 участников раннего периода и других специалистов психоаналитического движения.

Глубина исследований П.Розена никогда не была узкой, тоннельной, он поразительно тонко улавливал связи внутри и вне психоаналитической корпорации, ее синхронность и сходство с интеллектуальными веяниями и политической борьбой, а также историко-культурный контекст психоаналитического движения.

Впервые я встретился с П.Розеном на 41 Конгрессе Международной Психоаналитической Ассоциации в июле 1999г. (кстати, он не являлся членом IPA; возможно, его туда и не приняли бы). Я попал туда достаточно случайно, отправив свои тезисы с большим опозданием, но они нашли поддержку у добрых ангелов русских аналитиков Н.Хаен-Прокен и Г.Голдсмита. Итак, я оказался в Сантьяго-де-Чили, в роскошном чилийском дворце «Каса Пьедро», почти у подножия Анд, грандиозного горного хребта Латинской Америки, внимая звездам мирового психоанализа и с трепетом ожидая времени своего доклада. Никто не отказывал мне, личности совершенно неизвестной участникам Конгресса (кроме Гарри Голдсмита, знакомого мне по московскому семинару 1998г.), в общении, включая таких маэстро как О.Кернберг, Д.Кафка и Х.Кэхеле. Они были внимательны ко мне, а Кафка и Кэхеле даже почтили своим присутствием мой доклад и участвовали в дискуссии, за что я им сердечно признателен.

Однако Розен был особым человеком. Думаю, он почувствовал мое первоначальное, если не сказать, «первичное» одиночество на этом празднике психоаналитической жизни. Немало времени я проводил возле киосков психоаналитических издательств, просматривая литературу и, отчасти, рассчитывая на великодушные презенты продавцов «for a poor Russian analyst» (очень благодарен нью-йоркскому издателю М.Московичу, не раз оставлявшему мне непроданные книги и журналы; кое-что я все же покупал, за свои деньги). Там и подошел ко мне человек, я бы сказал,

типично интеллигентного вида, худощавый, в очках, с заметным носом и слегка свободной, седоватой шевелюрой; чем-то напоминая мне кого-то из американско-еврейских знаменитостей мира искусства, вроде Артура Миллера и Вуди Аллена, а еще сентиментальное стихотворение Евтушенко о старом профессоре («в костюме и не модном, и не новом, как и всегда, не модном и не новом»). Хотя боюсь, что фактически (не психологически!) я ошибаюсь, перенося собственные проекции на консьюмеристское общество; вряд ли Розен был столь скромно одет, возможно, меня смутил его серо-зеленый пиджак, в общем, все равно Розен выглядел иначе других участников Конгресса. Поздоровавшись, он представился и сразу же заговорил о России и русских аналитиках, упоминая Белкина, Кадырова, Решетникова и Ромашкевича. Заговорил заинтересованно, доброжелательно и, разумеется, корректно. (Иные иногда, прочитав мой congress badge'ик, могли спросить: «Вы, действительно, из России? Что, и там знают о психоанализе? О, Вы даже выступаете?!»). Бесспорно, на тот момент Розен лучше знал состояние психоанализа в России, нежели я.

При всей его предупредительности и внимании к собеседнику, в нем ощущалась определенная цепкость и пронизательность взгляда. Он высказывался обстоятельно, прибегая к сравнительно длинным фразам, с придаточными предложениями (конечно, на пределе моего английского), но очень точно формулировал мысль.

В тот же год мы увиделись с ним уже в декабре в Иерусалиме. Пол увидел меня раньше, чем я его, подошел и деликатно вступил в нашу беседу с одним, как мне помнится американским биологом, уговаривавшим меня составить ему компанию в поездке в Вифлеем. Потом он охотно представил нам своего знакомого аналитика, а нас ему. У него получалось дружески соединять людей, ничем себя не выпячивая. После Израиля мы стали переписываться, по обычной почте (тогда у меня не было компьютера). Конечно, Пол немедленно откликнулся на мою просьбу прочитать полный текст его доклада о Фрейде, прислал его мне и дал разрешение на перевод, без каких-либо условий. Я, в свою очередь, не удержался от желания послать ему английские версии собственных зарубежных докладов, и он одобрительно о них отозвался. Я приглашал его к себе в гости, он отвечал, что хотел бы увидеть Петербург Достоевского, вспоминал о посещении Ясной Поляны, сам приглашал меня на различные психоаналитические мероприятия в Европе, куда собирался, как-то приглашал меня посетить вместе с ним какое-то психоаналитическое мероприятие в Париже...

Какое-то время наше общение прервалось, возобновившись с появлением у нас дома компьютера. Добрейший и всемогущий Виктор Иванович Овчаренко разыскал мне электронный адрес Пола (как потом выяснилось, устаревший) и даже его последний к тому времени портрет.

Наконец, я обратился в Кембридж, на факультет, где Пол преподавал, и он с удовольствием отозвался. Потом Пол систематически «сбрасывал» мне свои работы последних лет, а кое-что по обычной почте, с дарственной надписью и более ранней фотографией, которую он пожелал разместить с

русскими переводами его работ. На ней он - обаятельный сорокалетний юноша, кудрявый, улыбочивый, но с тем же зорким взглядом.

Розен был чувствителен к неискренности и апологетичности психоаналитических авторов, и без стеснения отмечал это в своих работах, рискуя вызвать и вызывая недовольство влиятельных фигур в психоанализе, включая саму Анну Фрейд. Это касается, прежде всего, книги П.Розена «Братец Зверь», посвященной драматическим, если не трагическим, отношениям Фрейда с его талантливым учеником Виктором Тауском, позднее покончившим с собой, не без косвенной вины отца психоанализа; а затем его комментированных публикаций переписки Фрейда с Ш.Ференци и К.Абрахамом, журнальной полемики, многих других статей и книг.

Мнение П.Розена: Фрейд не был и не мог быть «хорошим парнем» или «добрым малым» (a nice guy) по определению. Ибо являлся подлинно «подрывным» (subversive) мыслителем, прозревавшим мрачные перспективы человечества, бросавший вызов стандартам. Однако пытался спасти его терапевтически, дено и ношно работая с людьми, занимаясь самоанализом, отвечая на письма, руководя движением и т.д. Будучи культурным, учтивым европейцем венского толка, Фрейд раздражался «варварству» американцев, их непосредственности и энергии; они же, в свою очередь, с размахом приняли его как духовного лидера. Тонкий аналитик, интеллектуал, он бывал также нетерпим, не мог избежать стихий человеческих отношений, ревности, неприязни, конфликтов с учениками; триумф Фрейда был связан с потерями...

Что ж, цитирует Розен американскую поговорку: «хорошие парни приходят последними» (nice guys come in last), то есть, надо понимать, уже на готовое... Но в этом смысле, М.Кляйн и даже А.Фрейд также нельзя назвать «правильными девочками» психоанализа. (34).

Многие коллеги Розена называют его «контroversальной» (controversial) фигурой психоаналитического сообщества. Это трудно точно перевести на русский язык. Переводят: «неоднозначный», «спорный», даже «противоречивый», что совсем неверно.

Думаю, не следует отбрасывать прямой смысл этого слова: способность видеть и создавать иные, противоположные (contro) версии события. В конце концов, а точнее, прежде всего, именно таким был сам Зигмунд Фрейд, на службе которого («On the Freud Watch») всю свою жизнь состоял Пол Розен.

Свои профессиональные мемуары Розен закончил небольшой главой «Личный эпилог: сокровенные места» (A Personal Epilogue: Secret Spaces). Пол вспоминает «рай из своего раннего детства»: он с ведром и совком на летнем пляже. «Невероятно поглощенный» (incredibly absorbed) созиданием

---

³⁴ Существует еще американская поговорка о девушках, хорошеющих к концу вечеринки.

постоянно смываемых стихией замков, песком и водой, снующими в ней красивыми пескарями...То было его «личным королевство» (personal realm), несравнимым с лучшими пляжами мирами, куда он впоследствии вывозил собственных детей.

Думаю, это свидетельство присущей Полу, гарвардскому ученому с мировым именем, единства и связанности личности, его открытости реалиям, искренности и биофилии.

Да будет память о нем благословенна!